КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 Января 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVIII, 1895 г. Январь, Февраль и Мартъ.

ОТДѢЛЪ I-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4.
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ПАМЯТИ

Александра Федоровича

КИСТЯКОВСКАГО.

(Род. 14 марта 1833 г., ум. 13 янв. 1885 г.).

ОТДѢЛЪ I.

А. Кистяковскій

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ КИСТЯКОВСКІЙ.

(Біографическій очеркъ, съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его).

Приступая къ изложенію фактовъ изъ біографіи *Александра Федоровича Кистяковскаго*, мы считаемъ самымъ умѣстнымъ начать съ его автобіографической записки, любезно предоставленной въ наше распоряженіе вдовой покойнаго. Эта записка была приготовляема Александромъ Федоровичемъ въ 1884 году для Біографическаго словаря, вышедшаго въ свѣтъ ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Университета св. Владиміра. Но начавъ свою автобіографію въ довольно пространномъ изложеніи, А. Ф—чъ измѣнилъ потомъ свое намѣреніе и ограничился только краткой біографической справкой, которая и напечатана въ этомъ словарѣ; начатая-же рукопись, къ сожалѣнію, такъ и осталась незаконченною. Этою цѣлью составленія автобіографіи объясняется и форма ея: идетъ рѣчь вездѣ не отъ перваго лица, а говорится объ А. Ф. Кистяковскомъ, какъ о третьемъ лицѣ, составляющемъ только предметъ изложенія. Помимо того интереса, который можетъ представить этотъ автобіографическій отрывокъ со стороны своего содержанія, затрогивающаго особенно подробно семинарскій періодъ въ жизни А. Ф—ча, мы печатаемъ его еще и потому, что считаемъ невидавшее печати слово незабвеннаго Александра Федоровича Кистяковскаго украшеніемъ страницъ той книги, которая посвящается его памяти.

Автобіографическій отрывокъ.

Кистяковскій Александръ Федоровичъ, докторъ уголовнаго права, ординарный профессоръ по каѳедрѣ уголовнаго права, родился 14 марта 1833 г. Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, въ селѣ Городищѣ. Отецъ его былъ священникомъ въ этой деревнѣ, а съ 1843 по 1868 г. и благочиннымъ одного изъ округовъ Сосницкаго уѣзда. Образованіе получилъ: низшее въ Черниговскомъ духовномъ училищѣ; среднее въ Черниговской духовной семинаріи, въ которую онъ поступилъ въ 1847 г. Въ семинаріи съ шестого класса онъ получалъ средства содержаніемъ ученической квартиры и обученіемъ учениковъ низшихъ классовъ. Въ Черниговской семинаріи, старѣйшей изъ всѣхъ семинарій Россіи послѣ духовныхъ академій, основанной въ 1702 г. архіепископомъ Іоанномъ Максимовичемъ, изстари повелся обычай, въ силу котораго ученики духовнаго училища ввѣрялись надзору и обученію учениковъ старшихъ классовъ семинаріи—шестого класса или философіи, и седмого класса или богословія, выражаясь семинарскою терминологіею. Лучшіе и благонадежнѣйшіе ученики этихъ двухъ классовъ, получивъ разрѣшеніе отъ смотрителя духовныхъ училищъ на право обученія учениковъ, нанимали квартиру въ частномъ домѣ для помѣщенія, содержанія и обученія учениковъ. Такіе содержатели и репетиторы учениковъ носили званіе инспекторовъ. Ежегодно въ концѣ августа и началѣ сентября, когда съѣзжались ученики, родители ихъ являлись къ такимъ инспекторамъ, осматривали квартиру, договаривались на счетъ денежнаго и натуральнаго довольствія и платы за инспекцію и обученіе. Ходячія условія такого содержанія и довольствія были въ тѣ времена таковы: доставлялось натурою 12 пуд. муки ржаной, пудъ муки гречневой, пудъ гречневыхъ крупъ или пшена, 20 или 25 фунтовъ сала, 5 фун. масла, 5 фун. свѣчей, нѣсколько квартъ конопляного масла. Деньгами платилось въ годъ: отъ 5 до 7 руб. за квартиру, отъ 5 до 7 руб. на приварокъ, какъ то: говядину, картофель, капусту и прочее, и отъ 5 до 7 руб. за инспекцію и обученіе. Такой инспекторъ былъ хозяиномъ квартиры, рас-

порядителемъ хозяйственной части, надзирателемъ за поведеніемъ учениковъ и репетиторомъ ихъ. Съ вечера онъ дѣлалъ съ ними переводы съ латинскаго и греческаго, передѣлывалъ ариѳметическія задачи. Утромъ очень рано отправлялся съ корзиною на рынокъ за покупкою продуктовъ. Возвратившись съ рынка, выслушивалъ и повѣрялъ уроки учениковъ. Выправивши ихъ въ классы, онъ отправлялся въ амбаръ, бывшій подъ его замкомъ, выдавалъ провизію, какъ купленную, такъ и доставленную въ запасъ родителями учениковъ. Послѣ сего самъ отправлялся въ классъ. Послѣ обѣда ученикамъ самыхъ низшихъ классовъ разлинеивалъ тетради и чинилъ перья, такъ какъ послѣобѣденные классы въ уѣздномъ училищѣ посвящались исключительно урокамъ чистописанія и диктовкѣ. Услуженіе во время обѣда и ужина лежало на ученикахъ, которые исполняли эту обязанность по очереди: на каждый день былъ свой дежурный. За такой трудъ инспекторъ воспользовался безплатною квартирою, даровымъ содержаніемъ и получалъ за каждаго ученика отъ 5 до 7 руб. въ годъ. Пріобрѣтшіе хорошую репутацію инспектора имѣли на своемъ попеченіи отъ 12 до 18 учениковъ; родители охотно, на перебой, поручали ихъ надзору своихъ дѣтей. Нельзя сказать, чтобы подобныя занятія были особенно благопріятны для собственныхъ занятій такихъ инспекторовъ. Но нужда и обычай заставляли молодыхъ семинаристовъ браться за эти занятія. Выходило, однакожъ, на дѣлѣ, что эти инспектора большею частію были и лучшими, и даровитѣйшими воспитанниками въ семинаріи. Кистяковскій въ теченіе четырехъ лѣтъ занимался такимъ инспекторствомъ.

Въ 1845 г. послѣ архимандрита Адріана, крайне слабаго и малоспособнаго педагога и учителя, ректоромъ Черниговской семинаріи былъ назначенъ архимандритъ Аѳанасій Борисовичъ, одинъ изъ выдающихся воспитанниковъ Кіевской Академіи, товарищъ по курсу Дмитрія Муретова, бывшій баккалавромъ и потомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Кіевской академіи. Онъ оживилъ и усилилъ занятія учениковъ, улучшилъ дисциплину, открылъ доступъ ученикамъ въ семинарскую библіотеку, установивши регулярную выдачу книгъ для чтенія. Этому по-

чтенному педагогу не долго суждено было занимать постъ ректора Черниговской семинаріи. Въ 1847 г. онъ умеръ отъ холеры, унесшей много жертвъ. Преемникъ его, архимандритъ Симеонъ, слывшій за свѣтскаго человѣка и вращавшійся среди свѣтскаго общества, не долго оставался на этомъ посту, будучи переведенъ настоятелемъ Донского монастыря въ Москвѣ. Назначенъ былъ ректоромъ въ Черниговской семинаріи ректоръ Казанской семинаріи Климентъ* Можаровъ, изъ воспитанниковъ С.-Петербургской академіи, бывшій баккалавръ ея и игравшій нѣкоторую роль въ той академіи. Пріѣзду его въ Черниговъ предшествовала слава замѣчательнаго проповѣдника и христіанскаго апостола среди татаръ. Дѣйствительность скоро оправдала молву. Служеніе Климента отличалось торжественностью; каждую обѣдню онъ говорилъ проповѣди, нѣкоторыя изъ нихъ не лишены были жизненности и оригинальности. Въ Черниговѣ онъ посвятилъ свою дѣятельность на обращеніе евреевъ въ христіанство. Онъ повелъ это дѣло довольно рѣшительно. Скоро число обращенныхъ стали считать десятками. Въ этомъ дѣлѣ помогала ему одна дама, которая, какъ гласила молва, изъ Казани послѣдовала за нимъ съ своимъ мужемъ въ Черниговъ изъ уваженія къ его проповѣдническому таланту, величественному отправленію богослуженія и апостольской дѣятельности.

Архимандритъ Климентъ, кромѣ ректорской обязанности, былъ преподавателемъ догматическаго богословія. Послѣ вакаціи, молодые богословы, только что перешедшіе въ высшій классъ, въ числѣ коихъ былъ и Кистяковскій, ждали ректора на первую лекцію догматическаго богословія. Величественный и важный, пріѣхавшій въ каретѣ, запряженной четверкою цугомъ памятныхъ для семинаристовъ лошадей, архимандритъ явился въ классъ въ сопровожденіи молодого человѣка, лѣтъ 14—15, еврейскаго происхожденія. Усѣвшись на каѳедру, онъ началъ рѣчь свою объ обязанности каждаго посвятившаго себя служенію церкви православной стремиться къ распространенію вѣры христіанской православной среди иновѣровъ, и въ особенности инородцевъ. Рѣчь свою онъ заключилъ формулою: тотъ у меня не будетъ считаться богословомъ, кто не обратитъ мнѣ въ право-

славную вѣру по крайней мѣрѣ одного еврея. Обращаясь затѣмъ къ первому ученику, онъ сказалъ: „этого молодого еврея (онъ назвалъ его по имени), котораго коснулся лучъ христіанской вѣры, я поручаю твоему попеченію и обученію. Онъ нынѣ еще оглашенный, доведи его до состоянія вѣрующаго“. Дѣятельность нашихъ молодыхъ богослововъ по части обращенія ничѣмъ не обнаружилась. Самъ архимандритъ Климентъ потерпѣлъ на этомъ пути крушеніе. Скоро пошли на него жалобы: его упрекали въ томъ, что онъ употреблялъ для обращенія, особенно малолѣтковъ, неодобрительные способы, при помощи своихъ подручниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность его не была открытою проповѣдью среди евреевъ, которая, будучи теоретически дозволительна, практически, конечно, была невозможна, а была рядомъ частныхъ темныхъ усилій, которыя во всякомъ случаѣ недозволительны. Архимандритъ Климентъ, вслѣдствіе многочисленныхъ жалобъ, былъ переведенъ ректоромъ Тверской семинаріи и настоятелемъ Отроча монастыря второго класса. Это считалось для него пониженіемъ, такъ какъ онъ до тѣхъ поръ состоялъ настоятелемъ Черниговскаго Елецкаго монастыря перваго класса. Съ огорченнымъ сердцемъ онъ оставилъ Черниговъ, хотя по-своему онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что наканунѣ его отъѣзда былъ привезенъ ему похищенный изъ новообращенныхъ, долго считавшійся погибшимъ. Прощаясь послѣ богослуженія съ паствою, онъ вывелъ этого очень милаго и изящнаго мальчика, покрытаго эпитрахилью, предъ народъ, указывая на его внезапное возвращеніе, какъ на указаніе перста Божія, оправдывающаго его дѣятельность въ сторону обращенія иновѣрцевъ.

Подъ вліяніемъ богословскаго курса, Кистяковскій въ первый годъ пребыванія въ богословскомъ классѣ былъ въ особенно религіозномъ настроеніи. Кромѣ установленныхъ постовъ, онъ въ одинъ изъ дней недѣли совершенно воздерживался отъ пищи. Въ Черниговѣ существуетъ древнѣйшій соборъ, постройки XI столѣтія, гдѣ лежатъ мощи Ѳеодосія Углицкаго. Въ четыре часа ночи совершалась тамъ заутреня, среди обширнаго собора, въ которомъ присутствовали одиночные богомольцы. Ту-

да-то, подъ живымъ религіознымъ настроеніемъ, приходилъ онъ слушать заутреню и поклониться гробу Ѳеодосія Углицкаго. Это было не формальное исполненіе религіозныхъ обязанностей, а проявленіе религіознаго экстаза, полнаго религіозныхъ грезъ, слезъ умиленія и молитвы. Въ это время онъ проникнутъ былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію. Въ концѣ перваго года исполнявшій должность ректора предложилъ отправить его на казенный счетъ въ Московскую академію, къ округу которой Черниговская семинарія не принадлежитъ. Это предложеніе не осуществилось, такъ какъ изъ той академіи не послѣдовало требованіе, которое повторялось не каждый курсъ, а изрѣдка. Во второй годъ богословскаго класса Кистяковскій посвященъ былъ въ стихарь, дававшій право занимать низшую церковную должность. Въ этотъ же годъ онъ, по назначенію семинарскаго начальства, произнесъ въ Черниговскомъ соборѣ двѣ проповѣди, написанныя на заданныя темы и процензурованные профессоромъ богословія.

Въ 1853 г. весной обнаружилась въ Черниговѣ холера. Ученики духовной семинаріи отпущены были по домамъ очень рано, до экзаменовъ. Предположено было произвесть экзамены послѣ вакацій. Это было въ особенности неблагопріятно для тѣхъ, которые предполагали поступать въ высшія учебныя заведенія—въ духовную академію и университетъ. Эти ждали особаго распоряженія. Около двадцатаго августа послѣдовалъ вызовъ двухъ учениковъ на экзаменъ, чтобы послать ихъ въ Кіевскую духовную академію, но въ числѣ ихъ не значился Кистяковскій. Тѣмъ не менѣе онъ пріѣхалъ въ Черниговъ и просилъ семинарское начальство допустить его къ экзамену съ тѣмъ, чтобы поступить въ Кіевскую академію по своему желанію. Въ этомъ ему было отказано по причинамъ, которыя пока не время разъяснять. Тогда онъ просилъ допустить его къ экзамену для поступленія въ университетъ наравнѣ съ однимъ изъ своихъ товарищей, который уже былъ допущенъ. Отказать въ этомъ было безъ лицепріятія не возможно. Экзаменъ выдержанъ. Черезъ день Кистяковскій вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ отправился на долгихъ въ Кіевъ и прибылъ туда 26 августа 1853 года.

При обыкновенномъ теченіи университетской жизни такое позднее прибытіе въ Кіевъ было бы полнымъ пропущеніемъ срока, назначеннаго для пріема въ студенты. Поздній пріѣздъ былъ и пропущеніемъ времени повѣрочныхъ экзаменовъ, обязательныхъ для каждаго поступающаго. Но тутъ помогло одно исключительное обстоятельство: въ Кіевъ ждали императора Николая. Университетъ мылся, чистился и красился: вся учебная дѣятельность была пріостановлена. Поздно пріѣхавшимъ дозволено было подавать прошенія о поступленіи. Въ число немногихъ попалъ и Кистяковскій. Патріархальное было еще то время. Кистяковскій пріѣхалъ въ Кіевъ, не имѣя ни одного документа. Аттестатъ не могъ быть еще изготовленъ, вслѣдствіе спѣшности отъѣзда послѣ экзамена. Объ увольненіи изъ духовнаго званія не могло быть и рѣчи, такъ какъ о свѣтскомъ званіи до 20 августа не было и мысли. О званіи Кистяковскаго было упомянуто только въ бумагѣ, выданной его товарищу отъ полиціи на проѣздъ. Онъ явился безъ документовъ въ канцелярію попечителя, который тогда завѣдывалъ пріемомъ въ студенты. Правитель канцеляріи Лазовъ сказалъ, что въ допущеніи къ экзамену препятствія не будетъ, но окончательное принятіе въ студенты послѣдуетъ по представленіи документовъ.

Время съ 27 августа по 11-е сентября было употреблено на скорую руку на приготовленіе къ экзамену. Поступленіе въ университетъ не имѣлось въ виду. Необходимо было пополнить нѣкоторые пробѣлы. Въ семинаріи преподавалась риторика и піитика, логика и психологія, но словесность не входила въ курсъ преподаванія. Этотъ пробѣлъ былъ нѣсколько восполненъ чтеніемъ, но отрывочныя знанія необходимо было привесть въ систему. 11-го, 12-го и 13-го сентября произведены были экзамены запоздавшимъ. Экзаменаціонная коммиссія состояла подъ предсѣдательствомъ ректора Р. Э. Траутфетера. Въ отсутствіе его замѣнялъ его покойный А. И. Селинъ, экзаменовавшій по русскому языку и словесности, по исторіи экзаменовалъ В. Я. Шульгинъ, по географіи Н. Х. Бунге, по математикѣ И. И. Рахманиновъ, по физикѣ профессоръ Кнорръ, по латинскому языку С. С. Гогоцкій, по греческому покойный доцентъ Страш-

кевичъ, по богословію протоіерей Н. М. Скворцевъ, по французскому языку лекторъ. Экзаменъ для Кистяковскаго оказался вполнѣ удовлетворительнымъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ студенты, Кистяковскій принятъ былъ въ квартиру недостаточныхъ студентовъ, или въ такъ называемый *штрафгаузъ*, который помѣщался въ домѣ Березовскаго, гдѣ нынѣ управленіе Лыбедской части. Квартиры недостаточныхъ студентовъ были учреждены Генералъ-Губернаторомъ Бибиковымъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Штрафгаузомъ они назывались потому, что генералъ Бибиковъ принудительно помѣщалъ туда провинившихся студентовъ изъ богатыхъ фамилій, преимущественно польскаго происхожденія. Отсюда проистекало то, что они не пользовались въ свое время расположеніемъ студентовъ. Дурная репутація сохранилась за ними и въ 1853 г., когда уже настало управленіе кроткаго и благорасположеннаго къ человѣчеству Генералъ-Губернатора князя И. И. Васильчикова, который также, по примѣру своего предшественника, былъ до 1856 г. и попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Товарищи Кистяковскаго не совѣтовали ему поступать въ штрафгаузъ. Дешевизна содержанія, удобства помѣщенія и близость университета склонили его послѣдовать своей рѣшимости. Въ то время, подъ вліяніемъ накопившагося предубѣжденія, эти квартиры были заняты менѣе, чѣмъ на половину: было всего 16 человѣкъ. Къ концу года они переполнились; число студентовъ, въ нихъ живущихъ, достигло 45, и желающіе поступить уже стали ожидать очереди. Не смотря на бывшую тогда дешевизну вообще въ сравненіи съ нынѣшнимъ, не смотря на то, что студенты за 3 руб. имѣли хорошій обѣдъ у хозяекъ, содержаніе въ квартирѣ недостаточныхъ студентовъ, очень хорошее и очень удобное, было дешевле содержанія на самой бѣдной квартирѣ. За 6 руб. студентъ имѣлъ отличное помѣщеніе, чай утромъ и вечеромъ, очень хорошій обѣдъ, прислугу, мойку бѣлья и баню. Жители штрафгауза имѣли чай въ самомъ помѣщеніи, а обѣдъ вмѣстѣ съ казеннокоштными студентами въ главномъ зданіи университета. При штрафгаузѣ состояли: особый буфетчикъ, гарде-

робщикъ и нѣсколько служителей. Комнаты для занятій, за исключеніемъ маленькой, гдѣ помѣщались слабогрудые, находились наверху, дортуары, или спальни внизу. Въ этомъ-же зданіи жилъ инспекторъ студентовъ, который имѣлъ пріемный кабинетъ для студентовъ наверху.

Въ концѣ перваго года Кистяковскій выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ, каковымъ оставался до окончанія курса, въ послѣднее время съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ раздѣлялся на двѣ половины: медицинскую, занимавшую лѣвую сторону или южную четвертаго этажа, и историко-юридическую, помѣщавшуюся на правой сторонѣ или сѣверной четвертаго этажа главнаго корпуса. Слабогрудые жили на второмъ этажѣ, гдѣ теперь помѣщается казначейская и канцелярія медицинскаго факультета. Комнаты для занятій отдѣлены были отъ общихъ дортуаровъ или спаленъ. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ, равно какъ и квартиры недостаточныхъ студентовъ, были въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ. Они доставляли возможность бѣднѣйшимъ студентамъ получать въ организованномъ и благородномъ видѣ общественное содержаніе и предупреждали развитіе нищеты и нищенства. Они давали возможность и правильнаго надзора за жизнію студентовъ. Многія поколѣнія прошли чрезъ этотъ институтъ. Кіевскій университетъ считаетъ многихъ лучшихъ изъ своихъ воспитанниковъ въ числѣ получавшихъ содержаніе въ этомъ институтѣ. Казеннокоштный студентъ былъ вполнѣ обезпеченъ; ему нечего было думать о завтрашнемъ днѣ; онъ могъ весь предаться занятіямъ наукою. Такъ зачастую и было. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ возникло предубѣжденіе противъ этого института,—и онъ былъ упраздненъ въ 1858 г. Въ наше время опять возникла мысль о студенческихъ общежитіяхъ. Для студента время пребыванія въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ было лучшимъ временемъ жизни вообще и студенческой въ частности.

Время поступленія и пребыванія въ университетѣ Кистяковскаго непосредственно слѣдовало за временемъ управленія генерала Бибикова Кіевскимъ учебнымъ округомъ. О строго-

стяхъ этого управленія ходили свѣжіе разсказы. Исключенія навсегда изъ университета были рѣдки; чаще практиковались временныя высылки студентовъ медицинскаго факультета на должность фельдшера, а студентовъ другихъ факультетовъ на должность приходского учителя. Заключеніе въ карцеръ было ежедневнымъ явленіемъ: при каждой половинѣ института казеннокоштныхъ студентовъ, на четвертомъ этажѣ главнаго зданія университета, былъ свой карцеръ, состоящій изъ маленькой, свѣтлой и теплой комнаты съ лавкою, безъ постели. Студенты носили форменную одежду. Генералъ Бибиковъ былъ строгій блюститель формы и внѣшней дисциплины.

Въ 1856 г., по переходѣ на четвертый курсъ, осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Кистяковскій, за нарушеніе, выражавшееся въ словахъ, дисциплины по отношенію къ лицамъ университетской инспекціи, былъ удаленъ на время изъ университета и назначенъ учителемъ сначала приходского, а затѣмъ, благодаря заступничеству товарищей, уѣзднаго училища въ г. Козелецъ. Въ Козельцѣ онъ пробылъ до декабря мѣсяца, получая четырнадцать рублей ежемѣсячно жалованья. Изъ Козельца онъ переведенъ былъ въ Кіевъ въ Кіевское дворянское училище съ окладомъ 18 руб., которое въ то время помѣщалось на Нижне-Владимірской улицѣ въ домѣ бывшемъ Делатомбель. Въ обоихъ училищахъ онъ преподавалъ исторію и географію. Въ генварѣ 1857 г. онъ возвращенъ былъ въ число студентовъ, но не въ институтъ казенно-коштныхъ студентовъ, а съ выдачею ему денежнаго содержанія по 14 руб. въ мѣсяцъ. Эта почетная ссылка служитъ характеристичною чертою того патріархальнаго добраго стараго, хотя и не очень, времени, которое прошло безвозвратно: были другія настроенія, другіе нравы и обычаи. Эта ссылка въ данномъ случаѣ была подражаніемъ ссылкамъ временъ Бибикова: Кистяковскій засталъ въ Козельцѣ еще довольно свѣжія преданія о пребываніи въ близкомъ къ Козельцу Острѣ въ званіи приходского учителя М. А. Тулова, бывшаго потомъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа. Покойный Туловъ, будучи студентомъ, тоже былъ ссылаемъ, за двадцать примѣрно лѣтъ предъ 1856 г., въ видѣ взысканія приходскимъ

учителемъ. Кистяковскій былъ сосланъ въ Козелецъ по рѣшенію благороднаго А. Р. Ребиндера, перваго, послѣ попечителей Генералъ-Губернаторовъ, Кіевскаго попечителя, бывшаго потомъ директоромъ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, умершаго въ званіи сенатора въ Москвѣ.

Весной 1857 г. въ апрѣлѣ случилось крупное происшествіе въ Кіевѣ, и главнымъ образомъ въ средѣ студентовъ Кіевскаго университета: студенты совершили въ театрѣ насиліе надъ личностію полковника Б. [1]), нанесши ему жестокіе побои. За годъ предъ тѣмъ начались столкновенія между военными, которыхъ тогда въ Кіевѣ было очень много послѣ возвращенія ихъ съ театра войны, и студентами. Какой духъ вызывалъ эти столкновенія,—это вопросъ пока неразрѣшенный. Почему же частныя столкновенія между нѣсколькими военными и нѣсколькими студентами волновали все кіевское студенчество, это слѣдуетъ приписать корпоративному духу, господствовавшему тогда между студентами: въ особенности тѣсно сплочены были студенты польскаго происхожденія; казеннокоштные студенты были также близки другъ къ другу. Уже столкновеніе, бывшее за годъ предъ тѣмъ и кончившееся смертію студента, довело взволнованное состояніе до значительной степени: были приняты мѣры, чтобы смягчить враждебное настроеніе. Говорили, что самъ князь Васильчиковъ посѣтилъ больного студента, лежавшаго въ клиникѣ. Тѣмъ не менѣе настроеніе студентовъ было таково, что новое столкновеніе, и меньшей важности, могло поднять бурю. Такъ оно и случилось. Казеннокоштные студенты пятаго курса переселялись въ особо нанятую для нихъ на Печерскѣ квартиру съ тѣмъ, чтобы приблизить ихъ помѣщеніе къ госпиталю, который они должны были ежедневно посѣщать не одинъ разъ. Одинъ изъ этихъ студентовъ, по имени Яроцкій, шелъ по улицѣ. На встрѣчу ему бѣжала собака, которую онъ ударилъ, безъ вины или по винѣ ея—неизвѣстно. Шедшій вслѣдъ за нею полковникъ Б. набросился на студента Яроцкаго съ бранью, позвалъ недалеко стоявшихъ около его квартиры дворниковъ и служителей,

[1]) Бринкена.

которые его схватили, тащили и вообще учинили надъ нимъ насиліе. Студенчество взволновалось. Утромъ явился одинъ изъ студентовъ пятаго курса къ Кистяковскому, приглашая прійти на Печерскъ, для совѣщанія. На совѣщаніи довольно немногочисленнаго кружка студентовъ Кистяковскій настаивалъ на легальномъ способѣ веденія дѣла, на подачѣ жалобы своему начальству о заступничествѣ и удовлетвореніи за обиды. Кружокъ согласился и поручилъ ему написать жалобу, которая того же дня была готова. Но въ ней не оказалось нужды: черезъ день совершено было насиліе—нанесены были полковнику Б. побои въ театрѣ. Собралось около 300 студентовъ вокругъ театра; нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, почти исключительно студенты медики пятаго курса, ближайшіе товарищи оскорбленнаго, явились исполнителями этого насилія. Это событіе было совершенно неожиданно для Кистяковскаго. Въ ту же ночь очень поздно попечитель Ребиндеръ посѣтилъ помѣщенія казеннокоштныхъ студентовъ, большинство которыхъ находилось уже въ спальняхъ. На другой день пошли розыски и аресты: главные дѣятели были всѣ арестованы. Скоро по Высочайшему повелѣнію присланъ былъ спеціальный слѣдователь, молодой флигель-адъютантъ, графъ Бобринскій. Замѣчательно, что общественное мнѣніе отнеслось очень снисходительно, если не къ поступку студентовъ, то къ нимъ самимъ: арестованнымъ былъ произведенъ окончательный экзаменъ въ казематахъ крѣпости. Это не могло бы произойти при другой настроенности умовъ, какъ въ обществѣ, такъ и въ правящихъ сферахъ. По приговору коммиссіи исполнители насилія были приговорены къ отдачѣ въ солдаты. Приговоръ ожидалъ конфирмаціи государя. 7 октября пріѣхалъ покойный Императоръ Александръ II вмѣстѣ съ Императрицею въ Кіевъ. Чрезъ нѣсколько дней онъ посѣтилъ университетъ. Студенты собраны были въ торжественной залѣ. Покойный Государь, бывшій тогда во цвѣтѣ лѣтъ, по приходѣ въ залу обратился къ студентамъ съ словомъ. Это было слово милостиваго монарха, который, строго осудивъ поступокъ студентовъ, призывалъ ихъ на честное и самоотверженное служеніе Россіи. Тогда же сдѣлалось извѣстно, что Государь простилъ виновныхъ: повелѣно

было виновныхъ, которые уже имѣли званіе лекаря, послать на службу въ отдаленныя губерніи.

Перипетіи этой исторіи въ студенческомъ мірѣ не могли не отразиться на душевномъ состояніи Кистяковскаго. Къ осени того года состояніе его здоровья очень упало: нуженъ былъ отдыхъ, успокоеніе и даже удаленіе на нѣкоторое время изъ среды, намозолившей душу. Но тутъ наступило время приготовленія къ экзамену. Настала пора усидчивыхъ занятій. Двѣнадцатичасовая работа, однакожъ, оставалась долго безъ малѣйшихъ результатовъ: больной духъ, какъ и больное тѣло, не въ состояніи переваривать пищи, первый—духовной, второе—вещественной. Только за мѣсяцъ предъ экзаменомъ нѣсколько оживились силы, занятія пошли живѣе и спорнѣе. Начались экзамены; шли они вообще удовлетворительно и даже очень.

На этомъ обрывается автобіографія Александра Федоровича. Не разсчитывая дать полнаго біографическаго очерка въ томъ видѣ и объемѣ, какихъ заслужила личность А. Ф—ча, мы постараемся, насколько позволяютъ намъ источники, дополнить тѣ страницы, которыя или совсѣмъ опущены, или только мелькомъ затронуты въ автобіографіи.

Прежде всего интересно было-бы установить хоть какіянибудь черты изъ дѣтскаго періода жизни А. Ф—ча, о чемъ автобіографическій отрывокъ совсѣмъ не говоритъ. Къ сожалѣнію, для выполненія этой задачи мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ немного, да и то не прямыхъ свидѣтельствъ, а только косвенныхъ, къ которымъ мы теперь и обратимся.

Какъ въ приведенной выше автобіографіи А. Ф—ча, такъ и во всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ біографическихъ справкахъ о немъ мы находимъ указаніе, что онъ былъ сынъ сельскаго священника, т. е. принадлежалъ къ духовному званію; но собственно говоря исконный родъ его—крестьянскій, и при томъ очень недавно обратившійся въ духовный. У насъ имѣются въ распоряженіи рукописныя воспоминанія отца А. Ф. (которыя мы начинаемъ печатать въ этой-же книжкѣ нашего

журнала), гдѣ сказано, что дѣдъ Александра Федоровича, Емельянъ Васильевичъ, былъ крестьяниномъ гр. Ильи Андреевича Безбородка и состоялъ управляющимъ имѣніемъ его въ м. Стольномъ (сосницк. у., черниг. губ.). Будучи близкимъ и любимымъ человѣкомъ, Емельянъ Васильевичъ Кистяковскій въ 1808 году со всѣмъ семействомъ получилъ вольную отъ графа и, состоя по прежнему управляющимъ у него, имѣлъ возможность теперь на правахъ свободнаго человѣка устраивать семью по своему усмотрѣнію. Случай помогъ одного изъ сыновей, Федора, пристроить совсѣмъ неожиданнымъ способомъ.

Дѣти Емельяна Васильевича, вмѣстѣ съ матерью, имѣли доступъ въ графскіе покои, и даже самъ графъ дарилъ имъ игрушки, давалъ конфекты и вообще обходился съ ними ласково, вслѣдствіе чего, когда однажды въ 1809 году въ м. Стольное съѣхалось много знатныхъ гостей и среди нихъ Преосвященнѣйшій Михаилъ, Архіепископъ Черниговскій, то потребована была въ комнаты жена Емельяна Васильевича съ совсѣмъ еще маленькимъ сыномъ Федоромъ (2-хъ лѣтъ отъ роду), и тутъ Преосв. Михаилъ благословилъ ихъ и объявилъ свое архипастырское благоволеніе, а именно—что мальчикъ Федоръ принимается въ духовное званіе и, кромѣ того, будетъ воспитываться въ духовномъ училищѣ на счетъ Владыки. Конечно, сдѣлано это было въ угоду графу Безбородку.

Когда въ 1810 году умеръ Емельянъ Васильевичъ, жизнь вдовы измѣнилась къ худшему, хотя все-таки оказывалось ей, какъ со стороны семьи графа, такъ и его служащихъ, всякое вниманіе и давалась матеріальная поддержка. Это дало возможность ей понемногу подготовлять сына Федора къ поступленію въ Черниговское духовное уѣздное училище, а затѣмъ въ Черниговскую семинарію. Здѣсь, въ семинаріи, по переходѣ его въ философскій классъ, едва не случилась съ нимъ крупная перемѣна въ ходѣ дальнѣйшаго ученія, а затѣмъ и всей жизни. Дѣло въ томъ, что, несмотря на обѣщаніе Преосвящ. Михаила, воспитывался Федоръ Кистяковскій и въ училищѣ, и въ семинаріи на свой счетъ, на томъ, будто-бы, основаніи, что нигдѣ никакого указа Преосв. Михаила семинарское

правленіе не нашло. Случилось-же такъ, что, кажется въ 1817 году, среди семинаристовъ разошелся слухъ, будто-бы въ С.-Петербургскую медицинскую академію требуется много учащихся, вслѣдствіе чего стали подавать прошенія о пріемѣ туда многіе воспитанники другихъ учебныхъ заведеній. Подали прошенія и нѣкоторые черниговскіе семинаристы, а въ томъ числѣ и Федоръ Кистяковскій. Вскорѣ въ семинаріи началъ ходить слухъ, будто прошенія эти, поданныя семинаристами безъ вѣдома начальства, возвращены назадъ и что виновные будутъ наказаны за самовольный поступокъ.

Дѣйствительно, слухъ этотъ оправдался, и семинаристы были наказаны, обреченные въ теченіе недѣли быть на хлѣбѣ и водѣ во время обѣда, а во время уроковъ—стоять у печки, не садясь на партіи; кромѣ того, съ нихъ взята была подписка о томъ, чтобы они не смѣли утруждать высшее начальство никакими просьбами.

Впрочемъ, вскорѣ пришло требованіе выслать въ медицинскую академію четырехъ учениковъ по назначенію самого начальства академіи; въ то число попалъ и Федоръ Кистяковскій. Но академическое начальство не желало его посылать, а потому убѣдило мать Федора, что его не слѣдуетъ отправлять въ Петербургъ, такъ-какъ онъ слабъ здоровьемъ; кромѣ того, найденъ теперь указъ, причисляющій его къ духовному званію, вслѣдствіе чего его зачислятъ теперь впредь до окончанія курса на казенный счетъ, и черезъ три года онъ будетъ уже священникомъ. Все это было причиной того, что мать согласилась съ ихъ доводами, и „этимъ кончается судьба моего поступленія въ свѣтское званіе“—такъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ самъ Федоръ.

Впрочемъ, окончивши семинарію въ 1827 г., онъ опять начинаетъ мечтать о свѣтскомъ званіи, и все о той-же медицинской академіи, разсчитывая еще годъ прожить въ Черниговѣ, занимаясь частнымъ преподаваніемъ, и этимъ путемъ заработать денегъ для поѣздки въ Петербургъ. Но судьба опять распорядилась иначе: простудившись на охотѣ, Федоръ Емельяновичъ проболѣлъ довольно долго и отправился въ Стольное

къ матери для поправленія здоровья. Тутъ-то, по настоянію матери, онъ окончательно простился съ мыслію объ академіи медицинской, женившись на дочери священника с. Городища Федора Эсманскаго, Иринѣ. Послѣ этого онъ принялъ священническій санъ и занялъ мѣсто сельскаго священника въ с. Городищѣ, уступленное ему тестемъ о. Федоромъ, порѣшившимъ принять монашество и поступить въ Домницкій монастырь.

Остановились мы подробнѣе на этомъ фактѣ колебанія Федора Емельяновича Кистяковскаго между свѣтскимъ и духовнымъ званіемъ потому, что видимъ здѣсь нѣкоторое объясненіе тому явленію въ семьѣ Кистяковскихъ, которое можетъ показаться на первый разъ страннымъ, а именно: изъ пяти сыновей о. Федора Кистяковскаго только одинъ избралъ себѣ дорогу духовнаго служенія, да и то по усиленнымъ настояніямъ отца, а всѣ остальные прошли черезъ университетскій курсъ. Явленіе это, рѣдкое въ семьѣ сельскаго священника вообще, а въ тѣ годы тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, можно сопоставить съ только-что отмѣченнымъ фактомъ случайнаго поступленія Федора Кистяковскаго въ духовное званіе, а слѣдовательно—не существовало въ семьѣ не только родовыхъ традицій въ этомъ направленіи, но даже—весьма правдоподобно—могли установиться иные вкусы, направившіе. между прочимъ и Александра Федоровича по окончаніи семинаріи не въ Духовную Академію, а въ университетъ.

У этого-то, волею судебъ очутившагося въ священникахъ, о. Ѳедора и жены его Ирины въ 1833 году 14 марта родился сынъ Александръ, третій ребенокъ въ семьѣ, но ставшій сразу старшимъ сыномъ, т. к. прежде него родившійся сынъ Михаилъ не долго жилъ на свѣтѣ, а перворожденной была сестра его Меланія. Въ запискахъ отца такъ отмѣчено рожденіе сына Александра: „Богъ благословилъ насъ рожденіемъ сына, нареченнаго Александромъ, благодатнымъ для насъ; съ самаго малолѣтства онъ насъ радовалъ своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ“. Многосемейный о. Ѳедоръ, состоя сельскимъ священникомъ и, слѣдовательно, имѣя очень скудныя средства, долженъ

былъ добывать себѣ возможность сводить концы съ концами путемъ хозяйства, которымъ онъ и занимался усиленно, какъ самъ онъ говоритъ намъ въ своихъ запискахъ. Впрочемъ, эти хозяйственныя заботы не устранили его отъ необходимости лично обучать подроставшихъ старшихъ дѣтей (Маланію, Александра и Федора), при чемъ въ запискахъ его мелькомъ сказано, что „благодаря Богу, Александръ съ самаго начала имѣлъ охоту къ наукѣ". Какъ шелъ самый процессъ обученія, мы можемъ догадываться, прочитавъ въ запискахъ о. Θеодора нѣсколько строкъ, знакомящихъ насъ съ господствовавшимъ у него методомъ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ женитьбы о. Θеодоръ, для добыванія средствъ къ жизни, устроилъ у себя въ домѣ школку, какъ для пансіонеровъ, такъ и для приходящихъ; тутъ то намъ и указываетъ онъ, какъ велись занятія. Начало ученія въ школѣ по древнему обычаю приходилось на 1-е декабря, въ день Пророка Наума; начиналось ученіе „по церковной грамотѣ съ *аза* и продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока не выучитъ Граматки, Часловца и Псалтиря, читать на крилосѣ Часы, а посреди церкви Псалтирь, Каθизмы; болѣе-же изучившіеся читали предъ Евангеліемъ Апостола, приспособляясь къ звуку и разстановкѣ словъ своего учителя, что́ уже радуетъ родителей, говорящихъ „уже и Апостола читае такъ, якъ и дьячокъ". Въ то время былъ обычай года два писать на деревянной табличкѣ, покрытой черной краской; сначала выводились на этой табличкѣ гусинымъ перомъ, обмакиваемымъ въ какія-то бѣлила изъ крейды, прописныя буквы, а затѣмъ уже писались „малыми складами" фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Учитесь, дѣти, во младыя лѣты; когда придетъ старость, тогда будетъ радость". Наконецъ, учитель объявлялъ родителямъ дѣтей, что „пора переводить писать на паперѣ". Этотъ *переводъ на паперъ* сопровождался приличнымъ угощеніемъ учителя въ собственномъ его домѣ, „большою попойкою и объяденіемъ, что доставлялось родителями дѣтей".

Конечно, не по иному способу прошли первые шаги науки и для Александра Федоровича, когда, какъ было сказано, наступила пора ученія его вмѣстѣ съ братомъ и сестрою. Эта

домашняя наука прошла, очевидно, вполнѣ благополучно, т. к. въ запискахъ о. Θеодора находимъ такое мѣсто: „всѣ сыновья росли благополучно и въ маломъ возрастѣ подавали надежды, что изъ нихъ выйдетъ что нибудь доброе, путное".

Но вотъ наступила пора и школьнаго ученія, при иной обстановкѣ, или—какъ говоритъ о. Θеодоръ—„нужно было уже подумать и о Черниговѣ, чтобы замѣстить старшаго сына Александра въ уѣздное училище" (конечно—духовное). Объ этомъ періодѣ ученія мы знаемъ тоже немного: автобіографическій очеркъ, какъ мы видѣли, ничего не говоритъ; пробовали мы обращаться къ товарищамъ Александра Федоровича, и одинъ изъ нихъ, о. Іоаннъ Доброгаевъ, любезно подѣлился съ нами своими воспоминаніями, но и онъ объ этомъ времени помнитъ мало, написавъ намъ только слѣдующія слова: „Знакомство мое съ А. Ф. Кистяковскимъ началось съ низшаго отдѣленія Черниговскаго духовнаго училища. Знакомство эго въ училищѣ мало мнѣ оставило воспоминаній. Какъ теперь представляю его: онъ былъ высокаго роста, русявый, лицо нѣсколько сѣрое. Ничѣмъ не выдавался и ничѣмъ не отличался онъ отъ прочихъ товарищей". Поэтому, и тутъ единственнымъ источникомъ для насъ являются все тѣ же записки о. Θеодора. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ началѣ учебнаго года (къ сожалѣнію—нельзя точно сказать какого) Александръ Федоровичъ отвезенъ былъ въ Черниговъ, гдѣ и помѣщенъ на квартирѣ нѣкоего Мелейши, неподалеку отъ зданія семинаріи, при чемъ надзоръ за нимъ порученъ былъ односельчанину, сыну дьячка, бывшему уже въ высшихъ классахъ семинаріи. „Ученіе шло хорошо; я радовался, и мать тоже не пропускала случая, чтобы не послать какихъ нибудь домашнихъ гостинцевъ, а я злота или двугривеннаго". Черезъ годъ отвезенъ былъ туда же и младшій братъ, Федоръ, и „благодаря Бога оба въ наукахъ не отставали отъ прочихъ, а еще болѣе преуспѣвали, а равно въ поведеніи дурныхъ никакихъ привычекъ не имѣли".

Впрочемъ, хотя о. Θеодоръ и сказалъ, что „ученіе шло хорошо", однако нѣсколько дальше вотъ какъ характеризуетъ онъ тогдашнюю науку въ этой школѣ. „Ученіе въ уѣздномъ учи-

лищѣ было устарѣлое. Монахъ Платонъ заправлялъ всѣмъ: назначалъ квартиры, репетиторовъ, посѣщалъ квартиры, а въ методѣ ученія мало было толку. Кто хотѣлъ прилежно учиться, тотъ понемногу понималъ, а другіе проходили классы или *на серебряныхъ колесахъ*, или по протекціи. Такъ иногда оканчивали и полные курсы семинаріи. За то хорошіе ученики нерѣдко за самые малые проступки были вовсе выгоняемы по капризамъ смотрителя, инспектора, или кого-нибудь изъ учителей". Какъ ни неприглядны эти картинки, однако мы видѣли, что Александръ Федоровичъ ни словомъ не заикнулся въ своей автобіографической запискѣ о той тяготѣ, которая сопровождала его учебную колею и которая, впрочемъ, главнымъ образомъ пришлась на долю его семинарскаго ученія.

Семинарскій періодъ съ такою подробностью описанъ въ автобіографіи, что намъ нѣтъ надобности останавливаться на немъ; прибавимъ развѣ только то, что опущено о себѣ самимъ Александромъ Федоровичемъ по разнымъ причинамъ.

Прежде всего дополнимъ свѣдѣнія о немъ, какъ воспитанникѣ семинаріи, со словъ товарища его ѳ. Іоанна Доброгаева, очень мѣтко указывающаго намъ, какіе вкусы научные начали у Александра Федоровича слагаться здѣсь, въ тотъ возрастъ, въ который, обыкновенно, послѣ ряда колебаній, юноша прочно останавливается на чемъ-нибудь одномъ, задатки для чего можно при внимательномъ наблюденіи замѣтить и раньше. Но приведемъ полностію свидѣтельство о немъ о. Іоанна Доброгаева.

„Съ класса *словесности* (семинарія раздѣлялась тогда на три класса: 1—словесность, 2—философія, 3—богословіе) Ал. Ѳед. сталъ замѣтенъ болѣе, чѣмъ въ духовномъ училищѣ, и не по чему другому, а по своимъ трудамъ. Бывало всегда увидишь его, и въ квартирѣ, и въ классѣ, за книгою, или прочетною, или учебникомъ; но что̀ особенно было замѣтно: у насъ читали гражданскую исторію по Ширенку (?), а онъ только одинъ училъ по Смарагдову. Послѣдній былъ гораздо пространнѣе и основательнѣе перваго, потому и отвѣты его по исторіи были пространнѣе, основательнѣе и лучше всѣхъ учениковъ въ классѣ".

2*

„Въ философскомъ классѣ семинаріи А. Ф. особенно занятъ былъ логикою, психологіею и физикою. Очень хорошо и увлекательно читали ихъ преподаватели магистры Шкляревичъ и Бѣлоусовичъ. Слушалъ ихъ лекціи весь классъ съ величайшимъ вниманіемъ. Я недалеко около него сидѣлъ въ классѣ; когда бывало выходили преподаватели, окончивши лекціи, изъ класса, онъ часто говорилъ: „я бы слушалъ ихъ весь день не ѣвши; при нихъ проходитъ два часа, какъ двѣ минуты,—какъ они славно читаютъ свои предметы!“ Хотя онъ былъ не первый ученикъ (его по спискамъ ставили 3-мъ или 4-мъ), но по мнѣнію товарищей онъ долженъ быть первымъ. Про нашего *примуса* П—го, котораго преподаватели хвалили за его глубокомысленныя сочиненія, онъ откровенно говорилъ, что сочиненія его не философскія, а богословскія; что всякая мысль, всякая истина у него основана на текстѣ Св. Писанія, а не на законахъ разума. Онъ часто говорилъ, что П—ій хорошій толкователь Библіи, а не философъ. Въ философскомъ классѣ мы стали другъ другу очень близки, стали жить по-дружески; онъ все мнѣ открывалъ, что было у него на душѣ“.

„Кромѣ братьевъ, у него были на квартирѣ другіе меньшіе ученики, которыхъ онъ репетировалъ. Какъ старшій и завѣдующій квартирою, онъ былъ въ уваженіи у своей хозяйки. У нея была сестра, дѣвица лѣтъ 20, стройная, высокая и красивая. Однажды онъ, пришедши въ классъ, говоритъ: „я чуть не влюбился въ сестру хозяйскую; сведу глаза, чтобы заснуть—она будто стоитъ въ головахъ.“ Я, посмѣявшись, совѣтовалъ все это бросить, не всматриваться въ нее, не бесѣдовать и не думать о ней, иначе разстроятся всѣ его планы. Дѣйствительно, вскорѣ все это миновало: молодая, воспріимчивая, живая натура какъ скоро воспринимаетъ, такъ скоро все и забываетъ“.

„Въ богословскомъ классѣ намъ читали науки собственно богословскія. Обличительное богословіе читалъ помощникъ ректора, магистръ Озеровъ. Записки и объясненія его въ классѣ были очень занимательны. Бывало придешь на квартиру Ал. Фед., или онъ ко мнѣ,—обо всемъ приходилось толковать, и между прочимъ о

разныхъ религіяхъ. Онъ тутъ признавался, что ему магометанство нравится; эта религія была-бы единственная, но въ ней одно скверно: нѣтъ спасающей благодати, доказывающей ея божественность. Но Магометъ, по его мнѣнію, это геній своего времени: поставить себя выше невѣжественной толпы, завлечь ее, владѣть ея волею, дать ей свою вѣру и что хотѣть, то и сдѣлать изъ нея—нуженъ великій умъ, твердая воля, необыкновенная хитрость и самоотверженіе. Часто говорилъ онъ, какъ-бы хотѣлось ему прочитать Алкоранъ да и посудить о немъ. Въ семинарской библіотекѣ онъ былъ въ переводѣ, но ученикамъ не давали его читать. Впрочемъ, это не мѣшало ему быть искренно-религіознымъ человѣкомъ и молиться Богу. Человѣкъ онъ былъ скромный, внимательный къ товарищамъ, и чего, бывало, кто ни попроситъ, онъ никогда не отказывалъ. Изъ 45 душъ учениковъ всего класса это была выдающаяся, свѣтлая личность по добротѣ души, трудолюбію и откровенности“.

„Въ богословскомъ классѣ онъ, бывало, часто заговаривалъ въ послѣднее время, что въ академію не придется ему поступить, не умѣя кланяться, ласкаться около суроваго Никодима (тогдашняго ректора семинаріи), а между тѣмъ очень-бы хотѣлось. Ну, постараюсь—говорилъ онъ—поступить хотя въ университетъ. Отецъ мой не въ состояніи будетъ воспитывать меня въ университетѣ, но я непремѣнно поступлю, буду слугою, рабомъ у того, кто мнѣ въ Кіевѣ дастъ уголокъ и кусокъ хлѣба, пріютитъ меня и согрѣетъ“.

„Въ концѣ іюня мѣсяца въ семинаріи начались экзамены изъ словесности. Вдругъ внезапно появилась страшная, губительная холера, и насъ безъ экзаменовъ распустили. Это было въ 1853 году, и мы передъ отъѣздомъ по домамъ разстались съ Ал. Фед., попрощались, поклялись одинъ другому не забывать, на какомъ-бы поприщѣ ни были, „но я—сказалъ онъ—все таки буду добиваться университетскаго образованія“. Послѣ этого мы переписывались съ нимъ, но, къ несчастью, ни разу не случилось видѣться. Сильно поразила меня вѣсть о его кончинѣ. Отправилъ я по немъ вселенскую панихиду, поплакалъ и те-

перь считаю долгомъ молиться объ упокоеніи великой души его у Престола Божія, пока буду самъ жить. Вѣчная тебѣ память, труженикъ науки! Не случилось видѣться съ тобою въ послѣднее время, но за то недавно, бывши въ Кіевѣ, видѣлъ, другъ, твою могилу, твой памятникъ, твой бюстъ, и молился объ упокоеніи тебя въ селеніяхъ праведныхъ".

Такъ сердечно заканчиваетъ свои воспоминанія о. Іоаннъ Доброгаевъ, которому приносимъ искреннее спасибо за то, что отозвался онъ на нашу просьбу, давши нѣсколько новыхъ черточекъ изъ семинарскаго періода жизни Алекс. Фед-ча.

Какъ изъ автобіографическаго очерка, такъ и изъ только-что приведеннаго воспоминанія о. Іоанна Доброгаева, прежде всего бросается въ глаза нѣсколько невыясненный вопросъ о томъ, какъ и почему не состоялось поступленіе Алекс. Фед-ча послѣ окончанія семинаріи въ духовную академію; зависѣло-ли это отъ его личнаго желанія, или такъ сложились случайныя обстоятельства? Въ оффиціальной біографіи (Біограф. Слов. профессоровъ и препод. Импер. Унив. св. Владим. Кіевъ 1884 г.) сказано только, что онъ, *вопреки первоначальному намѣренію* продолжать образованіе въ духовной академіи, поступилъ въ Кіевскій университетъ. Въ напечатанномъ выше автобіографическомъ очеркѣ указывается, что въ первый годъ пребыванія его въ богословскомъ классѣ онъ былъ въ особенно религіозномъ настроеніи и проникнутъ былъ твердою рѣшимостью посвятить себя духовному званію и поступить въ академію, но въ первый годъ это не состоялось, т. к. Московская академія не прислала на этотъ разъ требованія, а въ концѣ 2-го года, не попавъ въ число двухъ воспитанниковъ, посылавшихся на казенный счетъ въ Кіевскую академію, (при чемъ, какъ извѣстно, это нисколько не зависѣло отъ причинъ учебнаго свойства, а отъ какихъ именно—мы не знаемъ), онъ изъявилъ желаніе держать экзаменъ для поступленія въ академію на свой счетъ, но, по тѣмъ-же невѣдомымъ намъ причинамъ, и въ этомъ ему было отказано. Тогда онъ подаетъ заявленіе о желаніи держать экзаменъ для поступленія въ университетъ. Маленькое объясненіе этого находимъ въ намекѣ, даваемомъ о. Іоанномъ Доброгаевымъ, а

именно: въ богословскомъ классѣ онъ часто заговаривалъ съ сожалѣніемъ о томъ, что ему не придется поступить въ академію, не умѣя кланяться, ласкаться около суроваго Никодима", и что ему по неволѣ надо поступать въ университетъ. Нужно думать, что прямая, честная натура Алекс. Федор., составлявшая до самой смерти отличительную черту его характера, породила недоразумѣнія съ семинарскимъ начальствомъ, что и было причиной несправедливой оцѣнки его со стороны ректора семинаріи; возрастъ-же его въ это время былъ тотъ (20 лѣтъ), въ который переломы нравственные могутъ совершиться быстро подъ вліяніемъ минутныхъ увлеченій или раздраженій. И такъ, искренно религіозный юноша, какъ носится фамильное преданіе—мечтавшій даже о монашествѣ, подъ вліяніемъ минуты сначала порвалъ связи съ мечтами о духовной карьерѣ, а затѣмъ, очутившись въ иной обстановкѣ, постепенно сталъ формировать въ себѣ иные идеалы, иные научные вкусы и, наконецъ, иной складъ философскаго мышленія. При этомъ нельзя не отмѣтить того общаго явленія въ 50-хъ годахъ, которое обнаруживалось у юношества семинарскаго въ колебаніяхъ между духовной и свѣтской дальнѣйшей карьерой, въ колебаніяхъ, иногда сопровождавшихся сильной душевной борьбой. Намъ лично извѣстенъ фактъ, какъ одинъ изъ современниковъ Александра Федоровича, будущій его сокашникъ по студентской камерѣ, тоже явился въ Кіевъ пѣшкомъ, безъ всякихъ документовъ, съ намѣреніемъ принять монашество, и черезъ нѣсколько дней хожденія по городу очутился въ университетѣ съ прошеніемъ о допущеніи его къ экзамену. Прибавимъ ко всему сказанному отмѣченный нами выше фактъ отсутствія въ семьѣ Кистяковскихъ родовыхъ традицій духовнаго званія; вспомнимъ, что и отецъ Александра Федоровича, будучи въ семинаріи, колебался, не поступить-ли ему въ медико-хирургическую академію,—и намъ станетъ болѣе или менѣе ясно, какъ и почему мы находимъ А. Ф. въ университетской средѣ съ начала сентября 1853 года.

Поступленіе въ университетъ Алекс. Федоровича было тѣмъ шагомъ въ семьѣ ихней, который открылъ дорогу и прочимъ

братьямъ идти по стопамъ старшаго; какъ было уже сказано, только одинъ изъ братьевъ остался въ духовномъ званіи, чтобы окончательно не огорчить отца, желавшаго свой приходъ, какъ это всегда водилось въ духовенствѣ, передать одному изъ сыновей. Огорченіе это было тѣмъ чувствительнѣе, что средствъ для содержанія дѣтей въ университетѣ не было, а слѣдовательно—имъ самимъ приходилось заботиться о себѣ.

Въ автобіографическомъ отрывкѣ подробно разсказано о томъ, какъ устроилъ свой матеріальный бытъ Алекс. Федор-чъ, помѣстившись сначала въ такъ называемомъ штрафгаузѣ, а черезъ годъ поступивши въ число казеннокоштныхъ студентовъ; довольно подробно разсказано и о томъ бытѣ, въ какомъ приходилось жить студентамъ на развалинахъ Бибиковскихъ традицій о внѣшней дисциплинѣ; кратко, но мѣтко охарактеризованы героическія столкновенія студентовъ съ гражданами и разными лицами другихъ вѣдомствъ,—но ничего не сказано о томъ, какъ вырабатывался умственный и нравственный кругъ понятій у самого Алекс. Федор.; какъ слагались у него общественныя убѣжденія и настроенія. Дополнить это мы можемъ со словъ родныхъ его, свидѣтельствующихъ, что въ первые годы своего пребыванія въ университетѣ онъ увлекался современной журналистикой и посылалъ своимъ младшимъ братьямъ, находившимся еще въ семинаріи, новыя книжки „Современника". Эта справка намъ совершенно опредѣляетъ то теченіе, которому сталъ слѣдовать Алекс. Федор. въ установленіи своихъ міровоззрѣній, никогда и впослѣдствіи не отличавшихся пылкостью и порывистостью, но за то всегда обозначавшихся стойкостью и твердостью убѣжденій. Товарищи его по университету передаютъ, что въ это время онъ отличался прямолинейностью во взглядахъ и большою неуступчивостью въ своихъ мнѣніяхъ; онъ шелъ всегда напроломъ, вслѣдствіе чего ему дана кличка, „клинообразный" за его свойство клиномъ врѣзываться во всѣ вопросы.

Вѣроятно, эта „клинообразность" была, какъ мы видѣли, поводомъ дурныхъ мнѣній о немъ семинарскаго начальства, а теперь несомнѣнно эта-же „клинообразность" заставила его въ 1856 году прервать университетскій курсъ и отправиться въ

качествѣ учителя уѣзднаго училища въ Козелецъ (Черниг. губ.). Объ этомъ происшествіи всѣ до сихъ поръ напечатанныя біографіи Алекс. Федор. молчатъ, называя его или *неизвѣстнымъ* или *мало выясненнымъ*; въ автобіографіи глухо сказано только, что онъ „за нарушеніе дисциплины, выразившееся въ словахъ по отношенію къ лицамъ университетской инспекціи, былъ удаленъ на время изъ университета". Мы имѣемъ возможность теперь, со словъ университетскаго товарища Алекс. Федор., очевидца этого происшествія, разсказать нѣсколько подробнѣе это дѣло, тѣмъ болѣе, что оно отошло уже давно въ область исторіи, т. к. обоихъ причастныхъ къ дѣлу лицъ уже нѣтъ въ живыхъ, да сверхъ того, и самое-то дѣло носитъ характеръ совсѣмъ не политическаго свойства.

Студента С. за какую-то провинность посадили въ карцеръ. Карцеръ въ 1856—57 гг. уже потерялъ силу строгаго заключенія: къ заключенному свободно входили товарищи, а онъ свободно выходилъ, куда ему было нужно. Благодаря такимъ порядкамъ, посаженный въ карцеръ С. вышелъ погулять. Въ это время, какъ нарочно, субъ-инспекторъ зашелъ въ карцеръ и, не заставши тамъ заключеннаго, отправился прямо въ камеру, грубо, громкимъ голосомъ закричавъ: гдѣ такой-то С? ушелъ?— Александръ Федоровичъ одѣвался въ это время и, пріостановившись съ одѣваньемъ, серьезнымъ тономъ возразилъ субъ-инспектору: „какъ Вы смѣете такъ выражаться? развѣ студентъ арестантъ или солдатъ?" Смущенный такимъ выраженіемъ, субъ-инспекторъ ушелъ и доложилъ инспектору. Началось слѣдствіе. На другой или на третій день распространились всякіе толки, крайне неблагопріятные для дерзкаго студента: говорили, будто-бы студентъ вскрикнулъ „вонъ отсюда"; будто-бы схватилъ полѣно и швырнулъ имъ. Все это была клевета, но для провинившагося она имѣла громадное значеніе, т. к., сверхъ того, пущены были въ ходъ и другіе слухи, посерьезнѣе нѣсколько, а именно: начали толковать о кощунствѣ и безбожіи Кистяковскаго, при томъ въ такихъ формахъ, что ровно никакой вѣры не слѣдовало придавать всей этой болтовнѣ. Товарищи сознавали всю гнусность такой клеветы и рѣшили отправить депутацію къ Попе-

чителю Округа. Попечителемъ былъ Ребиндеръ, человѣкъ открытый, правдивый и снисходительный къ ошибкамъ молодежи. Депутація изъ трехъ человѣкъ спокойно отправилась къ Попечителю. Имѣла-ли значеніе передъ Попечителемъ депутація—мы не знаемъ; извѣстно только, что наказаніе послѣдовало сравнительно легкое: послали Александра Федоровича въ Козелецкое уѣздное училище преподавать исторію и географію.

Хотя и непродолжительно было пребываніе тамъ, однако не легко оно пришлось для Александра Федоровича. Достаточно сказать, что въ Козельцѣ онъ засталъ смотрителя, человѣка недалекаго,. находившагося подъ башмакомъ у какой-то особы женскаго пола, которая считала себя вправѣ распоряжаться всѣмъ. Такъ, однажды Алекс. Федоровичъ заикнулся смотрителю о необходимости имѣть карты для преподаванія; но отвѣтъ онъ получилъ отъ этой самой особы женскаго пола: „и безъ цёго можно обійтысь"!

Выкрѣпивъ кое-какъ это положеніе, Алекс. Федоровичъ, какъ мы уже знаемъ изъ автобіографіи, черезъ полгода опять очутился въ Кіевѣ, сначала въ качествѣ учителя дворянскаго училища, а затѣмъ—въ качествѣ студента университета. Какъ закончились эти студентскіе годы, разсказала намъ автобіографія, на чемъ, какъ мы видѣли, и обрывается эта записка.

Каковъ былъ душевный складъ Ал. Фед. въ этотъ періодъ, мы уже видѣли изъ его автобіографіи. Что-же касается собственно научныхъ запасовъ и взглядовъ по юриспруденціи и особенно по уголовному праву, съ которыми вышелъ Ал. Фед-чъ изъ университета, то все добытое имъ получено было личнымъ трудомъ, т. к. руководителемъ его по уголовному праву былъ С. О. Богородскій, оставившій только одно печатное сочиненіе, да и то компилятивнаго характера. Самъ Ал. Фед., вообще очень сдержанный и мягкій въ своихъ отзывахъ о другихъ, давалъ такую оцѣнку университетскаго курса своего профессора: „онъ добросовѣстно преподавалъ тонкости нѣмецкой науки, но его слушатели не могли получить отъ него отвѣта даже на такіе вопросы: насколько необходимо удержать въ законахъ и жизни тѣлесныя наказанія, или какой смыслъ имѣютъ позорное клейменіе или пытка слѣд-

ственнаго процесса; его собственныя добавленія къ нѣмецкимъ учебникамъ состояли въ томъ, что онъ не признавалъ полезными такія учрежденія, какъ гласность и публичность суда присяжныхъ, не признавалъ упорно и самобытно, даже и тогда, когда за нихъ стали ратовать его учители-нѣмцы [1])".

Изъ этого видно, что вліяніе С. О. Богородскаго на складъ научныхъ воззрѣній Ал. Фед. могло быть только отрицательное, т. к. онъ со студентской скамьи успѣлъ выработать въ себѣ совершенно противоположные принципы, опиравшіеся какъ на началахъ гуманно-философскихъ ученій, легшихъ впослѣдствіи въ основу всѣхъ его выдающихся трудовъ, такъ и на томъ, новомъ въ концѣ 50-хъ годовъ, общественномъ движеніи у насъ, которое служило зарей новой жизни и влекло къ созданію свободныхъ учрежденій, направлявшихся къ торжеству началъ права и справедливости.

Съ этимъ-то знаменемъ вступаетъ Ал. Федор. въ жизнь, какъ самостоятельный гражданинъ, по окончаніи университета въ 1857 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, но далеко не удовлетворенный тѣмъ аттестатомъ, который у него былъ въ рукахъ и который только давалъ ему званіе дѣйствительнаго студента, а не кандидата, что для дальнѣйшей научной дороги имѣло большое значеніе.

Окончаніе университетскаго курса, не доставивъ Ал. Фед-чу нравственнаго удовлетворенія, ничѣмъ не обезпечивало его сразу матеріально; и вотъ онъ, чтобы имѣть хоть какой-нибудь заработокъ, отправляется на полгода въ деревню Восковцы (прилуц. уѣзд.) въ качествѣ домашняго учителя въ домъ М. А. Маркевича. Объ этомъ кратковременномъ пребываніи его здѣсь у насъ не имѣется, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній; знаемъ только, что пробылъ онъ у Маркевича до августа мѣсяца 1858 года, послѣ чего отправился въ Петербургъ вмѣстѣ со своимъ питомцемъ, опредѣлившимся въ какое-то учебное заведеніе. Надо думать, что эти нѣсколько мѣсяцевъ обречены были имъ исключительно на пріобрѣтеніе средствъ для заранѣе сложившагося плана о дальнѣйшей жизни въ столицѣ.

---

[1]) Журн. Мин. Юст. 1863 г., № 9. Стат. С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность.

Не особенно красна была жизнь его и здѣсь, въ Петербургѣ, особенно въ первые мѣсяцы до поступленія на службу, т. к. онъ не имѣлъ никакихъ средствъ изъ дому и не получалъ никакого жалованья; да и позже, послѣ полученія перваго мѣста младшаго помощника секретаря въ канцеляріи межевого департамента Правительствующаго Сената, матеріальный бытъ его не особенно улучшился, т. к., по разсказамъ родныхъ, онъ именно въ этотъ періодъ бѣдствовалъ, какъ никогда; одно время онъ даже принужденъ былъ жить „въ углу", гдѣ и предпринялъ свою первую работу—переводъ сочиненія Блюнчли „Allgemeines Staatsrecht", оставшійся ненапечатаннымъ; чтобы собрать деньги на покупку этого сочиненія, онъ въ теченіе шести недѣль не обѣдалъ, а питался хлѣбомъ и чаемъ, о чемъ онъ самъ разсказалъ мимоходомъ въ письмѣ къ отцу, когда въ 1871 году, во время заграничной поѣздки, ему пришлось быть въ Гейдельбергѣ на лекціи Блюнчли. Впрочемъ, „уголъ" его считался аристократическимъ, т. к. къ нему примыкало окно, на которомъ онъ могъ писать вмѣсто стола, а соквартирантами его были—какой-то отставной чиновникъ и ветеранъ-солдатъ, занимавшіе вполнѣ уже демократическіе углы.

При такой бѣдности, конечно, постепенно ослабѣвавшей по мѣрѣ движенія по службѣ (въ іюлѣ 1859 г. перешелъ въ канцелярію общаго собранія первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи Правительствующаго Сената—все еще въ роли младшаго помощника секретаря, а съ ноября 1860 года перемѣщенъ старшимъ помощникомъ столоначальника въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), онъ не только не бросаетъ книжной жизни, отдавшись всецѣло практическимъ заботамъ, но все съ большимъ рвеніемъ погружается въ научную работу. Въ свободные отъ службы часы, т. е. по вечерамъ, а сначала отъ 3 до 8 часовъ вечера, проводитъ онъ въ публичныхъ библіотекахъ, такъ-что вскорѣ результаты этихъ работъ стали появляться на страницахъ Журнала Министерства Юстиціи, а также и Журнала Мин. Народ. Просв., гдѣ онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ. Какими науками и какимъ направленіемъ въ нихъ болѣе всего интересовался Алекс. Федоров., видно изъ

этихъ-же работъ, а именно: гуманные философы прошлаго столѣтія во главѣ съ Беккаріа и Монтескьё, равно какъ и нѣмецкіе юристы, Миттермайеръ и Блюнчли, составляли теперь главное основаніе всѣхъ научныхъ пріемовъ и положеній молодого ученаго. Какъ было сказано, первый трудъ его (ненапечатанный, при чемъ и рукопись не сохранилась)—переводъ сочиненія Блюнчли „Общее государственное право", а первая напечатанная работа составлена по сочиненію Миттермайера („Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса", Журн. Мин. Юст. 1860 г., № 6). Да и всѣ послѣдующіе труды его и статьи въ разныхъ изданіяхъ всегда опирались на ученіи этихъ и однородныхъ съ ними философовъ гуманистовъ 18-го вѣка.

Не только не въ разрѣзъ съ этимъ направленіемъ, но прямо согласуясь съ нимъ, обнаружилась у Ал. Фед. въ этотъ періодъ петербургской жизни фактически та вполнѣ сознательная любовь къ своей родинѣ и всему родному, которая осталась до конца дней его неизмѣнною и которая, конечно, стихійно выработалась въ періодъ дѣтства и юности, а стала укладываться въ опредѣленныя идейныя рамки въ годъ студенчества, подъ вліяніемъ начавшаго тогда оживляться національно-малорусскаго вопроса. Мы имѣемъ въ виду сотрудничество Алекс. Федоров. въ „Основѣ", ежемѣсячномъ журналѣ, издававшемся въ Петербургѣ въ 1861—62 гг. В. М. Бѣлозерскимъ. Этотъ въ свое время очень извѣстный журналъ, но составляющій теперь почти библіографическую рѣдкость, посвященъ былъ разработкѣ научныхъ и общественныхъ вопросовъ, касающихся Украины, а также развитію малорусской письменности, за все время существованія своего шедшей не ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, а принимавшей волнообразное теченіе, при чемъ конецъ 60-хъ годовъ и былъ однимъ изъ наиболѣе могучихъ приливовъ этихъ волнъ. Въ виду этого, журналъ „Основа" велся, удовлетворяя потребностямъ эпохи, такъ, что долженъ былъ давать отвѣты на всѣ текущіе вопросы дня; между прочимъ нужно было отвѣчать и по вопросамъ юридическаго характера въ примѣненіи ихъ къ нуждамъ Юга Россіи. По свидѣтельству лицъ, стоявшихъ у этого журнала, Ал. Федор. вступилъ въ половинѣ 1861 г.

въ составъ редакціи въ качествѣ помощника главнаго редактора, и съ этого времени начинается его литературная и редакторская работа, выразившаяся какъ въ писаніи статей (безъ подписи автора), какъ напр. статья его „Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи“ (Основа, 1862 г. № 1, стр. 1—27), статья, почему-то непопавшая въ указатель статей его, помѣщенный въ „Біографическомъ словарѣ профес. и препод. Унив. Св. Влад.“,—такъ и въ веденіи отдѣла современной южнорусской лѣтописи, посвященнаго обозрѣнію фактовъ и явленій общественной жизни.

Ступивши разъ на дорогу научнаго и литературнаго труда, Алекс. Федоров. не могъ уже помириться съ положеніемъ канцелярскаго работника, а потому началъ мечтать объ опредѣленномъ положеніи научнаго дѣятеля, иначе говоря—объ университетской каѳедрѣ. Съ этой цѣлью онъ, когда произведена была реформа въ департаментѣ Минист. Народн. Просвѣщ., въ 1863 году устроилъ свои дѣла такъ, что оставленъ былъ за штатомъ, чтобы имѣть возможность, въ теченіе года получая содержаніе, готовиться къ кандидатскому экзамену, что и было имъ достигнуто въ декабрѣ 1863 года. Затѣмъ онъ приготовилъ сочиненіе pro venia legendi на тему „О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству“. Диссертацію эту онъ защищалъ въ сентябрѣ 1864 года, послѣ чего прочелъ двѣ пробныя лекціи и былъ допущенъ къ чтенію лекцій по уголовному праву въ качествѣ привать-доцента. Въ этомъ званіи онъ былъ три года, съ 1864—1867 г., получая вознагражденіе отъ 600 до 1200 руб. въ годъ. Въ этотъ періодъ Ал. Федор. женился, что однако, при сравнительно небольшихъ средствахъ къ жизни, не помѣшало ему продолжать ученую дорогу и готовиться къ магистерскому экзамену, который былъ законченъ въ 1866 году, а диссертація, доставившая ему положительную извѣстность въ ученомъ мірѣ, написана была и защищена въ 1867 году. Диссертація эта—„Изслѣдованіе о смертной казни“. Чѣмъ-же такъ обратила на себя вниманіе эта диссертація? Вѣдь ранѣе его

этому вопросу посвящены были труды такихъ ученыхъ, какъ Беккарія и Миттермайеръ; что можно было новаго сказать послѣ нихъ? Новымъ явился тотъ методъ изслѣдованія этого вопроса, который примѣненъ былъ Александромъ Федоровичемъ впервые среди не только русскихъ ученыхъ, но и европейскихъ; методъ этотъ философски-историческій, или какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи: „взявшись за изслѣдованіе этого предмета, я обратилъ большую часть вниманія и работы на историческую сторону смертной казни, на связь этого наказанія съ общественнымъ и умственнымъ развитіемъ человѣка". И дѣйствительно, онъ слѣдитъ развитіе вопроса о смертной казни, начиная съ низшихъ стадій жизни народовъ-дикарей и послѣдовательно переходя къ высшимъ, вслѣдствіе чего становится совершенно ясною основная идея автора, что изучать законоположенія въ прошломъ только и можно съ научно-исторической точки зрѣнія, т. е. нельзя ограничиваться одними лишь писанными законами, но необходимо знать обычаи и нравы первобытной культуры.

Не будучи спеціалистомъ въ области юридической науки и не задаваясь въ данномъ случаѣ цѣлью производить оцѣнку научнымъ трудамъ Александра Федоровича, мы указали только на общую идею въ этой его работѣ, отмѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта-же идея легла въ основу и всѣхъ послѣдующихъ его работъ и навела на мысль о работахъ по обычному праву, чему посвящается въ этой-же книгѣ нѣсколько страницъ въ особой статьѣ. Не будемъ мы также перечислять и этихъ дальнѣйшихъ работъ Алекс. Федоровича, такъ какъ въ концѣ прилагаемъ подробный библіографическій указатель всѣхъ ихъ, насколько намъ удалось ихъ установить. Скажемъ теперь еще коротко о томъ, какъ прошла дальнѣйшая ученая, служебная и общественная колея въ жизни Александра Федоровича, напередъ оговариваясь, что передавать подробности изъ этого періода жизни его еще не наступила пора: слишкомъ свѣжи еще тѣ событія, которыя переживались, слишкомъ еще остры тѣ вопросы, которыхъ касалась дѣятельность его, и слишкомъ болѣзненны тѣ раны, которыя приходилось переносить ему, а потому—оставимъ пока все это въ сто-

ронѣ и ограничимся указаніемъ самыхъ главныхъ фактовъ, безпристрастная оцѣнка которыхъ дана будетъ еще, можетъ быть, не такъ скоро.

И такъ, изслѣдованіе о смертной казни, доставившее Александру Федоровичу прочное положеніе въ наукѣ, доставило вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе прочное положеніе служебное: съ іюня мѣсяца того же 1867 года онъ утверждается въ должности штатнаго доцента по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства, согласно избранію факультета и совѣта. Но лекцій читать въ теченіе слѣдующаго 1867—68 учебнаго года ему не пришлось, такъ какъ съ августа 1867 г. до конца апрѣля 1868 года онъ былъ въ ученой командировкѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ тогда только что начали дѣйствовать преобразованные суды по уставу 1864 г. Во время этой командировки Александръ Федоровичъ не только работалъ теоретически, но и практически, изучая примѣненіе судебныхъ уставовъ къ текущей жизни; но, конечно, это послѣднее занимало самое ничтожное мѣсто въ ряду его прочихъ трудовъ, чисто научнаго характера. Главнымъ результатомъ его командировки была докторская диссертація „Историко-догматическое изслѣдованіе по русскому праву о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда"; диссертацію эту онъ защищалъ въ концѣ 1868 года, а въ началѣ слѣдующаго уже онъ былъ избранъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а еще черезъ годъ—и ординарнымъ, по каѳедрѣ уголовнаго права и судопроизводства.

Эта-же поѣздка въ Москву и Петербургъ дала Александру Федоровичу, изучившему и въ теоріи, и на практикѣ новые судебные уставы, матеріалъ для актовой рѣчи въ университетѣ (9 ноября 1869 г.)—„О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія". Рѣчь эта, можно сказать, открывала у Александра Федоровича ту общественную стезю, на которой онъ потомъ стоялъ почти до конца дней своихъ. Дѣло въ томъ, что въ Кіевѣ въ то время только что ждали введенія новыхъ судовъ,—и вотъ, публичная актовая рѣчь профессора съ ясностью и простотой указывала обществу основы новаго судебнаго строя и его преимущества предъ старымъ. Значеніе по-

добнаго рода рѣчей, безусловно, громадное, такъ какъ ими общество подготовляется къ сознательному принятію тѣхъ новыхъ формъ жизни, которыя устанавливаются правительствомъ; ими—такъ сказать—съ высоты академической каѳедры освѣщается и освящается извѣстный жизненный вопросъ, находящій себѣ въ публикѣ болѣе довѣрія послѣ того, какъ онъ подкрѣпленъ наукою. Александръ Федоровичъ этой рѣчью, повторяемъ, открылъ свое участіе въ общественной жизни Кіева, сохраняя, впрочемъ, всегда и вездѣ свою безупречную чистоту и высоко держа знамя ученаго профессора. Интересы науки и профессорская каѳедра всегда были первыми его заботами, что прекрасно видно изъ одного того, какъ онъ, достигши уже званія ординарнаго профессора, не почилъ на лаврахъ, отдаваясь практическому кумирослуженію, но считалъ обязательнымъ для себя продолжать свое личное образованіе: съ сентября 1871 года до 15-го апрѣля 1873 года онъ находился въ ученой командировкѣ, слушая лекціи и посѣщая практическія занятія профессоровъ Вѣнскаго, Гейдельбергскаго, Берлинскаго, Неаполитанскаго и Римскаго университетовъ; при чемъ особенно много работалъ онъ въ Гейдельбергѣ и Неаполѣ, съ цѣлью ближе и обстоятельнѣе познакомиться со способами и механизмомъ преподаванія и практическихъ занятій со студентами въ Германіи и Италіи. Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что Александръ Федоровичъ очень хорошо владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ. Такія поѣздки заграницу, только на короткій срокъ, повторены были имъ еще четыре раза: въ 1875, 1879, 1880 и 1882 гг., каждый разъ въ вакаціонный періодъ. Но тутъ нужно дать печальную справку, что эти послѣднія поѣздки вызывались не столько научными потребностями, сколько тѣмъ недугомъ, который сталъ обнаруживаться у него съ 1871 года, какъ результатъ тяжелой пережитой жизни, исполненной сначала лишеній, а затѣмъ заботъ, хлопотъ и особенно непріятностей, какъ служебнаго, такъ и общественнаго характера. Поѣздки заграницу очень оживляли его духъ и укрѣпляли тѣло, такъ что каждый разъ по возвращеніи изъ заграницы можно было видѣть его наново бодрымъ, исполненнымъ энергіи, не падав-

шимъ духомъ; но неустанная работа и всяческія душевныя потрясенія вскорѣ опять возвращали приступы этого недуга. Недугъ-же этотъ—желчные камни. Около 10 лѣтъ не обнаруживали они себя въ особо-рѣзкой формѣ, хотя уже съ 1875 года Александръ Федоровичъ началъ ѣздить въ Карлсбадъ, пользуясь водами; и только въ 1881 году, когда онъ, по совѣту врачей, предпринялъ поѣздку въ Одессу, гдѣ началъ лѣченіе морскими теплыми ваннами, показались у него сильные припадки желчной колики, закончившіеся выхожденіемъ камня. Съ тѣхъ поръ припадки эти повторялись ежегодно. Въ 1883 году, по совѣту С. П. Боткина, А. Ф—чъ пользовался молочнымъ лѣченіемъ и, казалось, значительно поправился; но 1884-й годъ, особенно тяжелый для него по многимъ причинамъ общественнаго характера, грозившимъ отразиться и на его служебномъ положеніи, повліялъ на его здоровье такъ дурно, что съ 7 января 1885 года онъ почувствовалъ себя опять очень нехорошо, 9-го уже слегъ въ постель, 10-го обнаружены были слѣды эксудата въ брюшной полости, 12-го вечеромъ уже было объявлено консиліумомъ докторовъ-товарищей, что положеніе его безнадежно, а въ 1 часъ ночи съ 12-го на 13-е января его уже не стало, при чемъ сознаніе онъ потерялъ только за 5 минутъ до смерти. Чтобы понять, какой это былъ высокій духъ, стоитъ припомнить свидѣтельство проф. В. Б. Антоновича, бывшаго при кончинѣ Александра Федоровича: „за часъ до смерти, въ разговорѣ съ однимъ изъ друзей онъ съ большимъ вниманіемъ разспрашивалъ о ходѣ дѣлъ въ текущей сессіи окружного суда и, услыхавъ характеристику нѣкоторыхъ дѣлъ и отношеніе къ нимъ суда присяжныхъ, онъ въ послѣдній разъ оживился, привсталъ на постели и громко произнесъ: я всегда утверждалъ, что институтъ присяжныхъ святое дѣло въ нашемъ отечествѣ!—Затѣмъ онъ тихо склонилъ голову на подушку, и голосъ его сталъ все болѣе и болѣе ослабѣвать. Послѣднее слово, слышанное нами отъ покойнаго, это признаніе святости человѣколюбиваго учрежденія,—послѣднее воспоминаніе о немъ будетъ сознаніе высокой, святой нравственности человѣка, который, переступая порогъ вѣчности, въ состояніи забыть и свои страданія, и свое поло-

женіе, и увлечься интересомъ общественной пользы и общественнаго блага". (Заря, 1885 г., прилож. къ № 11).

Закончивъ обзоръ жизни и дѣятельности Александра Федоровича Кистяковскаго, обзоръ, естественно все сокращавшійся, по мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ событіямъ, мы хотимъ теперь, минуя всѣ фактическія справки, хотя и могущія освѣтить личность Алекс. Федоров., но еще не имѣющія возможности быть обнародованными, сказать о немъ еще нѣсколько словъ, чтобы лучше обрисовался образъ этого безвременно покинувшаго насъ труженника науки и святого человѣка въ общественной своей роли.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о заслугахъ Ал. Федоров. предъ наукой, такъ-какъ это сдѣлано уже отчасти и, конечно, будетъ еще сдѣлано впереди специалистами въ этой области,—напомнимъ только, что заслуги эти, помимо всего прочаго, выразились въ фактѣ разновременнаго избранія его членомъ корреспондентомъ Русскаго Географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при московскомъ университетѣ, почетнымъ членомъ московскаго Юридическаго Общества, предсѣдателемъ кіевскаго, а также почетнымъ членомъ московскаго и петербургскаго университетовъ. Мы не будемъ также характеризовать личности его, какъ профессора, съ университетской каѳедры учившаго живымъ словомъ и руководившаго занятіями многихъ студентскихъ выпусковъ, такъ-какъ объ этомъ, смѣемъ думать, со временемъ скажутъ свое правдивое и благодарное слово его ученики,—мы напомнимъ только что, не обладая краснорѣчіемъ, онъ умѣлъ, какъ профессоръ, вліять на своихъ слушателей, пробуждать въ нихъ любовь къ наукѣ и располагать ихъ въ свою пользу не мѣрами заигрыванія, но исключительно своимъ авторитетнымъ видомъ и словомъ. На себя мы теперь возьмемъ только исполненіе небольшой задачи—нарисовать образъ Александра Федоровича, какъ человѣка и гражданина, представителя общественной мысли, да и тутъ мы будемъ больше опираться на печатные отзывы о немъ, нежели на личныя впечатлѣнія, желая по возможности сохранить объективный тонъ.

„Немало людей получаетъ университетское образованіе, достигаетъ высшихъ ученыхъ степеней, преподаетъ въ университетѣ, печатаетъ ученыя сочиненія и даже дѣлается членами ученыхъ обществъ,—но рѣдкіе между ними достигаютъ такого высокаго значенія для общества, какимъ, безспорно обладалъ покойный Кистяковскій“. Такъ писалъ о немъ вскорѣ послѣ его смерти профессоръ В. И. Модестовъ (Новь, 1885 г. № 8), хотя и другъ Алекс. Федоровича, но далеко не принадлежавшій къ одному съ нимъ лагерю, а по нѣкоторымъ вопросамъ даже и совсѣмъ въ иную сторону направленный. Гдѣ-же ключъ къ этому высокому значенію человѣческой личности въ обществѣ? Конечно, ключъ этотъ—въ томъ нравственномъ обликѣ человѣка, какъ гражданина, въ той возвышенной, правдивой и чуткой душѣ, которыми надѣлена была натура Александра Федоровича. Кто зналъ его, часто видѣлъ и имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ, тотъ согласится съ нами, что какъ внѣшній видъ Алекс. Федор., всегда благодушно-величественный, такъ и внутренній міръ души его, всегда производившій впечатлѣніе чего-то серьезнаго, высокаго, но въ тоже время исполненнаго самыхъ тонкихъ человѣколюбивыхъ наклонностей,—однимъ словомъ, все его существо невольно притягивало васъ къ себѣ. Если, по словамъ проф. Колоколова, физически-прекрасный образъ его могъ служить для художника моделью святого, то мы думаемъ, что и нравственный обликъ его не уйдетъ далеко отъ этого оригинала.

Проф. В. И. Модестовъ, характеризуя этотъ нравственный обликъ Алекс. Федор., на первый планъ ставитъ его серьезное отношеніе ко всѣмъ вопросамъ жизни, какъ научнымъ, такъ политическимъ, общественнымъ и даже частнымъ. У него серьезность эта была не напускная, а неотъемлемое свойство души, видѣвшей въ жизни нелегкую задачу; вслѣдствіе этого отъ серьезности Алекс. Федор-ча не вѣяло холодомъ надутости, но напротивъ—тѣмъ горячимъ духомъ правды, которая одна только всегда была главной пружиной всѣхъ его поступковъ. Особенно замѣтно это было въ тѣхъ случаяхъ университетской жизни, которые наталкивали его на факты колебательнаго достоинства. „Лицамъ, знавшимъ его близко, либо дѣйствовавшимъ вмѣстѣ

съ нимъ —говоритъ проф. И. В. Лучицкій („Кіев. Стар. 1885 г. № 2")—не разъ приходилось видѣть, какъ горячо отстаивалъ онъ то, что считалъ справедливымъ, съ какою энергіею, а иногда и забвеніемъ своихъ личныхъ интересовъ, заступался онъ за тѣхъ, кто представлялся несправедливо-обиженнымъ или оскорбленнымъ, защищалъ тѣхъ, чьи труды подвергались несправедливымъ нападкамъ, злобной и, по его мнѣнію, несправедливой критикѣ. И это не только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о его друзьяхъ..."

Не менѣе замѣтна была эта черта въ Алекс. Федоровичѣ, когда шло дѣло о вопросахъ политики и общественности. Всякій, кто имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ, могъ замѣтить, что это былъ человѣкъ, глубоко и серьезно интересовавшійся всѣми дѣлами текущей общественной жизни и всегда дававшій свой отзывъ, спокойный, безпристрастный, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ этими дѣлами связывалась его личность. Намъ не разъ приходилось разговаривать съ нимъ въ моменты свѣжеполученныхъ имъ уколовъ по своему адресу, и насъ поражало то самообладаніе, съ которымъ онъ оказывался способнымъ обсуждать фактъ ровнымъ, размѣреннымъ тономъ своей рѣчи, утѣшая себя тѣмъ, что „съ этими интриганами, бездарностями и дѣльцами разсудитъ его исторія" (Модестовъ, Новь 1885 г., № 8); но въ то-же время нельзя было не видѣть, какія тяжелыя нравственныя страданія переносилъ онъ въ эти минуты. Въ одну изъ такихъ минутъ—говоритъ проф. В. И. Модестовъ—за два года до смерти онъ писалъ мнѣ: „Я съ твердостію переношу невзгоды моего положенія. Жизнь моя—трудъ, непріятности и болѣзнь. Но я привыкъ къ этому отъ юности моея. Съ спокойною совѣстью готовъ принять новые удары судьбы. Бѣда отовсюду. Такъ человѣку на роду написано. Эти мысли даютъ мнѣ мужество переносить непріятности жизни". (Новь, 1885 г., № 8).

Будучи такимъ отзывчивымъ на всѣ вопросы общественности, Александръ Федоровичъ, былъ также горячимъ патріотомъ. Въ этомъ отношеніи онъ является такимъ-же честно-убѣжденнымъ человѣкомъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ своихъ

дѣлахъ; и тутъ онъ глубоко вѣрилъ, что отечество обязательно вызываетъ въ насъ, и по инстинкту, и по философскому размышленію, то чувство любви, въ силу котораго мы, какъ должники его обязаны удѣлять труды и заботы свои для поддержанія и развитія заслуживающихъ уваженія самобытныхъ чертъ своей народности. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ отошелъ въ иной міръ; это-же убѣжденіе оставилъ онъ и намъ, какъ часть своего богатаго духовнаго наслѣдства.

В. Науменко.

Библіографическій указатель трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

1) Переводъ сочиненія Блюнчли, «Allgemeines Staatsrecht», оставшійся ненапечатаннымъ, при чемъ и рукопись не сохранилась (1859—60 гг.).

2) Очеркъ англійскаго уголовнаго процесса по Миттермайеру (Журналъ Мин. Юстиц. 1860, № 6).

3) Конференція парижскихъ адвокатовъ (Ibid. 1861, № 2).

4) Степень достовѣрности телеграфическихъ депешъ въ сношеніяхъ судебныхъ мѣстъ между собою (Ibid. 1861, № 3).

5) Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи. (Основа, 1862 г., № 1—27, стр. 1—27). Статья эта имѣетъ подпись —*кій*»; она не помѣщена въ указателѣ ученыхъ трудовъ А. Ф. Кистяковскаго въ «Біографическомъ словарѣ» и пр,, но достовѣрно извѣстно, что она принадлежитъ ему.

6) Международное общество для развитія общественныхъ наукъ и первый его конгрессъ въ Брюсселѣ. (Ibid. 1863, № 10).

7) Адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи (Ibid. 1863, № 8).

8) С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность (Ibid. 1863, № 9).

9) Полицейскіе суды въ Лондонѣ. Псевдонимъ: *Городисскій* (Ibid. 1864, № 9).

10) Вліяніе Беккаріи на русское Уголовное право. Псевдонимъ: *А. Городисскій* (Ibid. 1864, № 9).

11) Рецензія на «Учебникъ уголовнаго права» В. Спасовича (Жур. Мин. Нар. Просв. 1863, № 7, перепечатано въ Журн. Мин. Юстиц., 1863, № 7).

12) Амвросій Рандю и французскій университетъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1863, № 5 и 6).

13) Рецензія на сочиненіе Валетта: «Guide pédagogique et manuel administratif à l'usaqe des instituteurs, des institutrices et principalement des élèves-maîtres» 1862. (Ibid. 1863).

14) Чему и какъ учить народъ. 1863.

15) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда по дѣйствовавшему до судебной реформы уголовному судопроизводству, въ особенности о предварительномъ тюремномъ заключеніи, диссертація pro venia leqendi (Унив. Изв. 1864, № 5 и 6, и отдѣльно, Кіевъ, 1864).

16) Изложеніе началъ уголовнаго права по Наказу Императрицы Екатерины II (Унив. Изв, 1864, № 10).

17) Изслѣдованіе о смертной казни, магистерская диссертація (Унив. Изв. 1866, №№ 11 и 12, 1867, № 1—4, и отдѣльное изданіе Кіевъ, 1867, стр. I—VI, 1—281).

18) О порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія, объявленному при предъявленіи духовнаго завѣщанія къ засвидѣтельствованію (Журн. Мин. Юстиц. 1867, № 9).

19) Историко-догматическое изслѣдованіе о пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, докторская диссертація (Жур. Мин. Юстиц. 1868, № 2, 3, 7, 8, 9, 10 и 11, и отдѣльное изданіе, СПБ. 1868, стр. 1—194).

20) О значеніи судебной реформы въ дѣлѣ улучшенія уголовнаго правосудія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ университета св. Владиміра 9 ноября 1869 г. (Унив. Изв. 1870, № 5 и 6, и отдѣльное изданіе, Кіевъ 1870).

21) О подсудности по закону 11 октября 1865 г.

22) Объ отношеніи судебной реформы къ теоретическому образованію вообще и представителямъ его—профессорамъ юридическихъ наукъ. (Обѣ эти статьи напечатаны въ Судебн. Вѣстн. за 1866 и 1867 гг.).

23) Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и нынѣшнее ихъ положеніе (Труды этногр. Статист. Экспедиціи въ

Западно-Русскій край, снаряжен. Имп. Геогр. Общ., Юго-Западн. Отдѣлъ, т. VI, 1872).

24) Уголовное право Италіи. Профессоръ Пессина и современное движеніе италіанскаго права и науки. (Судебн. Журн. 1873, № 3 и 4).

25) Италіанскіе университеты (Журн. Мин. Нар. Просв. 1874).

26) О преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи (Ibid. 1874).

27) Главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права (Унив. Изв. 1873, № 12, 1874, № 1).

28) Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Часть общая. (Унив. Изв. 1874, № 1—3, 5, 7, 8 и 12, 1875 № 1—5, и отдѣльное изданіе, 1875, Кіевъ, стр. 1—413).

29) Разборъ сочиненія Сокольскаго: «Beiträge zur Lehre von den Eigenthumsverbrechen nach der Уложеніе des Zsaren Alexei Michailowitsch.» (Унив. Изв. 1870, № 10).

30) Разборъ сочиненій Духовскаго: «Задача науки уголовнаго права», 1872; »Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ» 1873, (Ibid. 1873, № 12).

31) Труды Дю-Буа по исторіи уголовнаго права Франціи сравнительно съ уголовнымъ правомъ Италіи, Германіи и Англіи. (Ibid. 1884, № 10).

32) Рецензія на сочиненіе проф. Самоквасова «Древніе города Россіи» (Судебн. Журн. 1874, № 1—2).

33) Разборъ сочиненія Сокольскаго: О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1873, кн. 6. ноябрь, Унив. Изв. 1873, № 11).

34) Отвѣтъ Сокольскому по поводу этого сочиненія (Ibid. 1874, № 2).

35) Разборъ сочиненія проф. Тарасова: «Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности» (Журн. Гр. и Уг. Пр. 1875, кн. 5, сентябрь и октябрь).

36) О преступленіи: «недозволенное оставленіе отечества» (Судеб. Вѣстн. 1875, № 230).

37) Къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. (Ibid., № 231).

38) О наказуемости изъявленія умысла по русскому праву (Ibid., 1876).

39) Возможно-ли у насъ отдѣлить экзамены юристовъ отъ времени преподаванія и ввести государственные экзамены (Ibid., 1876, № 40).

40) О трудахъ проф. Тонисена по исторіи уголовнаго права (Унив. Изв. 1876, № 4)

41) Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву (Ibid. 1876, № 6).

42) Обозрѣніе работъ по обычному праву въ послѣдніе 5 лѣтъ 1873—1878 (Ihid, 1878, № 4).

43) Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву. (Ibid, 1874).

44) Второе исправленное и дополненное изданіе этой программы съ предисловіемъ о методѣ собиранія матеріаловъ по обычному праву (Ibid. 1878, и отдѣльное изданіе, Кіевъ 1878, стр. 1—51)

45) Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. VIII).

46) Воспоминаніе объ ученой дѣятельности покойнаго профессора А. П. Чебышева-Дмитріева (Унив. Изв. 1877, № 5).

47) Профессоръ Н. Д. Иванишевъ и его сочиненія (Юрид. Вѣст. 1877, № 7).

48) Судъ шефеновъ въ русской юридической литературѣ (Унив. Изв. 1877, № 11).

49) Разработка вопроса о предрѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права, возникающихъ при производствѣ уголовнаго суда. (Ibid. 1877, № 12).

50) Разборъ сочиненія проф. Неклюдова: «Руководство къ особенной части русскаго уголовнаго права» (Сборн. Государств. знаній, т. VII).

51) Главные моменты исторіи смертной казни въ Россіи (Чтенія въ Общ. Нѣстора Лѣтописца).

52) Судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы (Журналъ Гражд. и Уголовн. Пр. 1879, № 2, 3).

53) Разборъ сочиненій: a) переводы Соболева сочиненія Беккаріи «о преступленіи и наказаніи» съ предисловіемъ переводчика (Критическое Обозрѣніе, 1879, № 10); b) Слонимскаго: «Умственное разстройство въ гражданскомъ и уголовномъ отношеніи», c) Розенгейма: «Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учрежденій при Петрѣ Великомъ», d) проф. Таганцева: «Курсъ русскаго уголовнаго права», e) Заруднаго: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ

въ сравненіи съ X главой Наказа Имп. Екатерины II и съ современными русскими (Журн. Гражд. и Уголовн. Права, 1880, кн. I, январь—февраль).

54) Очеркъ историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законѣ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится малороссійскій народъ. (Унив. Изв. 1878, № 11 и 12).

55) О незаконнорожденныхъ (Журн. Гр. и Угол. Права, 1880, кн. 1, январь—февраль, кн. 2, мартъ—апрѣль).

56) О задачахъ и цѣляхъ нашихъ юридическихъ обществъ и отношеніи ихъ къ судебной реформѣ (Ibid. 1881, кн. 1, январь—февраль).

57) Біографическія свѣдѣнія объ умершихъ нѣмецкихъ юристахъ: Геффтерѣ, Вальтерѣ и Вехтерѣ (Ibid. 1881).

58) Къ вопросу о вліяніи инородческаго права на русское (Юрид. Вѣст. 1880).

39) Постановленія русскаго уголовнаго права о молодомъ возрастѣ по отношенію къ вмѣненію (Ibid. 1880).

60) О самоубійствѣ по дѣйствующей системѣ уголовныхъ законовъ (Журн. Гр. и Угол. Права, 1882, кн. 3, мартъ).

61) Права, по которымъ судится малороссійскій народъ съ приложеніемъ изслѣдованія о семъ сводѣ и о законахъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи (Унив. Изв. 1875, № 6, 7, 8, 9, 10, 11; 1876, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1877, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12; 1878, № 11 и 12; и отдѣльное изданіе, Кіевъ 1879: изслѣдованіе, стр. 1—114, текстъ, стр. 1—844, реестръ, стр. 1—73, оглавленіе, стр. 1—27).

62) Молодые преступники и учрежденія для ихъ исправленія съ обозрѣніемъ русскихъ учрежденій (Унив. Изв. 1878, № 4, 5, 6, 7, и отдѣльное изд., Кіевъ, 1878, пред. I—III, 1—213, I—X).

63) Докладъ объ ученыхъ трудахъ профессора Тарасова (Журн. Гр. и Уг. Права 1882, № 5).

64) О преступленіяхъ противъ вѣры (Наблюдатель, 1882, октябрь).

65) Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣленныхъ по суду? (Сборн. Госуд. Знаній. подъ ред. Безобразова, 1887, т. IV).

66) Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права съ подробнымъ изложеніемъ началъ русскаго уголовнаго законодательства 2-е испр. и значительно дополнен. (Кіевъ, 1882. I—IV, 1—19, 1—930, 1—7, 1—8). Тоже. 3-е изданіе безъ измѣненій. Кіевъ, 1891 г.

67) Термины, выражавшіе въ старину понятіе наказанія вообще и смертной казни въ особенности (Лѣтоп. Занятій Археол. коммиссіи 1881. Кн. I, стр. 56—84).

68) Рецензія на соч. Л. Бѣлогрицъ-Котляревскаго «О воровствѣ-кражѣ по русскому праву». (Унив. Изв. 1881, № 2)

69) Программа чтеній по уголовному праву (Унив. Изв. 1883, № 1).

70) Новыя ученія о преступленіи и наказаніи (по поводу соч. Д. Дриля «Малолѣтніе преступники») («Заря» 1885, №№ 10 и 12).

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.)

Вдовой, братьями и дѣтьми покойнаго Александра Федоровича Кистяковскаго намъ предоставлено было право разсмотрѣть воспоминанія отца его, писанныя по личной просьбѣ Александра Федоровича и имѣвшія первоначальное назначеніе только фамильное. Разсмотрѣвъ эти воспоминанія, мы пришли къ выводу, что они, кромѣ личнаго, имѣютъ и общественное значеніе, не только потому, что всякія замѣтки о картинкахъ жизни прошедшей есть достояніе исторіи, но и потому, что въ нихъ затрогиваются нѣкоторыя стороны жизни окружающаго общества, иногда очень рельефно выступающія въ разсказахъ старика священника. Рѣшивъ въ виду этого ихъ напечатать, мы обратились за разрѣшеніемъ къ родственникамъ автора, которые и дали намъ на это свое согласіе, за что позволяемъ себѣ привести имъ нашу глубокую благодарность.

Удобнѣе всего, конечно, начать печатаніе этихъ воспоминаній въ той книжкѣ нашего журнала, которая посвящается памяти сына автора ихъ, при чемъ самыя воспоминанія эти, какъ было сказано, появились на свѣтъ, благодаря просьбѣ этого сына, думавшаго о возможности сдѣлать ихъ гласными, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная надпись Александра Федоровича на поляхъ рукописи. Вотъ эта надпись: „Воспоминанія отца моего, написанныя имъ по моей просьбѣ въ 1876—79 гг. Записки эти, къ сожалѣнію, не кончены. Воспоминанія доведены до посѣщенія отцемъ города Кіева въ то время, когда братъ Федоръ по-

ступилъ въ университетъ. Отецъ еще живъ, но онъ такъ дряхлъ, что съ трудомъ въ состояніи написать письмо. Записки эти для меня лично представляютъ большой интересъ. Онѣ не лишены также и общаго интереса. Современемъ онѣ составятъ нѣкоторый матеріалъ для исторической характеристики жизни того сословія, къ которому принадлежалъ мой отецъ и среди котораго онъ жилъ. Жаль, что онѣ слишкомъ кратки. Кіевъ. 1879 г. 12 октября. А. Ф. Кистяковскій".

Такъ какъ записки эти въ большинствѣ представляютъ картинки бытового характера и, слѣдовательно, говорятъ сами за себя, то мы не считаемъ нужнымъ говорить что-нибудь еще и отъ себя въ разъясненіе ихъ въ видѣ предисловія. Единственно, что намъ кажется необходимымъ—это дать читателю справку о личности графа Ильи Андреевича Безбородка, о которомъ въ этихъ запискахъ (въ первой части ихъ) говорится довольно много.

Графъ И. А. Безбородко (1756—1816)—младшій братъ знаменитаго князя А. А. Безбородка, благодаря значенію послѣдняго, быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ сорокалѣтнемъ возрастѣ имѣлъ уже высшій гражданскій чинъ и титулъ графа римской имперіи. Смерть бездѣтнаго князя Безбородка доставила этому его единственному брату огромныя богатства. Найденная въ бумагахъ умершаго А. А. Б—ка записка послѣдняго съ выраженнымъ въ ней желаніемъ, чтобы наслѣдникъ вносилъ въ первые пять лѣтъ послѣ смерти наслѣдодателя, по 10 тысячъ рублей въ годъ въ пользу богоугодныхъ заведеній, а затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ—по 20 тысячъ рублей, подала мысль И. А. Безбородку учредить въ Нѣжинѣ училище высшихъ наукъ (впослѣдствіи—лицей, а еще позже—институтъ), при чемъ благородный наслѣдникъ прибавилъ еще отъ себя на содержаніе этого училища, кромѣ завѣщанныхъ братомъ, 210 тысячъ рублей ас., по 15 тысячъ руб. ас. ежегодно, на вѣчныя времена. Такимъ образомъ Нѣжинское училище своимъ учрежденіемъ обязано главнымъ образомъ гр. И. А. Безбородку, за что память о немъ въ Малороссіи должна быть сохранена на долгія времена..... Современники этого богача отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень добромъ и

доступномъ. По смерти гр. И. А. Б—ка богатства его унаслѣдовали двѣ дочери [1]), бывшія замужемъ: одна—за адмираломъ Г. Т. Кушелевымъ, а другая—за кн. А. Я. Лобановымъ-Ростовскимъ. Старшій сынъ Кушелева получилъ позволеніе присоединить къ своей фамиліи и фамилію дѣда—Безбородка.

Родился я въ 1807 году 20 дня апрѣля мѣсяца Черниговской губерніи Сосницкаго уѣзда въ мѣстечкѣ Стольномъ. Отецъ мой былъ крестьянинъ графа Ильи Андреевича Безбородка, Емеліанъ Васильевъ Кистяковскій. Мать моя Марѳа Софронова дочь. Отецъ былъ средняго роста, довольно грамотный, отчего и занималъ мѣсто управляющаго. Мать, высокая, полная и красивая женщина, завѣдывала всѣми кладовыми, вмѣщавшими въ себѣ продовольственныя вещи для графской кухни, дессерта и всѣ лакомства. Помню, что, когда я уже подросъ, постоянно являлись къ моей матери за сливками, масломъ, сахаромъ, вареньемъ, изюмомъ, миндалемъ и прочими принадлежностями для закусокъ. Мы, дѣти, нерѣдко бѣгали въ кладовую за подачкою. Насъ было трое: я и еще двѣ сестры: Анастасія и Мавра; съ послѣднею я былъ въ большой дружбѣ и нерѣдко дрался. Рожденіе мое было ознаменовано: бабкою была у меня попадья Дарья Василіева дочь Воронкевичева, славившаяся въ то время богатствомъ и почестями. Графъ подарилъ ей 50 руб., а матери на угощеніе гостей два ведра ренскаго вина съ дозволеніемъ брать все нужное изъ его кладовой. По сказанію матери, изъ вина варили вареную съ изюмомъ и другими ягодами и пряностями, бывшую тогда въ большомъ употребленіи. Нѣсколько дней гуляли, и бабка съ гостями являлась къ графу и получала подарки и изъ графскаго погреба вино бутылками, наливки и медъ.

Воспитаніе мое въ младенчествѣ было самое счастливое на рукахъ няньки, но мать кормила меня сама, хотя по желанію графа и была мамка. Въ полгода я сильно заболѣлъ; мать дала обѣтъ ѣхать въ Рыхлы поклониться Святителю Христову Ни-

---

[1]) Былъ у гр. И. А. Б—ка и сынъ, но умеръ молодымъ.

колаю и испросила крытый экипажъ у графа. Въ дорогѣ не бралъ я уже груди матери и мамки. По прибытіи въ обитель Рыхловскую мать заказала заздравную литургію. Она сама говѣла, и меня пріобщили Св. Таинъ. Я видимо сталъ поправляться. Мать сдѣлала вкладъ денежный въ обитель. Строитель игуменъ Амвросій благословилъ меня образомъ Святителя Христова, спискомъ съ чудотворнаго образа, и предсказалъ моей матери, что она въ позднихъ лѣтахъ будетъ утѣшена моимъ благосостояніемъ [1]). Когда я сталъ подростать, меня нянька носила часто въ графскія комнаты, гдѣ я получалъ разныя дѣтскія игрушки. Отецъ мой Емеліанъ рѣдко проживалъ въ Стольномъ: ему дѣлались наряды по Малороссійскимъ графскимъ экономіямъ Черниговской и Полтавской губерній. По отзывамъ старожиловъ, отецъ мой былъ очень добрый и мягкій человѣкъ, строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы пригонщики не обижали женщинъ и дѣтей; онъ самъ нерѣдко привозилъ мѣшками бублики изъ Березного и раздавалъ для кормленія дѣтей, приказывая устраивать имъ шалашики въ лѣтнее время и приставляя нѣсколько женщинъ для присмотра дѣтей. Сюда пригонялись люди изъ другихъ близкихъ экономій, Дримайловки, Куликовки и др. На огородахъ и въ садахъ работало болѣе ста душъ. Здѣсь, въ Стольномъ, кромѣ садовъ были огромныя оранжереи и теплицы близъ самаго пруда, занимавшія болѣе четверти версты. Здѣсь, въ теплицахъ, росло множество ананасовъ и разнаго рода цвѣтовъ, не встрѣчающихся уже теперь, лимоновъ, апельсиновъ, цитроновъ, винныхъ ягодъ, миндалю, персиковъ, абрикосовъ и шпанскихъ вишенъ рѣдкой величины и вкуса. А сколько было плодовъ лимона около оранжерей, росшихъ на воздухѣ и искусственно сохраняемыхъ! Они были необыкновенной величины, и я такихъ больше нигдѣ не видѣлъ, даже въ Кіевѣ въ продажѣ. Употреблялись они на варенье и для стола. Нынѣ уже только нѣкоторые роды уцѣлѣли, и отъ оранжерей осталась едва десятая часть. Есть еще до полсотни лимонныхъ деревьевъ, нѣсколько апельсинъ, цитроновъ; абрикосовыхъ и персиковыхъ бо-

---

[1]) Она умерла въ 50-хъ годахъ въ нашемъ домѣ и погребена въ селѣ Городищѣ около храма Святителя Христова Николая.

лѣе, но не въ томъ уже видѣ и порядкѣ. Всѣ нѣжные цвѣты и лучшіе сорта исчезли, а теплицъ вовсе нѣтъ. Вездѣ намъ дѣтямъ, т. е. мнѣ и сестрамъ, можно было ходить и пользоваться плодами, хотя тогда сторожей было безъ числа и строго воспрещалось входить кому-либо изъ постороннихъ, кромѣ гостей, коихъ сторожа на каждомъ шагу просили не ломать цвѣтовъ; сорванные же плоды садовникъ или ихъ помощники предлагали во время проходки.

Въ 1808-мъ году графъ далъ вольную отцу моему и матери со всѣмъ семействомъ, купилъ мѣсто въ Стольномъ на Зубрѣевской улицѣ и приказалъ экономіи построить домъ въ четыре комнаты, амбары, хлѣвы и клуню, развесть садъ. У матери моей довольно было собственнаго скота. По устроеніи она наняла надежнаго человѣка, козака Трофима Присѣвка, сдѣлала его полнымъ хозяиномъ; между тѣмъ онъ торговалъ рыбою, солью, чабаками. Въ *Дѣвицѣ* покупалось нѣсколько мажъ чабаковъ, соли. Барышъ дѣлился пополамъ, скотъ лишній и овцы на весну продавались въ пользу одной матери. Лошадь онъ имѣлъ отъ себя для своихъ поѣздокъ и потребъ. Насъ лѣтомъ водили въ свой домъ, хотя очень рѣдко, а зимою по праздникамъ возили. Когда я началъ уже подростать и ходить, меня и сестру мою Мавру, бывшую на годъ старше меня, часто водили въ графскіе покои, вмѣщавшіе въ себѣ большое количество комнатъ, украшенныхъ дорогими въ золотыхъ рамахъ картинами и дорогою мебелью, обитою штофомъ, водили насъ и въ его кабинетъ, гдѣ были золотые обои [1]); здѣсь находился портретъ Императора Павла во весь ростъ. Графъ давалъ намъ дѣтскія игрушки, послѣ чего насъ посылали въ дѣтскія комнаты, гдѣ насъ кормили и давали конфекты и разныя сласти. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ насъ одѣвали прилично и водили въ домовую придворную церковь во имя св. Маріи Магдалины, находящуюся при комнатахъ. Служителемъ сей церкви сначала былъ протопопъ Лаврентій. Онъ былъ искусный рѣзчикъ по дереву. Кресты кипарисные напрестольные его ра-

[1]) Кушелевъ вывезъ оные обои изъ Петербурга. Сказываютъ, что это подарокъ Имп. Екатерины Свѣтлѣйшему Александру Андреевичу.

боты находятся въ Стольнинскихъ приходскихъ церквяхъ, оправленные въ серебряные позолоченные окладцы, какъ рѣдкость. По сказанію матери, онъ былъ умный и весьма отличный служитель, но заболѣлъ и выѣхалъ на родину, въ Стародубскій уѣздъ. Я его чуть помню. Послѣ него переведенъ придворнымъ священникомъ изъ Андреевской церкви свящ. Даніилъ Игнатовичъ, тоже глубокій старикъ, бѣлый, какъ лунь. Сего я очень помню: онъ былъ большой крикунъ, въ церкви постоянно кричалъ на дьячковъ и пѣвчихъ и до того накаживалъ въ церкви, что она была какъ будто вся въ облакахъ. Для графа и его семейства входъ въ церковь былъ сдѣланъ изъ комнатъ, для дворовыхъ же и прочихъ—снаружи, гдѣ при входѣ находилась платформа, на которой висѣли четыре колокола; самый большой изъ нихъ былъ пудовъ въ десять. Въ самой церкви было небольшое помѣщеніе, но при входѣ было сдѣлано что-то въ родѣ придѣла, гдѣ помѣщались дворовые, а ихъ тамъ было болѣе ста душъ мужскаго пола; въ самой же церкви стояли благородные или близкіе къ графскому семейству его люди. И со стороны графскаго входа находилась также комната съ большими стеклянными дверями. Въ церкви былъ только одинъ клиросъ; надъ нимъ висѣла большая икона въ золотой рамѣ, академической работы, изображавшая Благовѣщеніе. Здѣсь же въ углу прибита была благословенная икона Святителя Христова Николая Рыхловскаго, предъ которою всегда теплилась лампада и горѣла восковая свѣча во время каждаго богослуженія; это доставлялось моей матерью, строго исполнявшей сей обѣтъ. На другой сторонѣ, на стѣнѣ, висѣла икона Рождества Христова—поклоненіе царей рождшемуся Спасителю, тоже академической работы. Здѣсь всегда стоялъ графъ во время богослуженія. Помню, онъ пріобщался Св. Таинъ на первый день св. Христова Воскресенія, послѣ коего всѣ дворовые во входной предъ церковью комнатѣ подходили къ нему христосоваться по чину, и камердинеръ и нарочитые ближніе получали изъ рукъ его пару красныхъ яицъ, а послѣ прочимъ самъ камердинеръ раздавалъ яйца и христосовался. Наша же семья входила въ столовую и разговлялась съ графомъ и его ближними. Тогда же послѣ за-

куски получали мы денежную награду изъ рукъ графа, цѣлуя его въ руку: намъ, дѣтямъ, онъ давалъ по пятирублевой ассигнаціи, отцу и матери—по 25 рублей. Графъ жилъ въ сіе время оттого самъ, что устраивалъ своимъ коштомъ Домницкій монастырь. Графское семейство жило въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1809 года графъ выѣхалъ въ Петербургъ, сдѣлавъ всѣ распоряженія къ весеннему его пріѣзду со всѣмъ семействомъ. Мать разсказывала, что еще до его пріѣзда наѣхало изъ Петербурга и разныхъ экономій много людей, искуссныхъ въ разныхъ приготовленіяхъ закусокъ, и цѣлыя облавы охотниковъ. Все время шло копченье, приливанье, соленье; работали медовары, пивовары и составители разныхъ ликеровъ и наливокъ. Постомъ прибыли цѣлые караваны съ винами и прочими принадлежностями къ столу. Распространилась молва, что скоро пріѣдетъ графъ со всѣмъ семействомъ. Много всѣмъ было дѣла. Наконецъ, въ началѣ мая прибыла часть его обоза. Вскорѣ засуетилась вся дворня: начали вывозить кареты, разные экипажи; изъ другихъ экономій выслали много лошадей, экипажныхъ и верховыхъ. Наконецъ, высланы лошади на нѣсколько станцій, поскакали гайдуки изъ Стольнаго, вся дворня всполошилась. Съ полудня появились впереди кареты, штукъ до шести, послѣ разные экипажи. Когда кареты въѣзжали на парадный, дворъ, то послѣдніе экипажи были только въ началѣ въѣзда. Для насъ, дѣтей, памятно, какъ гайдуки скакали предъ каретами, кучера и форейторы хлопали бичами, колокольчики звенѣли; все это съ послѣдней станціи одѣто въ ливреи, въ золотыхъ позументахъ и шляпахъ съ позументами. Изъ Петербурга и другой какой-то экономіи пріѣхало два оркестра музыки: одинъ духовой, а другой—инструментальный. Въ обѣдъ играла инструментальная музыка, а по вечерамъ—духовая. Помню, что огромныя трубы лежали на подмосткахъ въ саду около большого крыльца.

На другой день рано являлись съ визитомъ: первый—генералъ Бобиръ съ семействомъ, Даниловичи-Городинскіе, священникъ Василій Воронкевичъ съ матерью, моей бабкою, затѣмъ исправникъ и засѣдатель. Они всегда были оставляемы отобѣдать. Матери моей и отцу ни днемъ, ни ночью не было покоя:

всѣ пріѣзжіе являлись на поклонъ. Затѣмъ безпрерывныя требованія для кухни за провизіей, а тутъ постоянно прибѣгали за сливками, сливочнымъ масломъ, за вареньемъ и разными пряностями. Все питье находилось на рукахъ дворецкаго. Вина и ликеры печатные помѣщались въ погребѣ подъ комнатами, а пиво, медъ, кислощи и наливки—въ отдѣльномъ каменномъ погребѣ. У дворецкаго былъ помощникъ, выдававшій изъ другого погреба, и все выданное ими записывалось. Въ конторѣ было пять писарей съ главнымъ конторщикомъ. Можно судить, сколько расходилось. Всего было 25 коровъ, да къ пріѣзду графа пригнано было изъ степныхъ экономій столько же дойныхъ. 12 душъ коровницъ утромъ и вечеромъ надаивали шесть носатокъ, каждая ведеръ въ 7. Каждая пара коровницъ несла такую носатку на жерди, лежащей на плечахъ, самая же носатка висѣла на срединѣ. Приходили къ ледовнѣ и здѣсь разливали въ гладыжки, коихъ было несмѣтное количество; здѣсь снимали сливки, молоко раздавали дворнѣ, потомъ снимали сметану и здѣсь же вливали въ колотушки для битья масла. Большое количество отсылалось на кухню.

Нерѣдко мы ходили съ коровницами на большую леваду находящуюся надъ озеромъ, а это не близко. Тамъ былъ птичій дворъ; больше тысячи было тамъ домашней птицы—индюковъ, гусей, утокъ, куръ. Тутъ же былъ винокуренный заводъ, хлѣбные сараи и клуни, стояло большое количество скирдъ ржаного хлѣба и сѣна. Тамъ была построена цѣлая колонія хатъ для рабочаго народа.

Вскорѣ по пріѣздѣ графа съ семействомъ [1]) начали съѣзжаться гости изъ Чернигова. Шли приготовленія къ освященію Домницкой обители. Прибыли изъ Чернигова губернаторъ Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а затѣмъ за день или болѣе преосвященный Михаилъ, архіепископъ Черниговскій.

Здѣсь исполнилось неожиданное назначеніе всей моей будущей судьбы. Мать потребовали со мною въ графскія комнаты. Преосвященный благословилъ мать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и меня,

[1]) Ибо двѣ дочери уже были въ замужествѣ: первая, Клеопатра, за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, а другая за Кушелевымъ, дѣдомъ нынѣшней Пушкиной.

стоявшаго съ матерью; затѣмъ онъ объявилъ свое архипастырское благоволеніе, что я принимаюсь въ духовное званіе, водилъ меня по парадной комнатѣ и говорилъ: „ты будешь получать содержаніе въ духовномъ училищѣ отъ меня". Слѣдовательно, я долженъ былъ носить другую еще фамилію Михайловъ, которую усваивали въ Черниговской семинаріи получающіе таковое пособіе. Но объ этомъ сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

За день большимъ обозомъ отправилась кухня въ Домницкій монастырь. Данъ былъ приказъ ловить рыбу во всѣхъ возможныхъ озерахъ. Рано съ разсвѣтомъ тронулся весь кортежъ каретъ и прочихъ экипажей съ гостями и со всей ливрейной прислугой. Много каретъ и экипажей возвратилось вечеромъ, а другая часть—на слѣдующій день. Готовились опять къ балу, заготовляли плошки, разные фонари, фейерверки; нѣсколько фалконетовъ выставлено или, какъ именовали ихъ, мощирей, на площадкѣ въ саду. Опять прибыло много гостей. Дня три это продолжалось. Отъ насъ позабрали всю, какая была лучшая, постель и отъ прочихъ дворовыхъ, кто имѣлъ таковую получшую. По окончаніи баловъ стали разъѣзжаться; вскорѣ уѣхали и петербургскіе гости и зятья. Говорятъ, они были на должностяхъ.

Остался графъ и графиня съ сыномъ, да докторъ Мисинадо, французъ; музыка почти вся была отправлена: остались одни турбанисты, танцующіе съ турбаномъ и пѣніемъ. Все вошло въ прежнюю колею. Мать говорила, что она до того была истомлена, что болѣе недѣли проболѣла. Молодой графъ часто приходилъ съ докторомъ Мисинадо къ намъ въ домъ; они удалялись въ угловую комнату еще съ какимъ-то господиномъ и моимъ отцомъ. Здѣсь они играли въ карты и шашки; дворецкій приносилъ имъ попойку, бутылки вина и наливки. Молодой графъ любилъ погулять; впрочемъ, онъ былъ больной и полуидіотъ. Онъ очень уважалъ мою мать и нерѣдко называлъ ее мамашей и боялся, если мать когда-либо останется чѣмъ-либо недовольна.

Въ сіе время я уже начиналъ ходить гулять, хотя и съ нянькой. Товарищемъ моимъ былъ Петръ Дайнека, сынъ булочницы; она же пекла просфоры для домашней дворовой церкви

и для приходской Спасопреображенской. Дружба наша продолжалась и тогда, когда насъ начали учить и посылать въ школу къ пономарю, очень сердитому и любившему выпивку.

Графа-владѣтеля я никогда не видѣлъ въ нашемъ домѣ. Мать постоянно требовали въ комнаты. Иногда по вечерамъ и утрамъ сестру Мавру и меня туда водили, давали намъ пить чай съ разными булками, сухарями и прочими сластями. Входилъ графъ, и мы подходили цѣловать его руку. Онъ приказывалъ принесть намъ разныхъ конфектъ и сластей, и мы выходили съ наполненными салфетками. По приходѣ мать отъ насъ отбирала принесенное и давала малую только часть, за что мы иногда ссорились до драки.

Сестра Анастасія не участвовала въ нашихъ гуляньяхъ: она уходила учиться къ какой-то графской швейной мастерицѣ.

Особенно намъ нравилось, когда собирались у насъ гости— всѣ приближенные графскіе, мужья съ женами и дѣвушками. Угощеніе шло на славу: вареная малороссійская играла главную роль, наливка и вино лились въ изобиліи, закуски были найлучшія. Здѣсь участвовалъ и главный поваръ Антонъ, пузатый мужчина, одѣвавшійся очень прилично; въ кухнѣ же во время приготовленія обѣда онъ былъ весь въ бѣломъ, какъ снѣгъ.

Эти угощенія бывали больше тогда, когда графы отъѣзжали куда-либо въ гости. Приходившіе намъ всегда приносили много разныхъ гостинцевъ и подарковъ. Главный садовникъ, участвовавшій въ этихъ пирушкахъ, приносилъ разные оранжерейные плоды, какихъ нынѣ уже и видѣть не приходится. Призывали турбанистовъ; они одѣвались въ избранное имъ платье и плясали подъ напѣвъ и игру удивительнымъ и искуснымъ образомъ, подобно паяцамъ.

Въ 1810-мъ году въ іюнѣ мѣсяцѣ умеръ нашъ отецъ Емеліанъ, оплаканный всѣмъ семействомъ и дворовыми людьми: онъ былъ мягкій человѣкъ и любимый всѣми. Болѣзнь его была простудная—чахотка. Онъ болѣлъ всю зиму, и докторъ французъ Мисинадо поддерживалъ его, но сказалъ матери, что никакія лѣкарства не помогутъ и что весною или въ началѣ лѣта онъ умретъ.

Мать не жалѣла ничего для погребенія, сдѣлала склепъ просторный, чтобы когда-нибудь по смерти быть погребенной и ей [1]). Похороны были великолѣпныя: были священники съ причтами изъ трехъ церквей.

Его погребли близъ Андреевской церкви въ паперти. Здѣсь въ церкви погребена мать графовъ, Евдокія, на лѣвой сторонѣ, гдѣ въ стѣнѣ находится позлащенная таблица съ означеніемъ времени рожденія, службы и смерти. Она была статсъ-дама, имѣла орденъ св. Екатерины и служила при дворѣ при трехъ монархахъ. Въ послѣднее время она и жила здѣсь при церкви, въ домѣ изъ нѣсколькихъ комнатъ для нея и для ея прислуги.

Она вела жизнь отшельническую, удаливъ отъ себя всякую роскошь и суету міра. Она не ѣздила даже въ графскій дворецъ, а самъ графъ часто пріѣзжалъ къ ней; да она вообще никуда не выѣзжала, кромѣ Домницкаго монастыря къ своему духовнику, архимандриту и настоятелю Іерофею Малицкому. Благодаря ея ходатайству предъ сыномъ, свѣтлѣйшимъ, онъ хиротонисованъ въ архіереи, а послѣ въ митрополиты кіевскіе.

Мать устроила каменный памятникъ надъ могилой отца, который и нынѣ существуетъ. Въ 1849 году, въ бытность священника Аделфинскаго, я его подправилъ и отщекатурилъ. Въ то время я былъ благочиннымъ.

Здѣсь было много памятниковъ деревянныхъ, но они разрушились и не существуютъ, кромѣ одного, каменнаго, надъ могилой генералъ-маіора Степана Бобира и другого, поставленнаго бывшимъ управляющимъ Петромъ Тузовымъ на могилѣ единственнаго сына. Послѣдній памятникъ былъ что-то въ родѣ малой церкви и стоилъ болѣе тысячи рублей. Этотъ мальчикъ подавалъ большія недежды. Въ памятникѣ стоятъ его механическія мельницы и прочія модели, сдѣланныя имъ собственнымъ рукодѣліемъ на 13-мъ году жизни.

Въ 1811-мъ году графъ со всѣмъ семействомъ выѣхалъ въ Петербургъ. При отъѣздѣ была призвана мать для проща-

[1]) Ей не суждено тамъ быть погребенной, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

нья; графъ предложилъ ей свою енотовую шубу, немного только ношенную; мать отказалась, и онъ тутъ же подарилъ ее дворецкому Ѳомѣ Бойку, сказавъ при этомъ: „Марфа, Марфа! Придетъ тебѣ темная ночь!“ Слова его сбылись въ послѣдующей жизни моей матери.

Послѣ отъѣзда графа произошли большія перемѣны: управляющій Дмитрій Петровъ Рсговичъ переселилъ мать мою въ домъ за дворомъ, гдѣ проживали впослѣдствіи сахаровары нѣмцы, а нынѣ садовникъ Кохъ.

Правда, домъ былъ помѣстительный.

Меня стали учить: сначала пономарь дворовой церкви ходилъ къ намъ на домъ, а послѣ я и сестра Мавра стали ходить къ нему въ школу, дворовъ черезъ шесть, по большой улицѣ. Мы ходили больше съ Петромъ Дайнекою: онъ заходилъ за мною. Конечно, наше хожденіе было не безъ штукъ и шалостей: мы заходили на цвинтарь драть воробьевъ, а въ лѣтнее и осеннее время забирались въ графскій садъ, гдѣ лакомились ягодами, грушами, яблоками, сливами, нерѣдко зелеными. Насъ, какъ привиллегированныхъ, не наказывали розгами, а ставили на колѣна и грозили подсыпать гречки. За то, когда нашъ учитель приходилъ жаловаться матерямъ, не обходилось безъ потасовки. Прочихъ онъ дралъ, можетъ быть для внушенія намъ страха, и при отпускѣ въ субботу давалъ такъ называемыя „субботки“. Въ это время онъ всегда бывалъ пьянъ.

Діомедъ Афанасьевичъ Скриба (такъ звали нашего учителя) величался своимъ знаніемъ,силою и разгонялъ всю свою семью. Но лѣтомъ онъ заболѣлъ и умеръ на паперти дворовой церкви, подъ колоколами; онъ тамъ болѣе мѣсяца болѣлъ, не ходилъ въ домъ, хотя около церкви прогуливался съ трудомъ. Его занимали пчелы, которыхъ нѣсколько пней стояло тутъ-же въ саду; онъ за ними смотрѣлъ, потому что съ паперти былъ ходъ въ садъ.

Мы часто ему приносили по распоряженію матери лучшую, какая была, пищу. Мать моя была вообще человѣколюбивая женщина и никогда не отказывала бѣднымъ, въ чемъ могла, за что отъ дворовыхъ и знавшихъ ее прочихъ людей заслужила добрую память. Когда онъ умеръ, мать приняла въ

домъ въ качествѣ учителя какого-то странника Демьяна, который болѣе занимался молитвой, чѣмъ нашимъ обученіемъ: заберется на гору и тамъ на колѣняхъ съ плачемъ молится. Сестра Мавра не давала ему покоя, постоянно издѣвалась надъ нимъ, и онъ часто уходилъ въ графскій садъ въ какую-нибудь гущу, глушь, собственно для молитвы. Впрочемъ, онъ былъ строгъ, постоянно держалъ розги, часто наказывалъ по одеждѣ, легко нами одѣтой. За это сестра Мавра ломала часто его розги и ругала его самыми неприличными словами. Едва ли онъ насъ училъ больше года, послѣ чего удалился, не знаю куда.

Въ 1811 году мать моя получила по ея просьбѣ позволеніе поѣхать съ семействомъ въ Кіевъ на поклоненіе св. угодникамъ, а оттуда въ Переяславскій уѣздъ Полтавской губерніи, въ селеніе Богданы для свиданія съ родною сестрою Пелагіею, бывшею тамъ въ замужествѣ тоже за управляющимъ. Экономія дала матери новую крытую бричку, тройку конюшенныхъ лошадей и кучера Герасима, прежде ѣздившаго съ графомъ, но по старости лѣтъ замѣненнаго для графскихъ выѣздовъ сыномъ его Емельяномъ. Насъ съ матерью было четверо, да пятой была воспитанница, дѣвка Ирина, выданная впослѣдствіи замужъ за садовника Марка Цыбу, съ приличнымъ вознагражденіемъ. Дорогою насъ ужасно удивляли, особенно подъ Кіевомъ, дремучіе тогда, высокіе сосновые лѣса. Разсказы кучера о томъ, что въ этихъ лѣсахъ обитаютъ разбойники, ужасно насъ страшили, но мы ночью, какъ помню, не ѣхали и рано останавливались ночевать.

По пріѣздѣ въ Кіевъ мы остановились въ графскомъ дворцѣ на Печерскѣ.

Здѣшній управляющій, а нынѣ дворецкій, принялъ насъ найлучше, помѣстилъ насъ въ домѣ, занимаемомъ имъ и его семействомъ; домъ былъ довольно обширный. Намъ здѣсь было очень удобно и вполнѣ прилично: столъ мы имѣли совмѣстный съ семействомъ управляющаго, чай и прочее—тоже. При домѣ находился садъ съ ужасными байраками, гдѣ мы съ дѣтьми управляющаго постоянно бѣгали, гуляли и рвали плоды; помню,

виноградъ еще былъ зеленый и кислый, такъ какъ это было, вѣроятно, въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Дѣти управляющаго ходили въ классъ.

Иногда мальчики доводили меня до плача. Послѣ обѣда мы пускались въ запуски гулять, и это оканчивалось миромъ.

Помню, какъ насъ возили въ церкви, особенно Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ водили насъ по всѣмъ пещерамъ для поклоненія и цѣлованія святыхъ угодниковъ. Особенно запечатлѣлись въ моей памяти мощи Іоанна многострадальнаго въ землѣ, съ главы коего снимали шапочку и надѣвали мнѣ на голову, а также помазаніе елеемъ или мѵромъ съ мѵроточивыхъ главъ св. угодниковъ. По выходѣ изъ пещеръ давали намъ по большой просвирѣ и водили насъ по всему монастырю.

Сильно запечатлѣлось въ моей памяти и то, какъ показывали намъ, когда водили по пещерамъ, въ желѣзные граточки, гдѣ лежали 12 братьевъ, замурованныхъ по смерти и строившихъ Лаврскую колокольню. Помню, какъ намъ показывали и маленькія церкви пещерскія, гдѣ мать нанимала обѣдню, послѣ которой намъ давали красное вино и крохи просвиры. Я вынесъ оттуда впечатлѣніе, которое роилось долго у меня въ головѣ, а по пріѣздѣ домой я передавалъ мальчикамъ все видѣнное на разные лады, какъ понималъ. Послѣ того возили насъ и по другимъ церквамъ, напр.: въ Михайловскій соборъ, гдѣ почиваютъ мощи св. Великомученницы Варвары.

Тамъ, помню, купили и Акафистникъ св. Варвары, изъ котораго сестра Анастасія разсказывала впослѣдствіи намъ изъ картинокъ, тамъ напечатанныхъ, ея, св. Варвары, великія мученія и страданія отъ отца ея Діоскора. Возили насъ въ Софійскій монастырь, гдѣ покоятся мощи св. Макарія, въ Андреевскій, Десятинную церковь и пр.

Проживъ въ полномъ довольствѣ въ Кіевѣ [1]) около недѣли, мы простились съ семействомъ дворецкаго и поѣхали на Перея-

[1]) Помнится, что когда въ 1856 году, въ январѣ мѣсяцѣ, я былъ въ Кіевѣ при поступленіи въ университетъ сына Ѳеодора, я просилъ старшаго сына Александра повезти меня на Печерскъ, не узнаю ли я мѣста графскаго, гдѣ мы квартировали, и я указалъ. Сынъ Александръ сказалъ, что это мѣсто продано Компаніи дилижансовъ.

славъ, въ которомъ тоже останавливались у какой-то лѣкарки, вѣроятно акушерки. Сестра Анастасія заболѣла какими-то лишаями на локтяхъ руки и изгибахъ колѣнъ.

Хозяйка наша, немолодая крупная женщина, была хорошо знакома нашей матери. У нея мы и квартировали. Помню, сестра Анастасія больно плакала, когда ее вытирали какими-то мазями, что дѣлалось въ отдѣльной комнатѣ. Мы здѣсь прожили дня три. Насъ тоже водили, не знаю, въ соборъ, или монастырь, гдѣ почиваютъ мощи св. Макарія, но все это помнится мнѣ, какъ въ сновидѣніи. Изъ Переяслава мы отправились уже въ Богданы, экономію графа. Прибыли мы туда днемъ. Насъ встрѣтили радушно. Родные отвели намъ домикъ посреди экономическаго двора, выстроенный для пріѣзда главноуправляющаго. Онъ былъ невеликъ, но красивъ и довольно помѣстителенъ. Здѣсь прожили мы въ полномъ довольствѣ. Помню, по утрамъ приходилъ кучеръ и говорилъ: „ну, панюшка Марфа Софроновна, здѣсь лошади откормятся, овса никогда не поѣдаютъ, сѣно посѣвное, какого онѣ не видали во всю дорогу.“ Оно косится для „шліонскихъ“ овецъ, коихъ тутъ большой заводъ.

Пирушки и попойки были ежедневныя. Насъ водили и по прочимъ дворамъ лучшихъ людей и вездѣ насъ кормили сластями. Во дворѣ было безчисленное множество всякой птицы, а голубей столько, что мы удивлялись ихъ множеству. Кромѣ помѣщеній на кровляхъ, по срединѣ двора была устроена на четырехъ столбахъ огромная голубятня, гдѣ помѣщались сотни голубей.

Помню, что тамъ было безчисленное количество арбузовъ и дынь и какихъ-то тыквъ, какихъ я теперь не вижу. Садовъ въ селѣ не видно, кромѣ небольшого графскаго. Здѣсь было много рогатаго скота, много воловъ съ большими рогами, какихъ я послѣ мало гдѣ видѣлъ.

Отсюда, проживши съ недѣлю, мы поѣхали уже домой; по дорогѣ заѣзжали еще въ графскую экономію, Оржицу, гдѣ тоже ночевали при всемъ довольствіи экономическомъ. Затѣмъ мы пріѣхали въ Нѣжинъ, гдѣ только отдыхали на Лицейскомъ

дворѣ. Мать ѣздила въ лавки и покупала то, что ей было нужно. На ночь мы отправились въ Веркіевку, главное управленіе. Здѣсь управлялъ помѣщикъ Богунъ, имѣвшій самъ душъ двѣсти крестьянъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ уѣздѣ. Когда ему было доложено о пріѣздѣ матери съ семействомъ, онъ распорядился, чтобы намъ отвели помѣщеніе въ отдѣльномъ флигелѣ, а мать скоро потребовали къ главноуправляющему. Насъ лакеи его угощали чаемъ, а когда пришла мать, то подали ужинъ. Мать была сильно встревожена объявленіемъ Богуна о большомъ наборѣ рекрутъ и о томъ, что графъ скоро пріѣдетъ изъ Петербурга, при чемъ онъ объявилъ, что молодой графъ отправился въ Польшу съ козачьимъ полкомъ, коего онъ назначенъ полковымъ командиромъ.

Поутру опять мать звали къ Богуну, который далъ ей разныя бумаги въ экономію и распоряженія относительно пріѣзда графа, который долженъ прибыть ненадолго и безъ семейства. Здѣсь намъ перемѣнили третью лошадь, которая оказалась закривѣвшею. Послѣ обѣда мы отправились и ночевали въ какой-то тоже богатой экономіи. Это было сдѣлано уже по желанію кучера Герасима, т. к. у него здѣсь были родичи. Здѣсь громадное винокуреніе, и, кажется, у тамошняго приказчика разгулы продолжались за полночь. На другой день мы рано выѣхали изъ этой экономіи и къ позднему обѣду прибыли въ Стольное.

Занятія матери пошли своимъ порядкомъ, а Демьянъ нашъ возвратился и опять сталъ насъ учить. Я уже выучилъ граматику и часловецъ, началъ учить псалтырь и писать по деревянной длинной таблицѣ, разведенной крейдою, перомъ. Вскорѣ опять нашъ Демьянъ покинулъ насъ и удалился въ Домницкій монастырь, гдѣ, говорятъ, онъ прожилъ болѣе года и удалился неизвѣстно куда.

Осенью прибылъ графъ безъ всякаго семейства, и безъ всегдашней его петербургской прислуги, а съ однимъ только поваромъ, въ дорогѣ нужнымъ потому, что здѣсь лакеевъ, истопниковъ и прочей прислуги было довольно. Помню, стали сгонять изъ разныхъ экономій молодыхъ и лѣтныхъ молодцовъ

для отвозки въ рекруты. Мать уже не завѣдывала кладовыми. Ими завѣдывалъ кондиторъ и его жена, а на рукахъ матери была только молочная и ледовня, теперь еще существующія въ видѣ башенъ съ флюгерами на верхнихъ куполахъ, на которые мы съ удовольствіемъ смотрѣли, когда они во время вѣтра вертѣлись.

Во время своего пребыванія въ Стольномъ, графъ часто выѣзжалъ въ разныя экономіи, въ Черниговъ и Нѣжинъ.

Сюда прибылъ изъ Чернигова Григорій Петровичъ Милорадовичъ, а также пріѣзжали болѣе извѣстные помѣщики изъ Черниговской и Полтавской губерній.

Музыки не было, кромѣ турбанистовъ и придворной пѣвчей. Въ церкви настоятелемъ по прежнему былъ тотъ же священникъ Даніилъ Игнатовичъ.

Для болѣе скораго полученія писемъ изъ Чернигова была устроена постоянная домашняя почта до Чернигова.

По воскресеньямъ въ Стольномъ установился торгъ, на которомъ фигурировали большею частью березнинскіе торгаши или, какъ ихъ называли тогда, крамари. Большая часть ихъ состояла изъ женщинъ, занимающихся мелкимъ крамомъ—продажей лентъ, мониста, серегъ, личмановъ и проч. мелочи. Были крамари съ платками, ситцами, демикотонами, разною пестрядью, пряниками, орѣхами, изюмомъ, сахаромъ и проч. бакалеею. Все это было неизысканно, но болѣе всего удобно для продажи поселянамъ и дворянамъ, которые, за исключеніемъ графа, Бобыра и Даниловича, жили тоже неизысканно. На базаръ пріѣзжали также крамари съ сапогами и горшечники съ простою и поливяною посудой, бывшею тогда въ большомъ употребленіи. Графъ, дабы привлечь крамарей, нерѣдко покупалъ весь товаръ и въ присутствіи своихъ раздавалъ его своимъ дворовымъ людямъ, начиная отъ ситцовъ, платковъ, демикотоновъ и проч., а молодымъ дѣвкамъ, парнямъ и молодицамъ бросали очипки, мелкіе платки, дѣвкамъ—ленты, мониста, серьги, личманы и всякую мелочь, мальчикамъ и дѣвочкамъ—пряники, бублики, булки, сайки и прочую бакалейную мелочь. Здѣсь сидѣли графъ и прочіе гости, если таковые были, и съ интере-

сомъ смотрѣли, съ какимъ удовольствіемъ народъ все схватывалъ. Писаря сначала записывали по здѣшней оцѣнкѣ товары, предназначенные для раздѣла, пользуясь при этомъ всѣмъ лучшимъ, хотя тутъ же управляющій Роговичъ повѣрялъ. Сапоги и башмаки также раздавались писарями, войтами и прикащиками.

Затѣмъ графъ приказывалъ отпустить нѣсколько ведеръ горѣлки и пива, которымъ присутствовавшіе угощались до поздней ночи, послѣ чего составлялись хороводы и пляски.

Все это дѣлалось для того, чтобы привлечь крамарей къ наибольшему торгу и заинтересовать людей оборотами. Всѣ продававшіе шли въ контору и получали расплатку или забирали въ счетъ изъ экономіи товаръ, толстые холсты, сыръ, ненужное масло, сало свиное, свѣчное, кожи и проч., благодаря чему многіе оставались до другого дня по своимъ выгодамъ, но торгъ уже не производился, и товары почти всѣ разобраны бывали экономіей или сельскими покупателями. По разсказамъ матери, по тогдашней дешевизнѣ, это не восходило выше полутораста рублей ассигнаціями: еще тогда имѣли цѣну денежки и полушки, а копѣйки мѣдныя—уже былъ счетъ болѣе значительный.

Въ концѣ 1811-го года начали выбирать ратниковъ для ополченія. Графъ все еще жилъ въ Стольномъ. Почти все время у него жилъ Милорадовичъ, а также очень часто изъ Березной пріѣзжалъ лѣкарь Самарскій, весьма извѣстный въ то время. Онъ былъ графскимъ и экономическимъ врачемъ. Въ экономіи было два фельдшера, одинъ изъ которыхъ, наиболѣе славившійся, Шульцъ, снабжалъ еще меня лѣкарствами, когда я уже кончалъ курсъ наукъ и хворалъ въ домѣ.

Въ началѣ 1812-го года мать просила у графа увольненія отъ возложенныхъ на нее обязанностей, съ тѣмъ, чтобы поселиться въ домѣ и заняться по хозяйству. Графъ согласился и сдѣлалъ распоряженіе экономіи выдавать полную провизію ей и дѣтямъ, какую получали дворовые, занимавшіе близкія мѣста къ графу. Кромѣ того, онъ приказалъ выдавать по пятьдесятъ рублей въ годъ. Въ случаѣ выхода замужъ, выдача провизіи

прекращается, а дѣти получаютъ до совершеннолѣтія, и деньги также передаются на дѣтей.

Затѣмъ графъ лично пожелалъ видѣть устройство дома матери. Все было приготовлено для встрѣчи и пріема, все вычищено, выбѣлено. Графъ пріѣхалъ въ крытыхъ дрожкахъ, ходилъ вездѣ и все разсматривалъ. По предложенію матери онъ пилъ кофе. Онъ подарилъ на обзаведеніе сто рублей, а экономіи велѣлъ выдать изъ столярной всю нужную мебель; кромѣ того, онъ велѣлъ дать пару коровъ и всякаго мелкаго скота, овецъ, свиней, даже всякой птицы, чѣмъ завѣдывала мать.

Къ тому же онъ велѣлъ давать ежегодно двѣ прислуги—женщину и дѣвку—для присмотра за дѣтьми. Все, что мать могла получить тогда же, было получено исправно, что же было предоставлено времени, вовсе намъ не досталось.

Графъ получалъ постоянно бумаги изъ Петербурга, и къ нему являлось много чиновниковъ, т. к. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милицій малороссійскихъ губерній. Въ то время онъ уже имѣлъ мундиръ и все убранство милиційское, сдѣланное въ Петербургѣ. Бывши уже священникомъ, я видѣлъ этотъ мундиръ съ бѣлымъ воротникомъ, залитымъ шитьемъ. Тутъ же были орденскія ленты, красная и голубая, и прочія принадлежности. Мундиръ висѣлъ на верху, во второмъ этажѣ, на большомъ вольтеровскомъ креслѣ; здѣсь же находились орденскія ленты, ботфорты и проч. Впослѣдствіи все это было отправлено въ Петербургъ.

Графъ собирался выѣхать въ Петербургъ и вскорѣ выѣхалъ. Это было его послѣднее пребываніе въ Стольномъ.

Въ это время насъ постоянно запугивали французами, увѣряя, что французы придутъ и сюда, будутъ мучить и рѣзать людей, а малыхъ дѣтей давить и прищемлять лавками. Этотъ разсказъ такъ подѣйствовалъ на насъ, что при упоминаніи о приближеніи французовъ мы не знали, гдѣ дѣваться. Каждый почти день весною и лѣтомъ мы видѣли проходящихъ москалей, какъ мы ихъ тогда называли, а также козаковъ на лошадяхъ съ пиками. Проходъ ихъ чрезъ Стольное всегда сопровождался пѣніемъ съ барабанами и дудками. Они иногда останавливались

на базарной плащади, и солдаты были угощаемы водкой и съѣстными припасами, офицеровъ же управляющій Роговичъ приглашалъ въ одинъ изъ графскихъ флигелей, гдѣ имъ также предлагалось угощеніе. На площадь сгонялись подводы для подъема амуниціи и прочаго офицерскаго и солдатскаго имущества. На веснѣ или въ началѣ лѣта шли Костромцы, народъ довольно крупный. Мы, какъ дѣти, ихъ тоже боялись. Помню, все шли разсказы о томъ, что французы жгутъ села и города и добираются до Москвы. Безпрестанно шли ратники, выгонялись подводы съ сухарями, выдавался хлѣбъ изъ магазиновъ, который сушили, мололи и пекли сухари. По раскладкѣ наряжались изъ дворянъ защитники для сопровожденія и доставки сухарей въ Польшу и близъ лежащія мѣста. Плачъ въ семействахъ, по разсказамъ, былъ великій.

Прошло лѣто, не было уже видно солдатъ, а зимою стали говорить, что французы всѣ померзли и вездѣ ихъ бьютъ, что большая часть ихъ *повтекали* и самъ Бонапартъ утекъ. Послѣ народъ сталъ радоваться, когда въ церквяхъ стали читать манифесты и реляціи о пораженіи враговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Труды А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права.

Десять лѣтъ прошло со дня смерти А. Ф. Кистяковскаго, и теперь, думается намъ, наступило время спокойной, чуждой интересовъ и страстей минуты, оцѣнки по крайней мѣрѣ его *ученой* дѣятельности, наступило время опредѣлить то мѣсто, какое занималъ онъ въ общей *научной* работѣ, роль и значеніе его изслѣдованій въ сферѣ *науки*.

Само собою разумѣется, что здѣсь, на страницахъ журнала, посвященнаго вопросамъ исторіи, рѣчь можетъ идти далеко не о всей совокупности работъ и изслѣдованій А. Ф. Кистяковскаго: юристъ по занятіямъ и по профессіи, спеціалистъ по уголовному праву,—главнѣйшую и наибольшую долю своего вниманія онъ, естественно, долженъ былъ посвящать и посвящалъ вопросамъ уголовнаго права, его разработкѣ. Каковы значеніе и роль его трудовъ въ этой области,—рѣшить этотъ вопросъ дѣло юриста, и рѣшеніе такое можетъ найти свое мѣсто на страницахъ спеціальнаго юридическаго журнала.

Но дѣло въ томъ, что А. Ф. не принадлежалъ по числу юристовъ-спеціалистовъ, замыкающихся всецѣло и исключительно въ изученіе „свода“, въ его научное и практическое изученіе и объясненіе, да по складу своего ума, по своимъ наклонностямъ и не могъ принадлежать къ нимъ. Тѣмъ, кто, подобно пишущему настоящія строки, стоялъ близко къ нему,—хорошо извѣстны и тотъ глубокій интересъ, съ какимъ онъ слѣдилъ всегда за всѣмъ, касающимся вопросовъ исторіи и исторической на-

уки, и то вниманіе, съ какимъ онъ изучалъ научные пріемы, вырабатываемые въ исторической наукѣ, съ какимъ старался онъ примѣнять ихъ къ явленіямъ исторической общественной жизни и Европы, и родной ему страны. Еще въ 1864 году, когда я впервые познакомился съ нимъ, затѣмъ вплоть до послѣднихъ почти минутъ его жизни, не разъ въ минуты увлеченія, въ бесѣдѣ то о новыхъ работахъ въ области исторіи, то о новыхъ путяхъ и методахъ, создаваемыхъ европейской исторической наукой, выражалъ онъ сожалѣніе, что не можетъ отдаться всецѣло историческимъ работамъ, изслѣдованіямъ по вопросамъ о развитіи общественнаго строя, общественныхъ отношеній, въ которыхъ онъ видѣлъ главное основаніе научнаго настроенія исторіи, не можетъ сосредоточиться исключительно на разработкѣ и мѣстной исторіи, интересовавшей его по преимуществу. Излюбленной мечтой его, о которой нерѣдко онъ говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ, было составленіе такой работы, которая дала бы,—насколько то было возможно,—ясное *научное* освѣщеніе прошлому, и всѣ свои досуги, всѣ свободныя минуты онъ отдавалъ собиранію данныхъ для этой цѣли, собиранію матеріаловъ, на недостатокъ и необработанность которыхъ онъ нерѣдко указывалъ. Но обладая умомъ яснымъ и широкимъ, неспособнымъ къ метафизическимъ построеніямъ, но за то вполнѣ позитивнымъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, онъ не могъ и не былъ склоненъ съузиться въ какой нибудь одной области, ограничиться изученіемъ только одного какого либо явленія, не довольствовался также и изученіемъ его, лишь самого по себѣ и въ самомъ себѣ, изученіемъ, ведущимъ только къ простому констатированію его... Знакомство,—и знакомство, долженъ я замѣтить, весьма глубокое и обширное,—и съ западно-европейской исторіей, и съ западно-европейской жизнью и общественными отношеніями, какъ они складывались въ прошломъ, и съ методами историческаго изслѣдованія, методами, касавшимися и изученія матеріала, и,—главное,—обработки этого матеріала, давало ему въ руки одно изъ тѣхъ могущественныхъ и безусловно-необходимыхъ орудій, обладаніе которыми одно, главнымъ

образомъ, и можетъ привести къ плодотворнымъ изслѣдованіямъ, къ работамъ, оставляющимъ слѣдъ въ наукѣ.

Въ двухъ направленіяхъ старался онъ примѣнить выработанный имъ методъ и сложившіяся у него воззрѣнія: къ изученію какъ мѣстной исторической жизни, такъ и мѣстныхъ проявленій народной жизни въ сферѣ обычаевъ, нравовъ, воззрѣній, отношеній и т. п., т. е. въ сферѣ того, что у насъ принято называть обычнымъ правомъ. И въ обоихъ этихъ направленіяхъ на явленія, подлежавшія изученію, онъ смотрѣлъ не только какъ на имѣющія значеніе сами по себѣ, но и какъ на такія, которыя въ свою очередь могутъ служить матеріаломъ для пониманія и объясненія явленій подобнаго же рода у другихъ народовъ и затѣмъ сами выясняться помощью этихъ послѣднихъ. Этими то работами и ихъ значеніемъ мы и займемся въ настоящей небольшой замѣткѣ.

Начнемъ съ работъ А. Ф. Кистяковскаго въ области исторіи Малороссіи.

I.

Еще въ молодые годы, подъ вліяніемъ великаго акта 19 февраля, приступилъ А. Ф. Кистяковскій къ выполненію перваго своего историческаго труда. То была небольшая по объему, на половину публицистическая, на половину серьезно-научная статья, касавшаяся интересовавшаго тогда всѣхъ вопроса, вопроса о крѣпостномъ правѣ, его возникновеніи и развитіи. Написана она была въ маѣ 1861 г., и появилась въ генварьской книжкѣ журнала „Основа“ 1862 г. подъ заглавіемъ: „*Характеристика русскаго и польскаго законодательства о крѣпостномъ правѣ по отношенію къ Малороссіи*“ [1]).

То былъ не болѣе какъ общій очеркъ развитія крѣпостной зависимости въ Малороссіи, очеркъ, написанный еще моло-

---

[1]) Статья эта подписана: „—кій“ и не отмѣчена въ спискѣ работъ К—аго, помѣщенныхъ имъ въ „біографическомъ словарѣ проф. кіевскаго университета“. О томъ, но она принадлежала К., я узналъ изъ его словъ: онъ говорилъ мнѣ о ней много лѣтъ назадъ.

дымъ ученымъ, едва начинавшимъ подготовляться къ научной работѣ. Въ исторической литературѣ вопросъ о томъ не былъ почти и затронутъ, да вдобавокъ и матеріалъ для изученія его былъ болѣе, чѣмъ скуденъ. Кромѣ полнаго собранія законовъ и документовъ, изданныхъ Судіенкомъ (Матеріалы для отечественной исторіи) или помѣщенныхъ въ „Запискахъ о Южной Руси" г. Кулиша, подъ руками у автора не было рѣшительно ничего, да и изданій иныхъ документовъ не было и они не были ему извѣстны. Тѣмъ не менѣе, и теперь, когда прочитываешь эту статью, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ ея появленія, нельзя не удивляться остроумію и проницательности ея автора, способности его на основаніи небольшого количества данныхъ выяснить основныя черты развитія крѣпостного права въ Малороссіи. Любопытная и въ публицистическомъ отношеніи (какъ таковая, она, безспорно, можетъ служить не лишенной интереса характеристикой настроенія умовъ и воззрѣній въ началѣ 60 годовъ), она въ смыслѣ научномъ является первою серьезною попыткою разъясненія процесса развитія крѣпостного права въ Малороссіи, попыткою, не потерявшею цѣны и значенія и въ настоящее время и представляющею собою крупный толчокъ, данный изслѣдователямъ... Вопреки господствовавшему мнѣнію, что крѣпостная зависимость въ Малороссіи создалась лишь въ концѣ XVIII в., А. Ф. К—ій пытался показать, что почва для закрѣпощенія была подготовлена гораздо раньше и создана слагавшимися уже издавна въ Малороссіи внутренними отношеніями. „Крѣпостное право въ Малороссіи, писалъ К—ій, косвенно признано русскимъ правительствомъ только во второй половинѣ XVIII в., но крѣпостная зависимость, *паны* и *подданные* существовали на дѣлѣ еще задолго до изданія тѣхъ указовъ, которыми ограничено и отнято у посполитыхъ право перехода" (стр. 5—6). По мнѣнію К—аго эта зависимость установливалась путемъ обычая, пережившаго политическій переворотъ временъ Богдана Хмельницкаго, и являлась результатомъ „своекорыстнаго стремленія Малороссійскихъ старшинъ къ пріобрѣтенію и неразборчивости ихъ въ средствахъ, которыя они употребляли при захватѣ войсковыхъ земель" (7). И онъ показываетъ, какъ уста-

навливалась эта зависимость постепенно и послѣдовательно въ странѣ; какъ, посредствомъ отдачи въ „послушенство безъ всякой противности", устранялось, „по началамъ польскаго права", право на землю посполитыхъ и какъ затѣмъ и опредѣленіе повинностей посполитыхъ поставлялось въ зависимость не отъ свободнаго договора ихъ съ владѣльцемъ земли, на которой они сидѣли, а отъ обычая и возможности произвольнаго нарушенія его со стороны сильныхъ. Отсюда, при такомъ стѣсненіи правъ посполитыхъ, и естественное, по мнѣнію К., стремленіе со стороны старшины XVIII в. отнять и право перехода, жалобы на существованіе котораго слышатся еще при Мазепѣ (въ стихотвореніяхъ Климентія). Мимоходомъ К—ій указываетъ и на въ высшей степени важное явленіе, оставляя его безъ объясненія, на поступленіе козаковъ въ *протекцію* къ сильному человѣку... Уже на подготовляемую, такимъ образомъ, почву и пали мѣры правительства, которое, по словамъ К., „рѣшенія свои по частнымъ дѣламъ, касавшимся всего края, основывало частію на постановленіяхъ Литовскаго Статута, частію на соборномъ уложеніи и новыхъ указахъ" (стр. 21). Указомъ 1763 г. переходъ былъ ограниченъ въ видахъ „предохраненія народа отъ разоренія и нищенства", указомъ 3 мая 1783 г.—окончательно воспрещенъ съ финансовыми цѣлями. Оба эти указа не касались прямо „существа юридическихъ отношеній между старшиной и посполитыми, но, не смотря на это, ими вполнѣ распространены на Малороссію великороссійскіе законы о крѣпостномъ правѣ, выраженные главнымъ образомъ въ жалованной дворянству грамотѣ 1785 г. и дополненные указами, которые содержали въ себѣ, какъ общіе законы для всей Имперіи, такъ и мѣстные" (стр. 21—22).

Таковы были выводы, къ которымъ пришелъ К—ій въ первомъ своемъ историческомъ трудѣ. Онъ далъ впервые общее описаніе процесса закрѣпощенія, нарисовалъ общими штрихами его картину, но не коснулся коренныхъ *причинъ*, и экономическихъ, и общественныхъ, создавшихъ въ Малороссіи почву для крѣпостнаго права. Въ то время, при той суммѣ данныхъ, какими онъ располагалъ, сдѣлать этого было невозможно, какъ въ силу

все еще малаго количества имѣющихся данныхъ, такъ и слабой разработки ихъ, отсутствія разысканій въ иноземныхъ архивахъ, какъ данцигскій, бреславльскій и др., да врядъ ли можно *серьезно* думать о томъ еще и теперь.

Но насколько, тѣмъ не менѣе, вѣрно были схвачены общія черты процесса, видно изъ того, что два наиболѣе полныя изслѣдованія по тому же вопросу, принадлежащія одно г. Лазаревскому, другое г. Мякотину, увеличившія, правда, и въ громадной степени сумму данныхъ, характеризующихъ процессъ закрѣпощенія, не измѣнили въ существѣ картины процесса, какъ ее пытался нарисовать К—ій. Вопросъ, поднятый К—имъ о „протекціи" остался, однако, также мало разъясненнымъ, какъ и вопросъ о правѣ собственности посполитыхъ, правѣ собственности, существованіе котораго, повидимому, отрицалось г. Лазаревскимъ въ его трудѣ о посполитыхъ и о которомъ умалчиваетъ г. Мякотинъ, не смотря на то, что, какъ извѣстно, право собственности сохранилось у малорусскихъ посполитыхъ, продолжало существовать еще и въ концѣ XVIII в. Даже болѣе: извѣстно, вѣдь, что земли, принадлежавшія посполитымъ, были вписываемы въ уставныя грамоты.

Подготовленіе къ экзамену на степень кандидата, затѣмъ магистра, работы по пріобрѣтенію званія приватъ-доцента и потомъ магистра, подготовленіе лекцій и, наконецъ, командировка съ ученою цѣлью заграницу, все это отняло на долгое время возможность для К. продолжать работу надъ изученіемъ исторіи Малороссіи и отношеній, формировавшихся въ ней. Только въ 1874 г., онъ уже во всеоружіи знаній, въ состояніи былъ возобновить изслѣдованія свои по исторіи Малороссіи и, какъ это всегда почти бываетъ съ лицами, занимающимися какимъ либо предметомъ, не входящимъ въ кругъ ихъ спеціальныхъ и постоянныхъ занятій, по чисто случайному поводу. Во время археологическаго съѣзда въ Кіевѣ въ 1874 г. ему удалось встрѣтить и затѣмъ ознакомиться съ рукописью, въ высшей степени цѣнною и важною для историка Малороссіи оказавшеюся не инымъ чѣмъ, какъ обширнымъ сводомъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи XVII и XVIII вв. Что сводъ такой существовалъ,—

было извѣстно и раньше, еще въ 1852 г. и затѣмъ вновь въ 1858 г., но и только: не только изданія его, но и какого либо изслѣдованія о немъ сдѣлано не было, и онъ по прежнему оставался въ полной неизвѣстности. Между тѣмъ уже хотя потому одному, что знакомство съ нимъ должно было пролить не малый свѣтъ на процессъ развитія крѣпостной зависимости, какъ онъ былъ обрисованъ и К., и вслѣдъ за нимъ г. Лазаревскимъ, не говоря о многомъ другомъ,—его изданіе и изслѣдованіе являлись дѣломъ первостепенной важности и значенія. Съ своею обыкновенною ревностью А. Ф. К—ій взялся за эту тяжелую и не легкую задачу, задачу *научнаго* изданія и *научнаго* объясненія кодекса, честь новаго открытія котораго принадлежитъ ему всецѣло. Четыре года неустанныхъ розысканій и постояннаго труда посвятилъ онъ этому дѣлу, и въ 1879 году выпустилъ, наконецъ, свою книгу и свое изданіе *„правъ, по которымъ судится Малороссійскій народъ“*.

Здѣсь не мѣсто касаться самого свода, его значенія и важности для исторіи Малороссіи. Что заслуга издателя въ данномъ случаѣ является весьма и весьма значительною,—не требуетъ, я думаю, и доказательствъ. Для насъ, для цѣлей настоящей замѣтки, гораздо интереснѣе обратиться къ изслѣдованію К—аго, составляющему введеніе къ изданію, введеніе, которое онъ обработывалъ съ особенной тщательностью, передѣлывалъ нѣсколько разъ, какъ о томъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ и его частныя письма [1]).

Главною и существенно-важною частью изслѣдованія является установленіе на простыхъ и безспорныхъ основаніяхъ того положенія, что магдебургское право было не номинальнымъ только, но и дѣйствующимъ правомъ, что книги этого права служили ручными книгами въ судахъ и что въ тоже время постановленія этого права терпѣли видоизмѣненія отъ

[1]) „Только сію минуту, пишетъ онъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ отъ 11 окт. 1878 г., отослалъ въ типографію первую половину моей работы. Вопреки ожиданію, работа и затянулась, и растянулась. Думалъ вмѣстить въ два, три печатныхъ листа и отпечатать ее въ одной книжкѣ Унив. Извѣст. Вышло не такъ... Начало работы, исполненное мною въ началѣ года, нынѣ вполнѣ передѣлано“...

мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній, которые нерѣдко дѣйствовали на ряду съ нимъ и замѣняли его. Эти положенія доказаны были К—мъ съ большой убѣдительностью для литовско-польскаго періода и въ полную противоположность мнѣніямъ гг. Антоновича и Владимірскаго Буданова, хотя авторъ ея все еще недостаточно удовлетворенъ былъ своей аргументаціей въ пользу положенія о роли обычнаго права. Но онъ сдѣлалъ и болѣе того. Онъ указалъ, какъ традиціонно книги магдебургскаго права перешли въ Малороссію XVII и XVIII вв., послѣ отдѣленія ея отъ Польши, и какъ пользовались имъ, не только въ магистратскихъ судахъ, но и въ полковыхъ,для которыхъ постепенно создались и спеціально приспособленныя книги уже въ переводѣ или сокращеніи. То былъ процессъ послѣдовательной рецепціи этого права, рецепціи, исторія которой впервые была изложена и освѣщена К—мъ. Громадное значеніе такой рецепціи, ея вліяніе на формированіе строя въ Малороссіи, естественно, должно было быть не менѣе значительнымъ, чѣмъ и таковая же рецепція въ Германіи XVI и посл.вѣковъ римскаго права. Поэтому уже одно указаніе на нее составляетъ важный шагъ впередъ въ дѣлѣ разъясненія пути, предстоящаго изслѣдователямъ исторіи старой Малороссіи. Если К—кій не далъ въ своемъ изслѣдованіи данныхъ для опредѣленія степени размѣровъ этого вліянія, то за-то онъ облегчилъ работу будущихъ изслѣдователей подробнымъ обзоромъ тѣхъ измѣненій и трансформацій, которымъ подверглось и магдербургское право, и литовскій статутъ, пока они не получили окончательнаго выраженія въ сводѣ, т. е. „правахъ, по которымъ судится малороссійскій народъ". Взаимное вліяніе ихъ другъ на друга, равно и вліяніе на нихъ обычнаго права указаны здѣсь впервые, а рядомъ выясненъ строй и характеръ суда и судебнаго устройства въ Малороссіи и затѣмъ отмѣчено и такое существенное сравнительно съ прошлымъ, крупное и обильное послѣдствіями для общественныхъ отношеній въ Малороссіи и ихъ развитія измѣненіе, какъ смѣшеніе и соединеніе власти судебной и административной, составлявшее особенность малороссійскаго строя XVII и XVIII в.

Если мы вспомнимъ, какъ мало извѣстны, мало или почти вовсе не изслѣдованы были всѣ эти явленія, то поймемъ, насколько важнымъ является открытіе и опубликованіе К—мъ документа, давшаго ему возможность бросить новый свѣтъ на порядки и характеръ и закона, и орудій примѣненія его въ старой Малороссіи. Можно смѣло сказать, что и здѣсь, какъ, въ вопросѣ о закрѣпощеніи, имъ подготовлена почва, на которой возможными становятся *точныя* изслѣдованія, уже съ помощью актовъ и домашнихъ сдѣлокъ, протоколовъ суда и т. п., на значеніе которыхъ указалъ К—ій. Изученіе и изслѣдованіе этихъ послѣднихъ пополнитъ все то, на что было указано К—мъ, какъ въ смыслѣ роли и вліянія обычнаго права и уклоненій жизни отъ нормъ права, такъ и въ отношеніи размѣровъ и степени вліянія рецепціи магдебургскаго права и литовскаго статута.

Весьма важною является и вся та часть изслѣдованія, которая посвящена, съ одной стороны, исторіи составленія свода, въ особенности же условіямъ и поводамъ его возникновенія, а съ другой, плачевной судьбѣ его, судьбѣ, могущей пролить не мало свѣта на исторію дѣятельности малороссійскихъ сословныхъ группъ въ эпоху наказовъ. Особенно интересно [въ этомъ отдѣлѣ изслѣдованія его замѣчаніе, которое по важности своей должно бы сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, замѣчаніе относительно вліянія переворота на степень культуры и цивилизаціи въ Малороссіи въ XVII в. и затѣмъ относительно возрожденія ихъ въ періодъ составленія свода, возрожденія, выразившагося въ появленіи „многочисленныхъ компутовъ ученыхъ и грамотныхъ чиновъ и персонъ“. Въ связи съ фактомъ рецепціи магдебургскаго права и литовскаго статута, это указаніе К—аго могло бы, будучи тщательно обосновано, выяснить многое въ судьбахъ Малороссіи XVII и XVIII вв.

Я не говорю уже о томъ, какъ и съ какимъ научнымъ аппаратомъ сдѣлано самое изданіе, являющееся, безспорно, выдающимся въ научномъ отношеніи, проведеннымъ по всѣмъ правиламъ исторической критики, критики и текста, и внутренняго его содержанія. Въ ряду изданій по мѣстной исторіи оно

занимаетъ первое мѣсто и должно бы вообще служить образцомъ для серьезныхъ научныхъ изданій документовъ.

Къ сожалѣнію, двумя этими, указанными выше, работами и ограничивается то, что сдѣлано было К—мъ въ области исторіи старой Малороссіи. Болѣзнь, сведшая его въ могилу, помѣшала окончанію задуманныхъ имъ работъ, о которыхъ онъ не разъ велъ бесѣды, работъ по исторіи цеховъ въ Малороссіи, по вопросу о состояніи, положеніи и отношеніяхъ козачества и т. п. Но и того, что онъ успѣлъ сдѣлать, болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отвести ему видное мѣсто въ ряду изслѣдователей исторіи Малороссіи и малороссійскаго строя въ XVII и XVIII вв., главнымъ образомъ какъ инициатору и возбудителю крупныхъ и серьезныхъ вопросовъ въ наукѣ.

Рядомъ съ этимъ необходимо указать и на другую заслугу К—аго, хотя уже совершенно иного рода и характера. Кто хоть однажды принимался за изученіе исторіи Малороссіи,—знаетъ, какъ скуденъ тотъ матеріалъ, который необходимъ для изученія какъ общественнаго, такъ и экономическаго строя старой Малороссіи, XVII и XVIII в., какъ и въ какомъ положеніи находится архивное дѣло, съ какимъ трудомъ удается,—да и то не всегда,—добыть или отыскать необходимыя данныя по тому или иному вопросу. То, что собрано въ архивы, нерѣдко разчленено, разорвано; одна часть документовъ оказывается въ одномъ пунктѣ, остальныя—въ трехъ или четырехъ, о сконцентрованіи матеріаловъ въ одномъ мѣстѣ, въ одномъ архивѣ, какъ то существуетъ во Франціи, гдѣ данныя одной мѣстности обязательно находятся въ мѣстномъ же архивѣ, нѣтъ и рѣчи. Значительная масса бумагъ все еще разбросана по архивамъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ эти бумаги, какъ и документы, находящіеся въ рукахъ частныхъ лицъ, нерѣдко погибаютъ безвозвратно. При такомъ положеніи дѣлъ возможность изученія даннаго или данныхъ вопросовъ зависитъ отъ возможности же для даннаго лица добыть ихъ, вѣрнѣе сказать спасти ихъ отъ гибели путемъ пріобрѣтенія ихъ и сосредоточенія въ такихъ рукахъ, которыя являются гарантіей ихъ сохраненія. Но здѣсь нужны знакомства, связи, энергія, упорство въ преслѣдованіи разъ намѣченной цѣли. А между

тѣмъ это—пока и единственный способъ сохраненія старинныхъ актовъ, и немалой является заслуга тѣхъ, кто собралъ и спасъ такимъ путемъ необходимые матеріалы для исторіи.

Постоянно интересуясь мѣстной исторіей, К—й употреблялъ энергическія усилія, чтобы спасти отъ гибели массу самыхъ иногда драгоцѣнныхъ документовъ, гибель которыхъ была бы невозвратной потерей для науки. Долгій и упорный трудъ его въ этомъ отношеніи увѣнчался значительнымъ успѣхомъ, и ему удалось составить одну изъ весьма цѣнныхъ и богатыхъ коллекцій документовъ [1]), пользованіе которыми—необходимо для научныхъ изслѣдованій. По нѣкоторымъ вопросамъ врядъ ли можно даже обойтись безъ обращенія къ этой коллекціи. Таковы, напр., не говоря уже о собраніи документовъ, относящихся до исторіи „свода“, данныя о цехахъ, начиная съ XVI в. и кончая началомъ XIX в., данныя, касающіяся цеховъ въ такихъ городахъ, какъ Кіевъ, Полтава, Черниговъ и Житоміръ. Правда, они далеко не полны, нерѣдко являются единичными (какъ по отношенію къ Житоміру или Чернигову). Тѣмъ не менѣе, въ связи съ копіями документовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи, и съ актами, хранящимися въ харьковскомъ архивѣ, уже и теперь они даютъ нѣкоторыя и весьма солидныя основанія для изслѣдованія и изученія любопытнаго и совершенно неизвѣстнаго вопроса въ исторіи экономической жизни Малороссіи, вопроса объ организаціи и роли цеховъ. Укажу, напр., на одинъ лишь изъ документовъ, принадлежащихъ къ коллекціи, собранной К—мъ, именно—на цеховой актъ 1722 г. по городу Полтавѣ. Это—вѣдомость нѣкоего Карташева о сборѣ денегъ съ цеховъ по показаніямъ цехмейстеровъ. Тутъ мы находимъ указаніе и на число всѣхъ членовъ каждаго цеха (кравецкій—60 чел., ковальскій—25, рѣзницкій—20, гончарный—13, бондарскій—10, ткацкій—28, шевскій—13 и т. д.), и на платежи ихъ, платежи, о которыхъ, какъ и вообще о податяхъ и финансовомъ строѣ того времени, мы имѣемъ болѣе чѣмъ скудныя свѣдѣнія. Такъ, цехи платили, во первыхъ, то по 2, то по 1,

[1]) Я могъ подробно ознакомиться съ этой коллекціей, благодаря любезному согласію на то А. И. Кистяковской, которой и приношу здѣсь мою благодарность.

а то и менѣе гривенъ съ двора; во вторыхъ, покупали провіантъ (отъ каждаго двора) на такое или иное количество драгунъ и лошадей, затѣмъ уплачивали на содержаніе почты, кто по 3 р., кто меньшую сумму въ годъ, на „смоленскій провіантъ" по 8 р., 7½ р. и менѣе, и только оставшіяся деньги употребляются на церковныя свѣчи и на мелкіе цеховые расходы. Не менѣе важенъ и рядъ данныхъ другихъ рукописныхъ матеріаловъ, заключающихъ въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ, относящихся до положенія козачества, до исторіи винокуренъ, пасѣкъ и т. д. (съ обозначеніемъ количества ихъ и количества казановъ и пней). Отмѣчу также и такіе документы, какъ: списки шляхетства переяславскаго повѣта съ указаніемъ числа принадлежавшихъ имъ крѣпостныхъ, рядъ купчихъ и запродажныхъ записей на крѣпостныхъ, великороссовъ и малороссовъ, которыхъ покупали-то всею семьею, то по одиночкѣ (начала XIX в.); росписи доходовъ и расходовъ по полтавскому полку 1726 г.; акты полковаго полтавскаго суда начала XVIII в.; рядъ бумагъ изъ семейныхъ архивовъ (Миклашевскихъ первой половины XVIII в., Максимовичей, Миничей и т. д.); наконецъ, отдѣльныя бумаги, въ родѣ любопытнаго мнѣнія помѣщика прилуцкаго уѣзда фонъ-Риттера: „отчего родилось вольнодумство, о послѣдствіяхъ отъ онаго и о мѣрахъ, коимъ сіе ужасное зло прекратить можно" и т. д.

II.

Обращаясь къ работамъ К—аго въ области такъ называемаго обычнаго права, мы должны прежде всего отмѣтить тѣ двоякаго рода цѣли, къ выполненію которыхъ онъ стремился, когда съ 1873—74 гг. занялся собираніемъ матеріаловъ для этого права и ихъ изученіемъ. То была чисто практическая цѣль—съ одной стороны, чисто научная—съ другой. „И прежде, но въ особенности теперь, писалъ онъ въ предисловіи къ своей „программѣ для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву" (Кіевъ 1878 г.), практическія потребности, запросы и вопросы государственнаго

суда и администраціи выдвигали и выдвигають необходимость изученія обычнаго права". Великая крестьянская реформа, по его мнѣнію, высказанному имъ тамъ-же, еще рѣшительнѣе и радикальнѣе требуетъ того же, какъ требуетъ его и начатый пересмотръ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, и цѣлый рядъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью, напр., вопросъ о чиншевикахъ" и т. д. Изученіе обычнаго права, по его словамъ, можетъ „пріучить къ бережному обращенію съ жизнью народа, которую слѣдуетъ улучшать, а не ломать, и къ исканію въ нѣдрахъ народа того прогрессивнаго начала, котораго мы иногда ходимъ искать за море". (Протоколы засѣданій юрид. общества, 16 февр. 1879 г.).

Но, съ другой стороны, онъ писалъ, что теперь признано важное значеніе обычнаго права и для теоретическихъ цѣлей науки. Во первыхъ, „многіе институты дѣйствующаго писаннаго права, чрезъ ближайшее изученіе народнаго юридическаго быта въ его вѣрованіяхъ и въ его реальной обстановкѣ, получаютъ самое лучшее объясненіе и оправданіе; во вторыхъ, нѣкоторые институты историческіе, будучи сами по себѣ темны или недостаточно ясны, могутъ быть возстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ по тѣмъ обломкамъ ихъ, которые сохранились среди народа".

Разсматривать то, что сдѣлалъ или что желалъ сдѣлать К—ій для первой изъ этихъ цѣлей, я говорить не буду: это завело бы меня далеко въ сторону, потребовало бы длинныхъ разсужденій и о „хожденіи за море", и о роли и значеніи волостныхъ судовъ, какъ органовъ обычнаго права, органовъ, по поводу которыхъ К—мъ написана была цѣлая статья [1]), и т. п., и вышло бы изъ предѣловъ и цѣлей настоящей замѣтки. Ограничиваюсь здѣсь только тѣмъ, что касается работъ К., имѣвшихъ въ виду исключительно *научныя* цѣли, какъ онъ формулировалъ ихъ въ своей программѣ.

Строго говоря, какой либо общей работы или даже и общихъ работъ по вопросамъ, выдвинутымъ К—мъ, работъ, ко-

[1]) Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и нынѣшнее ихъ положеніе, 1872 г.

торыя можно было бы поставить рядомъ съ изданнымъ имъ сводомъ и изслѣдованіемъ о немъ, К—ому, къ сожалѣнію, не удалось выполнить: болѣзнь прервала весьма рано (съ 1881 г.) начатыя имъ изслѣдованія, начатое изученіе скопившагося у него матеріала. Изъ всей серіи задуманныхъ имъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ обычнаго права, по которымъ ему удалось собрать необходимый матеріалъ, онъ напечаталъ лишь одно, за которое получилъ отъ русскаго географическаго общества серебрянную медаль. Я разумѣю его брошюру: „къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа" (СПБ. 1878 г.). Но это—работа по преимущественно и почти исключительно описательная. Она касается обычаевъ только у одного народа и написана была, по мысли автора, главнымъ образомъ для того, чтобы послужить образцомъ изслѣдованія по програмнымъ вопросамъ. За то съ этой стороны и какъ описаніе она представляетъ собою въ высокой степени цѣнный вкладъ и въ науку сравнительнаго права, и въ этнографію. Изслѣдованіе произведено по обычному у автора строго научному методу, обставлено массой фактовъ, да кромѣ того является первой попыткой затронуть ту сторону обычаевъ, которой не касались до него изслѣдователи и притомъ въ такомъ именно видѣ, какъ сдѣлалъ это А. Ф. К—ій. Осторожный въ своихъ выводахъ, зная, какъ трудно и опасно приходить къ научнымъ обобщеніямъ лишь на основаніи данныхъ изъ жизни одного народа, А. Ф. К—кій ограничился лишь возбужденіемъ общаго вопроса, вопроса крупнаго въ исторіи развитія правовыхъ нормъ и отношеній, т. е. въ той области, которую называютъ эмбріологіей права. Я разумѣю формулированный имъ темный и неразъясненный вопросъ о томъ, какимъ образомъ могъ совершиться процессъ обложенія тягчайшими карами, въ томъ числѣ и смертной казнью, преступленій противъ нравственности и какимъ образомъ, далѣе, могло развиться преслѣдованіе такихъ преступленій, какъ незаконное сожительство, прелюбодѣяніе и тому под. нарушенія нравственныхъ обязанностей. Данныя, собранныя и обслѣдованныя К—мъ, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на эти вопросы; они то и возбудили ихъ, и этоже составляетъ наиболѣе важную въ данномъ случаѣ заслугу К—аго. Исключительно только такого рода труды, какъ трудъ

К—аго, составленные и обработанные съ такимъ же тщаніемъ и внимательностью, какъ у него, могутъ и объяснить строй и обликъ народа, по поводу котораго они составлены, и лечь въ основаніе солидныхъ и научно-обставленныхъ обобщеній въ области сравнительнаго права. Что въ такого рода работахъ по разнымъ сторонамъ народной жизни чувствуется недостатокъ, что они настоятельно необходимы, незачѣмъ и говорить. Но то обстоятельство, что покойный К—кій съ усиленной энергіей заботился о составленіи этихъ работъ, вызывалъ ихъ, достаточно свидѣтельствуетъ о значеніи его дѣятельности въ этой сферѣ.

Но если, такимъ образомъ, намъ приходится ограничиться указаніемъ лишь на единственный въ разсматриваемой области трудъ К—аго, то это не значитъ, чтобы этимъ однимъ исчерпывалось значеніе того, что сдѣлано имъ здѣсь. Въ работахъ такого рода, какія задуманы были К—мъ, въ работахъ по собиранію данныхъ *переживанія* учрежденій, вѣрованій, обычаевъ и т. п. у извѣстнаго народа или извѣстныхъ народовъ, въ изслѣдованіяхъ, которыя должны опираться на нихъ, громадное значеніе имѣетъ и то, какъ и въ какой формѣ, подъ руководствомъ какого принципа, совершаются они, и то, какого рода собранъ матеріалъ, въ какомъ размѣрѣ и объемѣ.

Уже въ одной изъ самыхъ раннихъ работъ К—аго, въ изслѣдованіи „о смертной казни", написанной имъ еще въ 1877 г. и, по справедливости, считающейся однимъ изъ выдающихся произведеній по этому вопросу, сознаніе необходимости при изученіи вопросовъ права слѣдовать новымъ научнымъ методамъ сказалось особенно ярко и рельефно. „Нѣтъ ничего безплоднѣе и въ научномъ отношеніи неумѣстнѣе, какъ отвлеченное—схоластическое, помимо *исторіи* и *дѣйствительной жизни* народовъ, рѣшеніе вопроса... Подобный способъ не можетъ повесть ни къ какимъ научнымъ результатамъ; онъ порождаетъ только безполезныя словопренія и игру въ слова"... Данный „вопросъ можно, продолжаетъ К—й, рѣшить только тогда, когда мы признаемъ верховнымъ судьею и рѣшителемъ совершившійся и совершающійся фактъ или, что одно и тоже,—прошедшую и

настоящую жизнь человѣчества, словомъ, если мы подчинимъ наши личные взгляды нелживому авторитету дѣйствительности". И это потому, что „человѣчество не есть организмъ неподвижный, неизмѣнно остающійся въ одномъ и томъ же положеніи, но вѣчно живой, развивающійся... Одно изъ видоизмѣненій его состоитъ въ исчезаніи однихъ потребностей и учрежденій и въ нарожденіи другихъ. Но такъ какъ и исчезаніе, и нарожденіе совершается по извѣстнымъ, неизмѣннымъ законамъ, то, очевидно, что въ одно и тоже время, объ руку съ старою потребностью и старымъ учрежденіемъ, могутъ возникнуть и существовать новыя, что по мѣрѣ разложенія однихъ происходитъ развитіе и усиленіе другихъ, и что, наконецъ, можетъ настать время, когда новая потребность и новое учрежденіе доростутъ до полнаго вытѣсненія старыхъ. Какъ одновременно существуютъ старыя и новыя потребности и учрежденія, такъ же точно одновременно уживаются философскія воззрѣнія. Окончательная побѣда новаго можетъ закрѣпиться только событіемъ" (Изслѣдованіе о смертной казни, Кіевъ 1864, 276—7).

То, что высказано было здѣсь А. Ф. К—мъ, не было чѣмъ либо оригинальнымъ, новымъ: то было резюме общаго развитія европейской науки, выводами которыхъ онъ вполнѣ проникся и съумѣлъ блестяще примѣнить въ своей работѣ о смертной казни, главнымъ образомъ основанной на сравнительно историческомъ методѣ и изученіи народной жизни, начиная съ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія. То былъ опытъ,—не всегда можетъ быть, выдерживающій критику,—примѣненія къ данному вопросу новыхъ методологическихъ началъ, высказывавшихся еще въ XVIII в., но лишь съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія начавшихъ получать все большее и большее развитіе и значеніе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ у К—аго требованія примѣненія его, этого метода, становились все болѣе и болѣе опредѣленными. Успѣхи, сдѣланные въ европейской наукѣ въ смыслѣ примѣненія этихъ требованій, созданіе науки сравнительнаго права, науки, получившей права полнаго гражданства и въ наукѣ, и въ университетахъ З. Европы, не оставались, разумѣется, безъ сильнаго вліянія на А. Ф. К—аго.

Въ статьѣ о цензурѣ нравовъ, какъ и въ предисловіи къ изданной имъ въ 1878 г. программѣ собиранія свѣдѣній по уголовному праву, равно и въ рукописныхъ замѣткахъ, сохранившихся послѣ его смерти, онъ не перестаетъ усиленно настаивать на необходимости примѣненія этихъ новыхъ пріемовъ къ изученію народной жизни. „Пока правовѣдѣніе будетъ только практической наукой,—римское и церковное право, говоритъ К—ій въ вопросѣ о цензурѣ нравовъ (стр. 11), будутъ оставаться альфой и омегой всѣхъ юридическихъ изслѣдованій. Но съ того момента какъ оно поставитъ себѣ другія задачи, оно должно признать величайшую важность изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ, не входившихъ и не вошедшихъ въ кодексы. Тогда то обратимся мы къ народнымъ вѣрованіямъ и легендамъ, къ народной пѣснѣ и сказкѣ, къ существовавшимъ прежде и уцѣлѣвшимъ донынѣ обрядамъ, какъ къ обильному источнику для черпанія и изученія матеріаловъ по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Тогда появятся ученые, которые станутъ изслѣдовать происхожденіе извѣстнаго юридическаго института въ его настоящемъ источникѣ, въ первобытныхъ народныхъ вѣрованіяхъ, станутъ стремиться къ открытію первобытнаго пути, по которому шло развитіе его, начнутъ *изыскивать ближайшее сходство юридическихъ вѣрованій, обычаевъ и обрядовъ у разныхъ народовъ*". Еще рѣзче и рельефнѣе высказано имъ тоже и въ одной рукописной замѣткѣ, найденной мною въ связкѣ матеріаловъ, собранныхъ имъ по обычному праву. „Незнакомство криминалистовъ съ обычнымъ правомъ первобытныхъ народовъ, съ обычнымъ правомъ раннихъ періодовъ въ развитіи человѣчества, причина тѣхъ ошибокъ, тѣхъ нелѣпостей, въ которыя впадаютъ они. Объясненія ихъ часто бываютъ или смѣшны, или фантастичны. Наука ихъ оказывается безпомощной. Образцы этого представляетъ Бернеръ. Слѣдуетъ только обратить вниманіе на его объясненіе, почему у римлянъ furtum manifestum по XII таблицамъ наказывалось рабствомъ или смертной казнью, а furtum non manifestum—взысканіемъ двойной стоимости украденной вещи. Объясненіе смѣшное! Страннымъ кажется читать у Бернера слѣд. выраженіе: „съ уничтоженіемъ уголовныхъ на-

казаній, которыя налагались въ законахъ XII таблицъ за furtum manifestum, furtum сдѣлалось у римлянъ простымъ частнымъ преступленіемъ". Это—нелѣпо. Не могло воровство, сдѣлавшись общественнымъ преступленіемъ, какимъ оно, по Бернеру, является въ XII таблицахъ, превратиться потомъ въ простое частное преступленіе. Дѣло въ томъ, что римское право, въ дошедшихъ до насъ источникахъ, представляетъ смѣсь законовъ различныхъ эпохъ. Ученые, въ родѣ Бернера, незнакомые съ правомъ первобытныхъ эпохъ, смѣшиваютъ законы разныхъ формацій. Отъ подобныхъ ошибокъ можетъ спасти изученіи обычнаго права".

Вотъ почему онъ такъ настаивалъ на изученіи этого обычнаго права, такъ много и усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы двинуть впередъ знакомство съ нимъ. Исходя изъ того принципа, что лишь путемъ сравнительнаго изученія выясняются явленія и прошлой, и настоящей жизни, что только съ помощью его мыслимо открытіе общихъ законовъ, по которымъ развивается жизнь народовъ, онъ видѣлъ между прочимъ особенную важность изученія обычнаго права у насъ, въ Россіи. „Можетъ быть, ни одинъ изыскатель обычнаго права, писалъ онъ въ своей программѣ, не поставленъ такъ благопріятно, какъ русскій изыскатель. Въ составъ Имперіи входятъ многочисленные національности, племена и народы, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры". На Кавказѣ онъ можетъ еще и теперь „наблюдать систему уголовнаго права, главнымъ основаніемъ котораго служитъ кровавая месть, а на восточныхъ окраинахъ, у киргизовъ, калмыковъ и др. народовъ, въ высшей степени правильно организованную систему композицій или платы за убійство и другія преступленія". И онъ прибавляетъ: „болѣе внимательное изученіе быта русскаго народа и быта инородцевъ едва ли оставитъ возможность продолжать защиту тѣхъ узкихъ и одностороннихъ системъ, которыя въ родовомъ и общинномъ бытѣ хотѣли видѣть исключительную принадлежность только русскаго народа. Не подлежитъ сомнѣнію, что старыя одностороннія системы родоваго и общиннаго быта должны потерять прежнее исключительное значеніе и прежнюю односторонность, но, съ другой стороны, изслѣдованіе сохранившагося до сихъ

поръ родового быта инородцевъ и общиннаго быта какъ нѣкоторыхъ русскихъ племенъ, такъ и инородцевъ, должно дать богатые результаты для теоретическаго разъясненія той и другой системы" (програма 1878 г., стр. 16—17).

Таковы были принципы, которые К—кій стремился примѣнить къ задуманной имъ работѣ по обычному праву, главнымъ образомъ уголовному, работѣ, въ основу которой должны были лечь преимущественно мѣстные матеріалы, но обработанные съ помощью сравнительнаго метода. Что они не новы—дѣло извѣстное, но далеко и далеко не мѣшаетъ повторять ихъ, настаивать на нихъ, разъ дѣло идетъ о научной разработкѣ явленій переживанія тѣхъ или иныхъ институтовъ, обычаевъ, вѣрованій и т. п. у того или иного народа. Они же, тѣже принципы, положены К—мъ и въ основаніе его „программы для собиранія и изученія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву", главнымъ образомъ той, которую въ переработанномъ и значительно расширенномъ видѣ онъ напечаталъ въ 1878 г. [1]).

Програма не была первымъ лишь опытомъ, и не А. Ф. К—ому принадлежала инициатива въ этомъ дѣлѣ. „Мысль объ особенной важности, пользѣ и необходимости собиранія и изученія матеріаловъ по обычному праву и систематическихъ трудовъ по этой части, писалъ самъ онъ,—окончательно созрѣли въ умѣ умственно работающаго класса... въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ это время изданъ былъ рядъ программъ для собиранія и изученія матеріаловъ по обычному праву". И затѣмъ онъ прибавляетъ: „въ началѣ 60-хъ годовъ, во время движенія умовъ въ Кіевѣ, обнаружилось пламенное стремленіе къ изученію народа. Товарищъ старался возбудить въ товарищѣ охоту къ записыванію пѣсенъ, бытовыхъ особенностей народа; то была научная сторона народолюбія, если такъ можно выразиться. Тогда-же получила свое начало дѣятельность по части изученія обычнаго права нѣкоторыхъ лицъ, которыя съ тѣхъ поръ

[1]) Первая, краткая, программа была напечатана К—мъ въ 1874 г., но она не удовлетворила и его самого, да и была через-чуръ краткой, сжатой и неполной.

не переставали идти въ одномъ научномъ направленіи и успѣли обнародовать свои работы". Тогда же, еще въ 1872 г., въ Кіевѣ, въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ была опубликована первая программа собиранія свѣдѣній по обычному праву, главнымъ образомъ гражданскому. За ней быстро послѣдовалъ рядъ другихъ, какъ напр., Муллова (1872), архангельская (1874 г.), этнографическаго отдѣла географическаго общества и т. д.

То были первые опыты и, какъ таковые, далеко не могли отвѣчать все болѣе и болѣе сознаваемымъ потребностямъ научнаго характера въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ. Далеко не всѣ стороны явленій народной жизни были включены въ программы. Гражданское право, общественный строй—вотъ то, что составляло содержаніе большей ихъ части. Такая крупная и важная сторона жизни, какъ правонарушенія, преступленія и т. п., т. е. область уголовнаго права, была почти опущена, ибо лишь въ одной программѣ географическаго общества ее затронули, но въ самомъ общемъ, неопредѣленномъ еще видѣ (отведено было 15 вопросовъ)[1]).

Существованіе крупныхъ пробѣловъ программы сознавалось и чувствовалось. Вопросъ былъ поднятъ еще въ 1875 г. на съѣздѣ русскихъ юристовъ Калачовымъ, и тогда же составлена была коммиссія по изученію обычнаго права, которая и приступила къ составленію новыхъ и болѣе исчерпывающихъ программъ программъ, касавшихся всѣхъ сторонъ обычнаго права. Но еще раньше чѣмъ началась эта работа коммиссіи, К—ій выпустилъ и свою первую программу, въ 1874 г., и затѣмъ успѣлъ до появленія программъ коммиссій обработать и второе изданіе ея, въ 1878 году. Ему, такимъ образомъ, принадлежитъ безспорная честь изданія первой въ Россіи серьезной и научной программы въ области уголовнаго права, программы, остающейся и теперь лучшей изъ программъ этого рода, такъ какъ двѣ программы, одна—Майнова 1875, другая, составленная г. Фойницкимъ, 1878 г.—представляютъ обѣ лишь сколокъ

---

[1]) Программа П. А. Матвѣева, вышедшая въ 1872 г., была лишь передѣлкой для одного только края, Самарскаго, программы географическаго общества.

съ програмы К—аго, 1874 г., и обѣ далеко не отличаются ни полнотой, ни обстоятельностью, ни объемомъ даже программы 1878 г. К—аго. Отмѣтимъ, какъ главное достоинство этой программы, правда, совмѣщавшей въ себѣ и указанныя выше практическую и научную цѣли, то обстоятельство, что К—ій настаиваетъ на необходимости не ограничиваться одними рѣшеніями волостныхъ судовъ. Рѣшенія эти,—замѣчаетъ онъ вполнѣ справедливо,—не дадутъ, да и не могутъ дать отвѣтовъ и на сотую долю программы. И потому то съ особенной энергіей настаиваетъ онъ на необходимости изучать и записывать народныя вѣрованія, легенды, пѣсни, сказки и т. п., такъ какъ въ нихъ то по преимуществу и особенно рельефно проявляются черты исчезающаго архаическаго строя, *переживаній* ранняго времени. Укажемъ и на другую черту программы,—на ясно и опредѣленно поставленный и указанный имъ методъ изученія и собиранія данныхъ по обычному праву. „Собиратель матеріаловъ и свѣдѣній по обычному праву... долженъ, по его словамъ, относиться съ полнымъ вниманіемъ къ тому, что услышитъ и узнаетъ. Относясь критически или даже съ порицаніемъ онъ можетъ оставить безъ вниманія какую нибудь драгоцѣнную особенность, которая, будучи въ сущности величайшей важности чертою народнаго быта, можетъ ему показаться безуміемъ или соблазномъ. Наблюдатель народнаго юридическаго быта долженъ относиться такъ-же къ объекту своего наблюденія, какъ относится къ нему естествоиспытатель, для котораго все въ мірѣ достойно изученія, вниманія и уваженія, который съ полнымъ безпристрастіемъ наблюдаетъ явленія природы, будучи убѣжденъ въ томъ, что все въ мірѣ, и самое повидимому уродливое, имѣетъ свою достаточную, если и неразумную, причину" (программа, 20).

Первый шагъ былъ сдѣланъ съ изданіемъ программы,—вторымъ—являлось уже самое собираніе матеріаловъ, т. е. отвѣтовъ на пункты програмиы. Здѣсь все зависѣло уже не только отъ инициатора дѣла, но и отъ собирателей, работниковъ въ области обычнаго права, разбросанныхъ въ разныхъ уголкахъ.

Первое время приливъ и поступленіе матеріаловъ шло туго. Въ предисловіи ко второй своей программѣ К—ій самъ указалъ на этотъ фактъ, находящій полное подтвержденіе въ оставленныхъ имъ связкахъ рукописей по обычному праву. „Мы получили слѣдующій отвѣтъ на нашу первую программу: *самоубійство* считается дѣйствіемъ кары уголовной достойнымъ; оно совершается большею частью людьми нездравомыслящими... И таковы отвѣты на всѣ вопросы. Само собою разумѣется, что подобные отвѣты не имѣютъ никакого научнаго значенія“. Поневолѣ приходилось ему уничтожать ихъ, и только съ 1877 г. онъ сталъ получать болѣе или менѣе тщательно и обстоятельно составленные отвѣты, но они поступали медленно, и далеко не въ полномъ видѣ оказываются собранными К—мъ. Лишь по весьма немногимъ вопросамъ К—му удалось сгруппировать нѣкоторыя, да и то далеко не полныя данныя.

Нѣсколько словъ объ этихъ собранныхъ имъ матеріалахъ. Всѣ они въ томъ видѣ, какъ они сохранились, заключаются въ семи связкахъ, изъ которыхъ только три представляютъ сведенный и классифицированный матеріалъ. Разматривая эти связки, можно легко замѣтить, что собранныя свѣдѣнія были двоякаго рода. Одни собирались самымъ К—мъ. Это—масса вырѣзокъ изъ замѣтокъ, извѣстій, статей, корреспонденцій и т. д. (главнымъ образомъ по югу Россіи), рядъ записанныхъ имъ свѣдѣній по обычному уголовному праву, значительное количество выписокъ изъ книгъ, касающихся обычнаго права. Эти послѣднія касаются почти исключительно Россіи; данныхъ по иноземному обычному праву встрѣчается мало. Не то, чтобы эта сторона дѣла была оставлена безъ вниманія: мнѣ лично извѣстно, что покойный К—й съ большимъ стараніемъ слѣдилъ за литературой по обычному праву и въ особенности по сравнительному праву и эмбріологіи первобытныхъ обществъ. Но онъ поставилъ своей главной задачей на первое время собрать и тщательно сгруппировать возможно большую сумму данныхъ для обычнаго уголовнаго права преимущественно на югѣ Россіи, также какъ и въ остальныхъ частяхъ ея, и ждалъ для достиженія этой цѣли и обработки мѣстнаго матеріала данныхъ отъ собирателей.

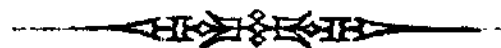
Матеріалъ другого рода составленъ изъ присланныхъ разными лицами сообщеній, относящихся къ различнымъ вопросамъ програмы. Въ связкахъ, сформированныхъ Кистяковскимъ, имѣется рядъ сообщеній по обычному праву, какъ уголовному, такъ и гражданскому, главнымъ же образомъ по вопросамъ о конокрадствѣ, могоричахъ, могоричникахъ и рукобитьи, о клятвѣ, присягѣ, лжеприсягѣ и лжесвидѣтельствѣ, объ позорящихъ наказаніяхъ, какъ-то: вожденіи по селу, обрѣзываніи волосъ, обмазываніи дегтемъ, о суевѣрныхъ обрядахъ при совершеніи воровства, о ворожбѣ при открытіи вора, о молебнахъ, чтобы накликать бѣду на что нибудь, объ обрядахъ заговариванія, о наказаніяхъ за нарушеніе праздниковъ, о разрушеніяхъ дома и уничтоженіи собственности преступника и т. п., также какъ и о кровавой мести и мщеніи, объ убійствѣ дикихъ птицъ или оскорбленіи фетиша, какъ преступленіи, о выкидываніи стариковъ и дѣтей, и т. д.

Просматривая эти сообщенія, ясно видно, что К—ому удалось сдѣлать лишь первые шаги въ дѣлѣ собиранія, что нерѣдко собранное въ высшей степени цѣнно, но что дѣло осталось далеко незаконченнымъ, что далеко, напр., не для всѣхъ районовъ юга получилъ онъ необходимыя свѣдѣнія и сообщенія. Болѣе всего сообщеній было дано по Черниговской губерніи, главнымъ образомъ по Сосницкому у., отчасти по Остерскому и Кролевецкому, по Кіевской—изъ Каневскаго, по Подольской—изъ Брацлавскаго. Затѣмъ, болѣе или менѣе отрывочныя изъ Воронежской губ., Черноморья и т. д., не говоря о центральной и восточной Россіи, для которой имѣется болѣе всего сообщеній, по Самарской и Саратовской губерній. Наконецъ, сюда же могутъ быть причислены и матеріалы, присланные изъ Сибири отъ Кострова (о колдовствѣ, о присягѣ и лжеприсягѣ въ Томской губерніи, о юридическихъ обычаяхъ бурятъ и т. п.

Работа была, такимъ образомъ, начата, но, къ сожалѣнію, не закончена. Но заслуга К—аго все-же не малая: имъ дана была инціатива, имъ возбужденъ рядъ крупныхъ вопросовъ, онъ старался вызвать дѣятельность на пользу болѣе глубокаго изу-

ченія обычнаго права, пытался создать и спеціальное отдѣленіе для разработки обычнаго права. Не его вина, что начатое имъ дѣло пріостановилось. А между тѣмъ дѣло это, несомнѣнно, въ научномъ отношеніи являлось и является дѣломъ первостепенной важности. Народная жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, съ каждымъ десятилѣтіемъ она измѣняется; старое право и обычаи, старыя воззрѣнія, обряды, мнѣнія и т. д., все это исчезаетъ, вытѣсняется зарождающимися новыми. Все болѣе и болѣе утрачивается возможность наблюдать и изучать обломки стараго, остатки или переживанія прежняго. Въ Европѣ изученіе этихъ переживаній, записываніе и изученіе ихъ дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все большіе и большіе успѣхи. Организованы общества для изслѣдованія этихъ переживаній, издаются спеціальные журналы, печатаются статьи и изслѣдованія. Собранный матеріалъ создалъ цѣлые новые отдѣлы знанія: сравнительное право, исторію первобытной культуры, общественную эмбріологію и т. д. Серьезное научное значеніе данныхъ переживаній вошло тамъ въ общее сознаніе, не возбуждаетъ ни вопросовъ, ни сомнѣній. К—имъ сознана была необходимость этого и у насъ, въ особенности по отношенію къ Югу Россіи, менѣе всего изученному въ отношеніи обычнаго права, и нынѣшнему времени предстоитъ необходимо работа продолженія уже начатаго и К—имъ, и до него *научнаго* дѣла собиранія и изученія явленій переживанія.

И. Лучицкій.



А. Ф. КИСТЯКОВСКІЙ КАКЪ КРИМИНАЛИСТЪ.

И на чредѣ своей не забывалъ онъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

Обширный и отзывчивый умъ создаетъ себѣ широкую сферу дѣятельности. Таковъ былъ умъ славнаго покойника, такова была и его дѣятельность. Онъ оставилъ глубокіе слѣды, какъ юристъ, публицистъ и общественный дѣятель, его имя принадлежитъ исторіи нашихъ юридическихъ обществъ, нашихъ учрежденій для несовершеннолѣтнихъ, нашего правового образованія вообще, нашей періодической печати, и весьма почтенное мѣсто занимаетъ оно тоже въ исторіи умственнаго развитія Украины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, по дѣятельности своей А. Ф. былъ криминалистъ.—Онъ занималъ каѳедру уголовнаго права въ Кіевскомъ Университетѣ съ сентября 1864 г. и вплоть до своей смерти, сперва въ званіи приватъ-доцента, затѣмъ—доцента, экстраординарнаго и ординарнаго профессора, значитъ—свыше 20 лѣтъ. Еще раньше онъ началъ помѣщать въ печати свои работы по уголовному праву и процессу, и огромная часть многочисленныхъ сочиненій А. Ф. посвящена именно этой области. Какое же положеніе занялъ онъ здѣсь, подъ какимъ знаменемъ онъ сталъ, чему и какъ служилъ онъ въ этой главной сферѣ своей дѣятельности?

Поставленными вопросами займется настоящій очеркъ, оставляя другимъ, болѣе въ томъ компетентнымъ, прочія сферы обширной дѣятельности Александра Федоровича.

I.

Научная разработка уголовнаго права распадается на экзегетическую, догматическую и историческую, причемъ въ разработкѣ догматической различаются направленія метафизическое, практически-позитивное и научно-позитивное. Экзегетическая разработка состоитъ въ истолкованіи даннаго законодательства на основаніи наличнаго его содержанія въ опредѣленную эпоху. Историческая разработка имѣетъ задачею изученіе возникновенія и развитія права, его прошлую жизнь. Наконецъ, догматическая разработка стремится къ отысканію и установленію положеній или догмъ, характеризующихъ существо изучаемыхъ правовыхъ институтовъ по данному положительному праву. Если такія положенія отыскиваются исходя изъ отвлеченныхъ и непровѣреныхъ опытомъ идей, то получается направленіе метафизическое. Если въ основаніе ихъ принимается положительное законодательство данной страны, то говорятъ (Биндингъ) о направленіи позитивно-догматическомъ или практически-позитивномъ, весьма близкомъ къ разработкѣ экзегетической. Наконецъ, направленіе научно-позитивное стремится къ уразумѣнію правовыхъ институтовъ и конструкціи ихъ путемъ выясненія ихъ дѣйствительной природы по даннымъ не только положительнаго законодательства, при томъ какого либо одного законодательства, но также исторіи и всего иного матеріала, доступнаго наукѣ.

Въ своей литературной дѣятельности А. Ф. Кистяковскій неоднократно проявлялъ себя хорошимъ толкователемъ дѣйствующаго законодательства. Въ ряду его произведеній мы встрѣчаемъ статьи „о порядкѣ и характерѣ производства дѣлъ по извѣту о фальшивости духовнаго завѣщанія“ (Ж. М. Ю. 1867 № 9), „о подсудности по закону 11 октября 1865, „о преступленіи недозволенное оставленіе отечества“ (Суд. В. 1875 № 230), „къ вопросу о способѣ опредѣленія личности свидѣтеля и отношеніи его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ“ (тамъ же, № 23), „о наказуемости изъявленія умысла по русскому праву“ (тамъ же, 1876), „разработка вопросовъ о пред-

рѣшеніяхъ гражданскимъ судомъ вопросовъ гражданскаго права возникающихъ при производствѣ университетскаго суда" (Кіев. Унив. Изв. 1877 № 12); и въ его капитальныхъ научныхъ произведеніяхъ, каковы „Элементарный учебникъ", „о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда", всему этому отводится не мало мѣста. Обладая значительными діалектическими способностями, А. Ф. Кистяковскій примѣнялъ ихъ и въ своей практической адвокатской дѣятельности, причемъ ему приходилось неоднократно касаться толкованія дѣйствующаго законодательства. Безспорно, такимъ образомъ, что онъ не разъ проявлялъ себя въ направленіи экзегетическомъ и отнюдь не чуждался его.

Но онъ далеко не ограничивался экзегезою и даже, прибѣгая къ ней, руководился правиломъ: scire leges non est verba earum tenere, sed etiam vim ac potestatem. Для уразумѣнія этихъ vis ac potestas законовъ толкуемыхъ, не оставаясь въ предѣлахъ ихъ грамматическаго изложенія, онъ обращается къ исторіи ихъ и сопоставленію съ другими законодательными системами. Это уже пріемы анализа догматическаго.

II.

Въ гораздо большей мѣрѣ А. Ф. Кистяковскій можетъ быть признанъ представителемъ направленія историческаго въ наукѣ уголовнаго права. Его докторская диссертація „о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоненія отъ слѣдствія и суда" содержитъ въ себѣ изложеніе полной исторіи русскаго уголовнаго процесса, которое по достоинствамъ своимъ стоитъ выше всего появившагося донынѣ въ русской литературѣ. Историческому моменту онъ удѣлялъ обширное мѣсто во многихъ своихъ другихъ работахъ, и не говоря уже о его капитальномъ трудѣ „изслѣдованіе о смертной казни", всецѣло построенномъ на опытныхъ указаніяхъ исторіи, авторъ отводитъ выдающееся мѣсто историческому моменту въ своемъ „Элементарномъ учебникѣ общаго уголовнаго права". Обращая вниманіе читателей на предлагаемое имъ изложеніе исторіи науки уголовнаго права, авторъ въ предисловіи ко 2 изданію его замѣчаетъ:

„спеціалисты знаютъ, какъ мало разработанъ этотъ вопросъ даже въ иностранной научной литературѣ. Авторъ учебника считаетъ этотъ вопросъ однимъ изъ тѣхъ *кардинальныхъ* предметовъ науки, знакомство съ которымъ способно дать точку устоя при изученіи науки уголовнаго права".

И тѣмъ не менѣе, однако, не смотря на то огромное значеніе, которое А. Ф. Кистяковскій отводилъ историческому моменту въ наукѣ уголовнаго права, онъ не принадлежитъ историческому направленію: имя, имъ оставленное, не есть имя историка права. Такое имя принадлежитъ изслѣдователямъ временъ прошедшихъ, занимавшихся ими исключительно для опредѣленія правоваго строя прошлой правовой жизни. Прошлому всецѣло принадлежатъ ихъ труды и ихъ идеи. А. Ф. Кистяковскій не былъ историкомъ права, потому уже, что онъ занимался прошедшимъ не для прошедшаго; послѣднее интересовало его не само по себѣ, а только какъ ступень для уразумѣнія настоящаго. Взоръ его направленъ на настоящее и только для выясненія его обращается къ прошедшему, притомъ далеко не исключительно. Факты исторіи имѣютъ для него значеніе только показателя взглядовъ народа на изслѣдуемый институтъ и измѣненія ихъ. Въ предисловіи къ своей магистерской диссертаціи о смертной казни,—сочиненіе, которое по высокимъ достоинствамъ своимъ стоитъ безспорно во главѣ всѣхъ остальныхъ работъ А. Ф. Кистяковскаго,—онъ говоритъ: „на вопросъ, который каждому спеціалисту не разъ приходится слышать—каково ваше мнѣніе о смертной казни, считаете вы ее наказаніемъ справедливымъ или нѣтъ,—я отвѣчаю: спрашивайте не меня, мнѣніе котораго, какъ всякое одиночное мнѣніе, не можетъ имѣть силы и значенія, а выслушайте болѣе полновѣсное и имѣющее болѣе правъ на вниманіе мнѣніе народовъ". Весь этотъ трудъ направленъ къ выясненію, путемъ данныхъ исторіи, современнаго состоянія изслѣдуемаго вопроса. Но и на этомъ авторъ не останавливается. Какъ видно уже изъ приведенной выдержки, историческій матеріалъ служитъ для него основою не только для выясненія настоящаго, но и для отвѣта о будущемъ; изъ него онъ дѣлаетъ заключеніе не только о томъ, что есть, но и что должно быть; въ немъ онъ ищетъ, въ частности, рѣшенія о *справедливости или несправед-*

ливости изслѣдуемаго института. То же заключеніе получается изъ знакомства съ другими трудами А. Ф. Кистяковскаго. Высоко ставя исторію права, онъ служитъ ей не самой по себѣ, а какъ могучему вспомогательному средству изслѣдованія догматическаго. Она нужна ему для уразумѣнія истинной природы изслѣдуемаго института въ видахъ выясненія современнаго его состоянія и опредѣленія вѣроятныхъ судебъ его въ будущемъ. „Такъ какъ субстанція уголовнаго права есть общественнаго свойства—говоритъ А. Ф. Кистяковскій во 2 изд. своего Учебника (§ 7)—и такъ какъ общественность человѣческая видоизмѣняется по извѣстнымъ неизмѣннымъ законамъ, то и уголовное право, какъ одно изъ проявленій общественности, съ одной стороны бываетъ запечатлѣно характеромъ общественности, его породившей, съ другой вмѣстѣ съ нею подвержено измѣняемости, совершающейся по неизмѣннымъ законамъ“. Исторія права для автора и есть матеріалъ, содѣйствующій выясненію такихъ законовъ, называемыхъ имъ законами постоянства и движенія и опредѣленію вліянія общественности на состояніе и измѣненіе права. Посвящая себя ей, онъ имѣлъ всегда предъ собою главною задачею выясненіе юридической сущности изслѣдуемаго института и общественныхъ условій, его опредѣлявшихъ. Это задача догматическаго свойства.

Нельзя при этомъ не отмѣтить отношенія А. Ф. Кистяковскаго къ смѣнѣ историческихъ явленій. Много разъ и съ настойчивымъ подчеркиваніемъ онъ высказываетъ положеніе, по которому эта смѣна совершается не безформенно и произвольно, а въ высшей степени правильно, постепенно, или, какъ выражается А. Ф., по неизмѣннымъ законамъ. Кромѣ приведенной выдержки изъ § 7 его учебника, въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на §§ 22—39 того-же сочиненія; современное уголовное право Европы, говоритъ онъ, „есть неоконченная работа многихъ вѣковъ и множества поколѣній“ (§ 22); „процессъ его развитія и видоизмѣненій есть процессъ органическій, т. е. совершающійся по неизмѣннымъ законамъ, присущимъ природѣ обществъ человѣческихъ“ (§ 23); „въ процессѣ развитія и видоизмѣненія уголовнаго права нѣтъ ничего произвольнаго,

нѣтъ скачковъ, внезапностей и неожиданностей; все въ немъ подчинено общему, свойственнему всей природѣ, закону постепеннаго развитія, по которому одна формація явленій рождается изъ другой, по которому ближайшее послѣдующее мало чѣмъ отличается отъ послѣдняго предъидущаго, но гдѣ двѣ крайнія формаціи, не утрачивая ихъ родоваго свойства, коренным образомъ между собою различаются" (§ 24). Въ развитіи уголовнаго права онъ указываетъ три постепенно другъ друга смѣняющіе уклады или формаціи: а) укладъ или формація частной мести, б) общественнаго устрашенія и в) общественнаго исправленія и предупрежденія (§ 25), при чемъ указываетъ характеристическія черты каждой изъ этихъ формацій, замѣчаетъ, что послѣдняя изъ нихъ „въ настоящее время находится только въ періодѣ своего развитія, а не полнаго осуществленія, вслѣдствіе чего третій укладъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ вполнѣ сложившійся" (§ 34), что „нынѣ дѣйствующее уголовное право хотя представляетъ начало третьей формаціи, въ сущности есть переходнаго свойства" (§ 36), и прибавляетъ: „обозрѣвая весь ходъ развитія и видоизмѣненій науки уголовнаго права, легко замѣтить, что оно является до высокой степени дѣломъ человѣка данной эпохи, нося на себѣ печать характера и качествъ этого человѣка и общественной среды, въ которой онъ живетъ", и что „дѣло науки уголовнаго права, какъ науки установившихся формъ общежитія, какъ фактора, который обладаетъ только творческою силою для пониманія и для разработки существующихъ формъ, а не для созданія новыхъ, состоитъ въ томъ, чтобы указать на зачатки новыхъ идей" (§§ 38, 39).

Приведенныя выдержки, подтверждая высказанное нами, что для А. Ф. Кистяковскаго историческое изслѣдованіе имѣло лишь характеръ служебный, на сколько оно было нужно для разрѣшенія главной задачи, имъ преслѣдуемой и по существу своему догматической, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ, что по вопросу объ исторической смѣнѣ правовыхъ явленій А. Ф. исходилъ изъ убѣжденія въ постоянствѣ ея, въ опредѣленіи ея извѣстными твердыми законами объективнаго свойства, въ постепенности развитія однихъ формъ правовой жизни изъ другихъ,

имъ предшествовавшихъ. Это—*доктрина эволюціонизма*, однимъ изъ самыхъ раннихъ представителей которой у насъ и былъ Кистяковскій.

III.

Какъ бы то ни было, А. Ф. Кистяковскій въ наукѣ уголовнаго права всецѣло служитъ разработкѣ догматической. Главная задача, которую онъ себѣ ставилъ, состояла въ выясненіи природы существующихъ правовыхъ институтовъ, и если его взглядъ останавливался на прошедшемъ ихъ или стремился проникнуть въ ихъ будущее, то лишь въ предѣлахъ, на сколько это представлялось нужнымъ и возможнымъ для уразумѣнія существующаго.

Но какъ понималъ онъ это существующее и какими путями стремился къ уразумѣнію его?

Уже изъ предыдущаго уложенія съ полною очевидностью вытекаетъ, что А. Ф. не былъ и не могъ быть догматикомъ направленія метафизическаго. Это не былъ человѣкъ съ готовыми мнѣніями на всѣ вопросы. Къ отвѣту на послѣдніе онъ приходилъ лишь послѣ старательной надъ ними работы и, уважая объективное къ нимъ отношеніе, можетъ быть даже свыше должной мѣры, онъ крайне отрицательно относился къ субъективному ихъ разрѣшенію, основанному на однихъ лишь отвлеченныхъ, эмпирически недоказанныхъ положеніяхъ и на діалектическихъ надъ ними операціяхъ. Припомнимъ, какъ рѣшительно отклоняетъ онъ отъ себя, въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни, вопросъ о справедливости или несправедливости этого наказанія, направляя читателя къ мнѣнію народовъ. „Не въ моей натурѣ, читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ проф. Модестову, та любовь къ догматикѣ, похожей на догматическое богословіе, которая самодержавно царствуетъ въ наукѣ уголовнаго права“. Здѣсь отрицательное отношеніе къ метафизическому направленію въ догматической разработкѣ выражено въ формѣ столь рѣзкой, что изъ нея можно даже придти къ ошибочной мысли, будто-бы А. Ф. Кистяковскій

протестуетъ вообще противъ догматической разработки уголовнаго права: въ дѣйствительности, онъ лучшій ея представитель, и протестъ его относится лишь къ тому ея направленію, которое стремится подчинить правовую жизнь неизмѣннымъ и непреложнымъ догмамъ, выводимымъ путемъ отвлеченныхъ построеній изъ непровѣренныхъ научно идей супернатуральныхъ или спиритуалистическихъ. И онъ со всею силою своей аргументаціи обрушивается на авторовъ новаго времени, которые продолжаютъ стоять на такой ненадежной почвѣ. Отмѣчая въ учебникѣ три коренныхъ вопроса, завѣщанныхъ прежней наукой девятнадцатому столѣтію, именно—вопросы о правѣ наказанія, объ основаніи вмѣненія и о подозрѣніи, онъ, говоря о второмъ изъ этихъ вопросовъ, упрекаетъ автора сочиненія „Основныя начала объ уголовномъ вмѣненіи“, проф. Бернера, въ томъ, что авторъ этотъ „представилъ изображеніе дѣятельности не дѣйствительнаго человѣка, а мифическаго, можно сказать воображаемаго. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія выраженія: „человѣкъ можетъ нарушить вѣчный законъ“, „человѣкъ пользуется высшею честью быть преступникомъ и освобождаться отъ необходимости“, „человѣкъ не управляется побужденіями“, „волю его нельзя принудить“. Вслѣдствіе такого метафизическаго метода изслѣдованія природы дѣйствій человѣка—продолжаетъ А. Ф. Кистяковскій, — преступленіе до сихъ поръ въ въ наукѣ остается какою-то загадкою, чѣмъ-то безпричиннымъ, какимъ-то зломъ, которому нѣтъ другого объясненія, кромѣ невѣдомо откуда происходящей злой воли. *Современная злая воля, это—средневѣковый діаволъ, только принявшій другую личину.* Еще Фейербахъ справедливо замѣтилъ, что по этой теоріи человѣкъ совершаетъ преступленіе только потому, что онъ хочетъ совершить его, дѣлаетъ зло для самого зла, не исполняетъ законъ безъ всякой причины, кромѣ желанія нарушить его, словомъ — дѣйствуетъ, какъ средневѣковый діаволъ. Отъ такой постановки этого вопроса происходитъ то, что въ наукѣ уголовнаго права остается въ полномъ пренебреженіи изслѣдованіе реальной природы преступленія, и что въ ней господствуетъ въ этомъ пунктѣ застой. Мало этого: всякая попытка основать

вмѣненіе *на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія*, принимается за возваніе къ установленію безразличія между добромъ и зломъ, за призывъ къ безнаказанности. Доказательствомъ этому служитъ исторія Ансельма Фейербаха. Какъ будто теорія причинности преступленій когда нибудь могла смотрѣть на преступленіе иначе какъ на зло, какъ будто она также не озабочена охраною благосостоянія и безопасности общества. Зло останется зломъ, будемъ ли мы знать его причину, или считать его навѣяннымъ съ вѣтра. Но велико различіе между тѣмъ, когда причина дѣйствія изслѣдована, и тѣмъ положеніемъ, когда дѣйствіе является безпричиннымъ, произвольнымъ, одинокимъ. Въ первомъ случаѣ можетъ быть подыскано болѣе цѣлесообразное средство его устраненія, во второмъ—примѣняются рутинныя средства, какъ какое-нибудь знахарство въ медицинѣ" (Учебникъ, стр. 104, 105, изд. 2).

Мы нарочно привели эту довольно обширную выписку по одному изъ самыхъ важныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ слабообработанныхъ ученій общей части уголовнаго права, такъ какъ она съ особенною яркостью характеризуетъ научное направленіе А. Ф. Кистяковскаго. Въ ней онъ требуетъ, чтобы ученіе о вмѣненіи было построено на юридическихъ основахъ, выведенныхъ изъ дѣйствительной природы преступленія. Этимъ требованіемъ,—посильную попытку выполнить которое онъ далъ для многихъ уголовноправовыхъ ученій какъ въ своемъ учебникѣ, такъ и въ другихъ своихъ трудахъ,—А. Ф. Кистяковскій рѣшительно заявляетъ себя сторонникомъ догматической разработки уголовнаго права. Съ еще большею рѣшительностью высказывается имъ протестъ противъ отвлеченнаго, метафизическаго его направленія, такъ что съ этимъ вопросомъ можно считать поконченнымъ. Но, кромѣ того, въ немъ заключаются еще два драгоцѣнныя указанія, подтверждаемыя всею совокупностью трудовъ А. Ф. Кистяковскаго.

Одно изъ нихъ — отрицательнаго свойства. Заявивъ себя противникомъ метафизическаго направленія, А. Ф. весьма категорически высказывается въ немъ и противъ такъ наз. пози-

тивнаго направленія въ смыслѣ построенія науки уголовнаго права на почвѣ исключительно какого-либо конкретнаго положительнаго законодательства. Suprema lex — для него только одна изъ послѣдовательныхъ историческихъ ступеней развитія правовой идеи, и не передъ нимъ склоняется его гордая выя. Его фундаментъ гораздо болѣе широкій.

IV.

Эта почва—„дѣйствительная природа преступленія". Въ предисловіи къ 1 изданію своего учебника, который онъ называлъ учебникомъ „*общаго* уголовнаго права", А. Ф. Кистяковскій объясняетъ это названіе такъ: „подъ общимъ уголовнымъ правомъ я разумѣю изложеніе общихъ началъ, которыя выработаны совокупною жизнью всего человѣчества". Въ самомъ изложеніи какъ учебника, такъ и изслѣдованія о смертной казни, онъ говоритъ или объ общемъ уголовномъ правѣ, или объ уголовномъ правѣ Европы, подкрѣпляя свои положенія ссылками на литературу и законодательства разнообразныхъ временъ и народовъ и стремясь сдѣлать общій выводъ изъ нихъ. Всюду онъ имѣетъ въ виду не какое либо конкретное законодательство опредѣленнаго народа, а цѣлую совокупность конкретныхъ правовыхъ нормъ всѣхъ извѣстныхъ ему временъ и народовъ. Положительный законъ для него—не источникъ уголовнаго права, а только *матеріалъ* науки уголовнаго права, внѣшняя оболочка или „форма, выраженіе уголовнаго права, какъ совокупности понятій даннаго народа, въ данный періодъ его развитія, о правомъ и неправомъ. Не законъ созидаетъ уголовное право, а наоборотъ. Вообще говоря, въ созданіи уголовнаго закона не остается мѣста произволу законодателя, которому приходится только закрѣплять уже народившіяся или вызываемыя потребностями быта понятія о правомъ и неправомъ, созданныя сложившимися или слагающимися общественными отношеніями" (Учебн. § 64). „Чѣмъ объемистѣе матеріалъ, подлежащій научной обработкѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, понимая подъ матеріаломъ науки уголовнаго права уголовные законы (Учеб.

§ 8),—тѣмъ шире, глубже и ближе къ истинѣ будутъ положенія самой науки. Поэтому было бы разумно, если бы наука уголовнаго права сообщала свои ученія какъ результатъ изученія уголовныхъ законовъ всѣхъ формацій, всѣхъ періодовъ и народовъ. Только подъ этимъ условіемъ она и можетъ получить имя общаго уголовнаго права".

Какая грандіозная перспектива, какой высокій и достойный упорнаго труда научный идеалъ! Конечно, идеалъ этотъ и вообще мнѣніе А. Ф. Кистяковскаго объ *общемъ* уголовномъ правѣ не представлялись безусловно новыми и имѣли почву въ прошедшемъ, что, впрочемъ, съ точки зрѣнія самого А. Ф., служитъ имъ только въ похвалу. Уже школа естественнаго права, а затѣмъ супернатуралисты и представители различныхъ философскихъ системъ, заводили рѣчь объ общихъ для всего человѣчества началахъ права вообще и уголовнаго въ частности, но въ иномъ значеніи, такъ какъ такія начала представлялись имъ непреложными, неизмѣнными и опредѣляемыми силами, внѣ человѣка и человѣческаго общества лежащими, именно—божествомъ, или космосомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опытное, сравнительное изученіе права у разныхъ народовъ показало существованіе у нихъ общихъ чертъ, такъ что мысль о связи и даже родствѣ уголовныхъ законодательствъ и объ опредѣляемости историческаго развитія ихъ общими законами высказывалась и съ болѣе научными обоснованіями. Но въ той полнотѣ и широтѣ, въ какой она выражена А. Ф. Кистяковскимъ, она ранѣе его не высказывалась. Въ иностранной литературѣ въ такой позитивной постановкѣ мы встрѣчаемъ ее впервые въ произведеніяхъ проф. Листа, именно—главнымъ образомъ въ введеніи къ „сравнительному уголовному законодательству", изданному только въ настоящемъ 1894 году. Первенство, благодаря А. Ф., принадлежитъ русской литературѣ.

Давая уголовному праву такое широкое, и притомъ позитивное, а не отвлеченное основаніе, А. Ф. нуждался для построенія его какъ науки въ огромномъ матеріалѣ. Видя въ положительномъ законѣ только проявленіе правовыхъ убѣжденій даннаго народа въ опредѣленный моментъ его существованія,

онъ естественно и неминуемо пришелъ къ признанію высокаго значенія исторіи права: матеріалъ историческій оказался необходимымъ для построенія предположеннаго имъ зданія. Исходя отъ мысли, что право даннаго народа есть только частица права всего человѣчества, плоть отъ плоти и кость отъ кости его, онъ не могъ заключить своего изложенія въ тѣсныя рамки правоваго строя какого нибудь одного народа; настоятельно необходимымъ сталъ для него и матеріалъ сравнительный. Мы уже видѣли, какъ добросовѣстно и упорно подготовлялъ себя А. Ф. къ ознакомленію съ историческимъ матеріаломъ и пріемами историческаго изслѣдованія. Тѣже добросовѣстность и упорство проявляются у него и по отношенію къ матеріалу сравнительному. Рѣдкое явленіе уголовно-правовой жизни западныхъ народовъ его времени не останавливало на себѣ его вниманія. Въ ряду его литературныхъ произведеній, помѣщавшихся въ періодической печати, мы встрѣчаемъ: „очеркъ англійскаго уголовнаго процесса по Миттермайеру" (Ж. М. Ю. 1860 №№ 6, 8—12), „адвокатура во Франціи, Англіи и Германіи" (тамъ же, 1863 № 8); „полицейскіе суды въ Лондонѣ', (1864 № 9, подъ псевдонимомъ А. Городисскій); „уголовное право Италіи, профессоръ Пессина и современное движеніе италіанскаго права и науки" (Судеб. Жур. 1873, №№ 3 и 4); „о преподаваніи юридическихъ и политическихъ наукъ въ Германіи" (Ж. М. Нар. Просв. 1874); „главнѣйшіе моменты исторіи развитія науки уголовнаго права" (Кіев. Унив. Изв. 1873 № 12); „судебная организація во Франціи и предстоящія въ ней реформы" (Жур. гр. угол. пр. 1879 №№ 2, 3); помимо того, значительная работа этого рода выполнена имъ въ его руководящихъ трудахъ о смертной казни и въ учебникѣ.

Но и для А. Ф. Кистяковскаго, несмотря на его огромную энергію, поставленная имъ задача оказалась чрезмѣрною. Состояніе литературной разработки уголовнаго права еще далеко не достигло той высоты, которая для этого необходима. Самъ онъ вынужденъ былъ признать, что „разработка уголовнаго права посредствомъ историческаго метода представляетъ только слабыя попытки, является только въ зародышномъ состояніи"...

Еще въ меньшей степени уголовное право обработано посредствомъ сравнительнаго метода... Онъ остается непримѣненнымъ къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ уголовнаго права, тѣмъ, которыя представляютъ высокій научный интересъ. Къ нему не обращались еще для разработки уголовнаго права классическихъ народовъ. Уголовное право дикихъ и варварскихъ народовъ не тронуто, какъ нѣчто совокупное, въ одно мѣсто сопоставленное, освѣщенное путемъ сравненія". (Учеб. стр. 34. 35). Естественно, что при такомъ состояніи научныхъ знаній, предложенное А. Ф. Кистяковскимъ могло быть только попыткою рѣшенія вопроса по намѣченной программѣ. Многихъ ученій господствующей доктрины онъ совершенно не могъ коснуться, къ другимъ ему оказалось возможнымъ проявить лишь критическое отношеніе, и только весьма немногіе, каково напр. ученіе о смертной казни, переработаны имъ въ корнѣ и не только расчищены старыя развалины, но на мѣсто ихъ воздвигнуто и новое зданіе. Однако, и какъ попытка, труды А. Ф. Кистяковскаго имѣютъ высокую цѣну, и изъ намековъ, въ нихъ содержащихся, должна въ будущемъ получиться прекрасная жатва.

V.

А. Ф. Кистяковскій приходилъ къ высказываемымъ имъ положеніямъ путемъ упорной и медленной работы. Мы уже замѣтили, что онъ не принадлежалъ къ числу умовъ съ готовыми на все отвѣтами. Напротивъ, онъ какъ бы предпочиталъ вовсе не имѣть личнаго мнѣнія и не давать личнаго отвѣта по возбуждаемымъ вопросамъ. „Спрашивайте не мое мнѣніе, а мнѣніе народовъ", говоритъ онъ въ предисловіи къ изслѣдованію о смертной казни. „Самыя повидимому самостоятельныя философскія построенія, носящія на себѣ печать индивидуальности писателя-криминалиста, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (Учебникъ, стр. 55), будучи сведены къ простѣйшимъ истинамъ, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ, или въ такъ называемомъ обществѣ".

Такое объективное направленіе, отрицающее всякое значеніе личнаго, индивидуальнаго момента, возлагающее и на писателя обязанность воздерживаться отъ всякаго проявленія своей индивидуальности въ своихъ твореніяхъ, явилась какъ естественная реакція противъ чрезмѣрнаго возвышенія личности и личнаго момента литературою XVIII и начала XIX ст., съ ея непреложною вѣрою во всемогущество личнаго разума и личной воли. Увлеченія этого направленія породили противоположное теченіе, которое пріобрѣтало болѣе и болѣе адептовъ, и наконецъ стало господствующимъ. Ему отдалъ дань и А. Ф. Кистяковскій.

Но какъ ни громко и рѣшительно требуетъ онъ отрицанія своей личности въ научныхъ трудахъ, его личность выступаетъ въ нихъ весьма импозантно. Да и можно ли ожидать иного? Можно ли утверждать, что духъ человѣческій на самой высшей ступени своей дѣятельности, творческой, научной, гдѣ все отъ него зависитъ, принизится до полнаго самоуничтоженія? Развѣ не личный геній творитъ науку? Развѣ Соловьевъ, излагая тѣже событія, которыя излагались другими историками, могъ не вложить въ это изложеніе всей своей личности, всего своего я? Развѣ не цѣлая бездна между нимъ и Карамзинымъ? Отрицаніе личнаго момента есть отрицаніе науки; провозглашеніе объективизма, какъ высшаго начала, равносильно полному застою.

Личность А. Ф. Кистяковскаго проявляется прежде всего въ выборѣ тѣхъ вопросовъ, которые онъ подвергалъ своей разработкѣ, и затѣмъ въ свойствѣ отвѣтовъ, на нихъ даваемыхъ. Это—вопросъ о мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія, вопросъ, постановка котораго вызвана крайними злоупотребленіями дореформированнаго нашего процесса противъ свободы личной и на который дается отвѣтъ въ смыслѣ возможно болѣе полнаго огражденія такой свободы;—вопросъ о смертной казни, т. е. самой крайней карательной мѣрѣ, доходящей до полнаго уничтоженія личности, и даваемый отвѣтъ приходитъ къ спокойному, но рѣшительному отрицанію этой мѣры;—вопросъ о малолѣтныхъ преступникахъ и учрежденіяхъ для ихъ исправленія, т. е. о несчастныхъ, обреченныхъ на пороки и преступленія бездомностью, заброшен-

ностью или дурнымъ состояніемъ семьи, при чемъ дается энергическій отвѣтъ въ смыслѣ разумнаго общественнаго призрѣнія такихъ дѣтей;—вопросъ о юридическомъ образованіи и юридическихъ обществахъ, при чемъ и то и другое настойчиво рекомендовалось и указывалось продуманной ихъ программой въ видахъ дальнѣйшаго усовершенствованія народнаго и развитія права. Этотъ выборъ темъ и это свойство отвѣтовъ съ крайне симпатичной стороны рисуютъ личность А. Ф. Кистяковскаго въ его научныхъ трудахъ. Они дали намъ право примѣнить къ нему слова поэта:

И на чредѣ своей не забывалъ онъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

27 декабря 1894 г. **И. Фойницкій.**

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

(Бытовой очеркъ).

Третій день рождественскихъ святокъ. По установившемуся издавна обычаю, въ вечеръ этого дня съѣзжаются со всѣхъ селъ родственники и знакомые въ домъ о. Луки.

Не разсылаются приглашенія: всякій знаетъ, что этотъ день издавна принадлежитъ ему, его дому. И всѣ охотнѣе заворачиваютъ въ этотъ день къ о. Лукѣ, чѣмъ даже къ сравнительно-молодому о. благочинному, который, какъ-бы въ противовѣсъ почтенному старцу, приглашаетъ и къ себѣ въ этотъ-же день окружныхъ священниковъ.

Сосѣдъ и пріятель о. Матѳей со всѣмъ своимъ семействомъ собирается къ о. Лукѣ.

Уже и двое просторныхъ саней стоятъ у крыльца. Лошадки, понуривъ головы и помахивая хвостами, терпѣливо ждутъ сѣдоковъ. Вотъ, наконецъ, они постепенно выходятъ и суетливо разсаживаются по санямъ.

Въ первыя сани, болѣе новыя и запряженныя болѣе крупными лошадьми, усаживается молодежь: двѣ почти взрослыя дѣвушки, дочери-гимназистки, одѣтыя по городски, въ изящныхъ шапочкахъ, муфточкахъ и легкихъ шубкахъ, и сынъ, студентъ-медикъ, въ форменной фуражкѣ и пальто, съ поднятымъ барашковымъ воротникомъ.

Въ другія сани, менѣе видныя (старинныя, такъ называемыя—„гренжолы“), запряженныя мохнатыми, рабочими лоша-

денгами, усаживаются старики: отецъ въ теплой шапкѣ, надвинутой на самыя уши, въ тяжелой волчьей шубѣ, подпоясанной простымъ краснымъ поясомъ, и мать, въ такой-же тяжелой, длинной, деревенской шубѣ, закутанная большимъ теплымъ платкомъ, съ тугой повязкой на лбу изъ маленькаго платка поверхъ большого.

Въ рукахъ у ней—узелокъ съ булкой, извѣстная дань малороссійскому обычаю.

И молодежь, и старики—всѣ видимо возбуждены сборами и отъѣздомъ.

— „Вы еще долго намѣрены подвергать испытанію мое терпѣніе?“ говоритъ студентъ сестрамъ, которыя и въ саняхъ заставляютъ его стоймя стоять въ ожиданіи своей очереди усѣсться противъ нихъ на неудобной, низенькой скамеечкѣ изъ-подъ ногъ.

Дѣвушки, хохоча, нервно копошатся въ саняхъ, укутываютъ себѣ ноги огромною пушистою „бараницею“.

Въ сани прислугой кладется довольно увѣсистый узелъ съ запасомъ большихъ, теплыхъ, платковъ, старыхъ драповыхъ рясъ, жесткихъ бурокъ, чемерокъ...

— „А нѣтъ-ли, мама, тамъ въ коморѣ еще какой-нибудь рухляди про запасъ? мнѣ что-то кажется, будто всей этой мало!...“ съ шутливымъ комизмомъ замѣчаетъ матери сынъ. И это замѣчаніе покрывается общимъ веселымъ смѣхомъ.

— „А въ самомъ дѣлѣ, къ чему тебѣ столько набирать? растерять лишь-бы?“ замѣчаетъ къ слову и о. Матѳей.

— „Этъ! ничого те не вадыть! Запасъ биды не чыныть! Онъ-о-но! яка хурга пиднимаеться: ще спасыби скажете мени впосли!“ упорно стоитъ на своемъ излишне-заботливая жена о. Матѳея, указывая рукой въ даль на несуществующую пока „хургу“.

— „Ну, съ Богомъ, трогай!“

Старики перекрестились. Сани тронулись. Остающаяся дома подъ надзоромъ бабы-Явдохи малая дѣтвора, прильнувъ къ стекламъ окошекъ, долгимъ взглядомъ провожаетъ уѣзжающихъ.

Дѣтей не взяли съ собой; но ихъ маленькія сердечки наполнены свѣтлой надеждой на полученіе обѣщаннаго „циня“ или гостинца „отъ зайчика“...

Черезъ какой-нибудь часъ пути, когда ѣхали открытыми, ровными полями, кромѣ сгущающихся вечернихъ сумерекъ, нашихъ путниковъ охватило что-то мрачистое, вродѣ мокроватаго мельчайшаго снѣжка, какъ-то пріятно-раздражающе бьющаго въ глаза, носъ, щеки... Изъ заднихъ саней послышался громкій окликъ; сани поровнялись. Мать тревожно-заботливо уговариваетъ дочерей надѣть на голову находящіеся въ запасѣ большіе, теплые платки.

— „Да мы привыкли такъ!... Ничего головамъ не станется!... Мы, право, и сами о себѣ заботимся!"... капризничаютъ молодыя дѣвушки, изъ пустой боязни показаться смѣшными либо уродливыми въ большихъ, толстыхъ платкахъ поверхъ изящныхъ шапочекъ.

— „Та хочъ и прывыклы,—цежъ вамъ не городъ!" упорно настаиваетъ мать.—„Та и одежа-жъ шось стоить!" добавляетъ къ тому.

— „То-есть, признаться откровенно, ваши собственныя заботы, право-же, болѣе сосредоточиваются на охраненіи прическъ вашихъ, чѣмъ здравія головъ!"—тихонько подтруниваетъ надъ смущенными сестрами братъ.

Дѣвушки краснѣютъ, недовольно хмурятся, надуваютъ губки,—и кончается тѣмъ, что обѣ онѣ натягиваютъ на плечи ненавистные платки, прикрывая ими отчасти и рдѣющіяся ушки.

Вотъ на пути—длинный поселокъ. Рѣдкія, низенькія хатенки буквально тонутъ въ глубокомъ снѣгу: только и видны пластообразныя крыши, нависшія, какъ шапки громадныхъ бѣлыхъ грибовъ.

Изъ дворовъ, съ ожесточеннымъ лаемъ, бросились собаки, долго напутствуя имъ проѣзжающихъ.

Вотъ снова—поле. Кругомъ все однообразно—бѣло, голо и скучно. Лошадки бодро бѣгутъ по утертой дорогѣ.

Вотъ и крестъ высокій чернѣетъ на перекресткѣ дорогъ; здѣсь—поворотъ направо, а тамъ уже рукой—подать и къ селу Т., цѣли поѣздки.

— „Господи! хоть-бы не мы первые пріѣхали!“ невольно срывается съ языка затаенная мысль бойкой дѣвушки, младшей сестры.

— „Почему это?“ освѣдомляется братъ, пристально глядя на сестру. А та уже успѣла и покраснѣть, и спохватиться, что не во время выпустила изъ рта свою плѣнницу.

— „Да потому, что такъ досадно пріѣхать *загодя* и торчать, въ ожиданіи, пока съѣдутся всѣ остальные! А папа съ мамой—ну, какъ нарочно! непремѣнно раньше всѣхъ всюду пріѣзжаютъ!“—капризно высказывается она.

— „Вотъ ужъ—напротивъ!“ также чистосердечно прерываетъ ее старшая сестра: „гораздо болѣе непріятно пріѣзжать изъ послѣднихъ, когда почти всѣ въ сборѣ и когда тебя сразу измѣряютъ глазами съ ногъ до головы, чуть-ли не высчитывая по вершкамъ твой носъ, твои уши и проч..!“

— А вы, милостивая государыня, больше всего побаиваетесь строгой критики въ этомъ именно пунктѣ?..“ шутливо-мягко и очевидно подтрунивая ловитъ ее на словѣ братъ. Та, кажется, думала было оскорбиться слишкомъ явнымъ намекомъ брата на ея нѣсколько вздернутый носикъ и широко оттопыренныя ушки, но кончила только тѣмъ, что, на минуту зардѣвшись до корня волосъ и слегка нахмурившись, тотчасъ-же и сама залпомъ расхохоталась, вторя брату и сестрѣ...

Но вотъ и село Т., и настежъ раскрытыя ворота „царыны“ съ одинокимъ, глухимъ „куринемъ“.

— „Гм! изъ-за границы мы теперь!..“ съ напускною важностью произноситъ при случаѣ братъ, чтобъ лишній разокъ посмѣшить сестеръ.

Лошадки во весь духъ понесли отсюда съ пригорка вдоль главной улицы, мимо стройнаго, темнаго силуэта Т—ской церкви, цѣлаго ряда крестьянскихъ избъ, съ постройками при нихъ, и свернули во дворъ священника. Большой, старый, приземистый домъ, подъ соломенною крышею, горѣлъ огнями; подъ навѣсомъ стариннаго крыльца висѣлъ огромный фонарь, бросая отъ себя цѣлый снопъ яркаго свѣта и предупредительно освѣщая гостямъ путь къ подъѣзду. Среди двора стояло нѣсколько

саней, около которыхъ громко возились кучера, убирая лошадей, упряжь. Въ окнахъ дома темными пятнами мелькали тѣни движущихся людей.

— „Смотри-же, Терешко, не ударь лицомъ въ грязь: возжи подбери крѣпче и лихо подкати къ подъѣзду!" шутливо наставляетъ студентъ своего кучера. Обѣ дѣвушки ликующе смѣются.

Съ ветхаго крылечка прошли наши пріѣзжіе въ переднюю. Крохотная комнатка эта, съ прибитой къ стѣнѣ—во всю длину ея вѣшалкой, незатѣйливой работы, съ деревяннымъ, узкимъ „топчаномъ" и довольно крупнымъ сундукомъ, уже наполовину была завалена одежей. Прямо изъ зала и направо изъ кабинета несся многоустный, веселый говоръ и оживленный смѣхъ.

— „Не вы первыя, не вы, кажется, и послѣднія..." раздѣваясь, шепчетъ студентъ сестрамъ. Но имъ уже не до того: и высокія прически въ дорогѣ сбились на сторону, и что-то у платьевъ откололось или развязалось... и многія другія, мелкія, но все-таки не малозначущія заботы наполняютъ теперь ихъ.

Вотъ почтенный хозяинъ—о. Лука вышелъ гостямъ нашимъ на встрѣчу; троекратно и сердечно цѣлуется онъ съ о. Матѳеемъ, взаимно привѣтствуя другъ друга „зъ святымъ Риздвомъ"... Съ обѣихъ сторонъ сыплются задушевнѣйшія пожеланія...

— „Просимъ покорно!" заключаетъ хозяинъ радушнымъ приглашеніемъ слѣдовать дальше въ залъ, или-же кабинетъ его.

Кабинетъ, въ клубахъ табачнаго дыма, наполненъ курящими мужчинами: и батюшками, и молодыми людьми. По залу, парочками, оживленно ходятъ и шушукаются межъ собой молодыя дѣвушки: гдѣ—худенькая, развязная гимназистка съ гимназисткой, гдѣ—угловатая, застѣнчивая воспитанница епархіальнаго училища съ подружкой-же, а гдѣ—и совсѣмъ взрослыя дѣвушки, покончавшія уже свои „курсы" ученія. И молодые люди—безусые семинаристики, и „окончившіе", т. е. уже учителя сельскихъ школъ или новоиспеченные псаломщики сельскихъ церквей, скромно стоятъ тутъ же отдѣльными группами, тихо дѣлятся между собою своими впечатлѣніями, искоса поглядывая на бойкихъ, свѣженькихъ дѣвицъ. Межъ нихъ изрѣдка

выдѣляется и темнозеленый студенческій мундиръ, и темносиній гимназическій. На стульяхъ, у стѣнъ зала, сидитъ нѣсколько пожилыхъ дамъ матушекъ, въ черныхъ тюлевыхъ чепцахъ и въ черныхъ кружевныхъ фаншонахъ, перебрасываясь между собою всякими житейскими сообщеніями и строго-критическимъ взглядомъ слѣдя, по временамъ, за своей и чужой предстоящей молодежью. Вотъ одна изъ нихъ, на видъ еще моложавая матушка, ведетъ со своими сосѣдками непринужденный разговоръ о томъ, какъ у нея—передъ самымъ праздникомъ—всѣ дѣти были въ кори, и постепенно вводитъ своихъ чуткихъ слушательницъ въ подробнѣйшее описаніе заболѣванія дѣтей, хлопотъ своихъ надъ ними и проч.

— „Такъ-такы уси тройко въ одну недилю покотомъ и поляглы“,—говоритъ она, и слушательницы ея сердобольно покачиваютъ головами, а одна изъ сосѣдокъ невольно даже отодвигается отъ нея, подъ живымъ впечатлѣніемъ описанія заразительной дѣтской болѣзни и тревожной думы за своихъ собственныхъ малютокъ.

А въ другомъ концѣ того-же ряда, въ интимной бесѣдѣ матушекъ-пріятельницъ, бездѣтная, полная, представительная діаконша какъ-то особенно плавно, а вмѣстѣ весело и простодушно, разсказываетъ о томъ, какъ сейчасъ - вотъ подшутилъ было надъ нею ея мужъ, и какъ она поэтому, чуть было не осталась дома: „дывлюсь, серце,—вже мій старый мовчкы й рясу надивъ, вже и шапку бере у рукы... тай каже тоди (такъ, нибы-бъ-то самъ до себе, нибы й до мене)—„ну, оце-жъ уже йду до о. настоятеля“...

— „А-я-жъ?“ пытаюсь его.

— „Хиба й ты хочешъ?“ зырнувъ винъ на мене.

— „А тожъ-якъ?!“ вдарыла я рукамы объ полы: „ты-жъ казавъ, що просылы“...

— „Та воно такъ,—просыть-то просылы... мене... такы объ тоби, собственно, розговору не було!..“ сміеться мени въ вичи.

— „Ну, було-бъ же такъ попередъ казать! а теперъ уже, якъ соби хочъ, а пиду!... Хиба-ото я даромъ зъ пивчаса маскырувалась: й шыю обмывала, й косы зачесала, й чепець надивала?...“

— „Та ну-бо, ну! цуръ-тоби! я шуткую!..“ каже винъ тоди.

— „Гарни шуткы! це-бъ ты балювавъ десь, а я соби одна дома сумувала?!“ тихимъ, но побѣдоноснымъ тономъ заключаетъ она свое повѣствованіе и вся колышется отъ сдержаннаго, добродушнѣйшаго смѣха; а слушательницы ея усердно вторятъ ей.

И хозяйка, маленькая, сухая, подвижная старушка, на минутку подсѣла тутъ-же къ бесѣдующимъ, чтобы передохнуть возлѣ нихъ, а тамъ и опять—бѣжать суетливо, то въ столовую, то на кухню, то въ кладовую, гдѣ все нуждается въ ея личномъ присутствіи и руководительствѣ.

Вотъ хромой старичекъ лакей, (такъ называемый „общій лакей“, а также—„тонкій человѣкъ“), деликатно ковыляя, съ какой-то особенно подобострастной, сладенькой улыбкой, разноситъ гостямъ на громаднѣйшемъ подносѣ стаканы съ чаемъ.

Слѣдомъ за нимъ, съ корзинкой печенья къ чаю, ходитъ дѣвушка горничная, вся „въ квиткахъ“, „въ стричкахъ“ и прочемъ своемъ праздничномъ „убранни“. А гости все прибываютъ и прибываютъ: и убѣленные сѣдиной старцы-священники, съ распущенными по плечамъ длинными волосами, съ длинными бородами, и припудренныя тою-же почтенной сѣдиной жены ихъ старушки, скромныя, простенькія женщины, и молодые, франтоватые іереи, съ короткими волосами до плечъ лишь (a l'artiste), и молоденькія жены этихъ послѣднихъ, бойкія и модно нарядныя, какъ-то совсѣмъ уже мало подходящія къ давно извѣстному, выработавшемуся типу сельскихъ матушекъ, и, наконецъ, свѣтскіе, „заводскіе“ (изъ сосѣдняго сахарнаго завода) кавалеры... Каждый изъ прибывающихъ вноситъ съ собой въ малыя комнатки свою частицу оживленія, праздничнаго настроенія, житейской суеты... Никому никого не представляютъ, да въ этомъ и необходимости нѣтъ: тутъ все „свои“... Всюду оживленная суета, смѣхъ, говоръ, и... тѣснота, жара, духота...

Крошечный кабинетъ хозяина вплотную запруженъ: у ломбернаго столика идетъ крупная карточная игра „преферансъ“ и игроки окружены стѣной любопытныхъ, курящихъ и слѣдящихъ за ходомъ игры. Въ сосѣдней комнаткѣ (кажется спальной, въ этотъ разъ обращенной въ запасную гостинную) также

два карточныхъ столика: за однимъ идетъ мужская азартная „стуколка", за другимъ—дамскій „ералашъ". И тутъ-же, особо, на диванчикѣ и возлѣ него, отдѣльной группой священниковъ, не принимающихъ участія въ карточной игрѣ, ведется оживленный разговоръ о томъ, о семъ: о новостяхъ епархіальныхъ, о собственныхъ приходскихъ дѣлахъ, о посѣщеніяхъ „о. наблюдателемъ" церковно-приходскихъ школъ, и, наконецъ, въ чисто-анекдотическомъ духѣ, о какомъ-то изумительно нерадивомъ сельскомъ учителѣ (изъ молодыхъ семинаристовъ), застигнутомъ врасплохъ самимъ „ревизоромъ"... Презабавно разсказывается, какъ тотъ однажды, блаженно почивая во время утреннихъ занятій въ своей учительской опочивальнѣ, былъ разбуженъ школьнымъ „дидомъ", тревожно шептавшимъ: „вставайте, панычу, бо якыйсь тутечка жыдъ, чы панъ дуже васъ допытуються"...

— „Одчепысь, бо буду лаять!.." сквозь сонъ отбивается отъ него учитель.

— „Та такы-жъ вставайте, панычу, бо требують"... несмѣло настаивалъ старичокъ сторожъ.

— „Эй, одчепысь, кажу, бо буду быть"... шутитъ сонный лѣнивецъ, переворачиваясь на другой бокъ. „Дидъ" отсталъ. А „учителя" тотчасъ властно поднялъ съ ложа его самъ „г. ревизоръ".

Ученики, въ числѣ четырехъ человѣкъ, одиноко сидѣли надъ книжками въ сосѣдней комнатѣ для занятій. Читали они весьма слабо; а писали такъ, какъ говорила одна дьячиха о своемъ сынѣ, при опредѣленіи его въ уѣздное училище: „чытать, правда, що не вміе... а що пысать, то що завгодно вамъ напыше... тилькы, правда, що вже не прочытае"...

„Учитель" ихъ былъ тутъ-же строжайше распушенъ и отрѣшенъ отъ занимаемой службы, съ воспрещеніемъ занимать ее „и впредь гдѣ-бы ни было"...

Почтенные священники дивятся разсказываемому, смѣются комизму положенія непризнаннаго педагога и волнуются порывомъ благороднаго негодованія за налагаемую имъ тѣнь на все дѣло и весь трудъ ихъ самихъ по части сельскаго народнаго образованія.

— „Не можетъ быть! Это вымыселъ! это даже пасквиль, ничего больше!“ горячится одинъ, на видъ еще моложавый, батюшка, высокій, нервный брюнетъ съ просѣдью: „у насъ еще не было и примѣра, подобнаго сему!..“

— „Та це-жъ вамъ, мабуть, саме для прымѣру“... хладнокровно и степенно, слегка лишь посмѣиваясь, замѣтилъ ему одинъ сѣдовласый старикъ священникъ.

Въ длинномъ залѣ, межъ тѣмъ, топчется юная молодежь. Тутъ и душа общества, милый весельчакъ, о. Маркъ.

— „И, Господы! якъ подывлюсь я на цю молоду челядь: не таки мы колысь булы!... Здаеться, й чого-бъ его мовчкы ото вештаться по хати?!?. Та-же можно тымъ часомъ або танцювать, або спивать, або гадать, або-що“... весело обращается онъ ко всему обществу, стоя среди комнаты и прихлебывая изъ стакана такъ называемый холостой“ чай.

— „Де вже тамъ гадать!“ отозвалась было на это одна почтенная, но бойкая матушка, обращаясь собственно и не къ о. Марку, а къ своимъ сосѣдкамъ пріятельницамъ: „теперъ шось молоди люде й не згадують про гадання! А отъ якъ було у наше времья, колы ще я дивувала, то и-и-и!..“—забавно выразительно протянула она это „и“, качнувъ головой и сверкнувъ живымъ еще огонькомъ въ притухающихъ уже, старыхъ очахъ... Сосѣдки пріятельницы сочувственно поддакнули ей.

— „Но подъ что-же танцовать?“ несмѣло отозвались, межъ тѣмъ, нѣкоторые изъ молодыхъ.

— „Пидъ що?!?. Та-же можно й „пидъ языкъ“, якъ кому до схочу и якъ бувало у наше времья!“ весело и убѣжденно говоритъ о. Маркъ.

Но „подъ языкъ“ не пришлось танцовать: хозяинъ за неимѣніемъ въ своемъ домѣ музыкальнаго инструмента распорядился послать къ о. діакону за „гармоніей“. Онъ то и „музыку“ (жидковъ, конечно), какъ потомъ объяснилось, звалъ къ себѣ въ этотъ день; да кто-то ее, видно, перехватилъ въ дорогѣ. Пришлось довольствоваться одной только гармоніей (дов. крупной, впрочемъ, величины, хорошей конструкціи и чистаго тона).

Нашелся и мастеръ сего дѣла—искусный игрокъ. Но танцы все не ладились какъ-то: и барышни скромничали, не шли танцовать, и кавалеры большинствомъ своимъ отсутствовали, ютясь преимущественно возлѣ играющихъ въ карты. А кто и находился на лицо, отказывался совершеннымъ „неумѣньемъ" танцовать.

Отецъ Маркъ, вдругъ опорожнивъ свой стаканъ съ чаемъ (чуть-ли не десятый счетомъ), живо подхватилъ за талію свою сестренку, краснощекую, стройную дѣвушку, сталъ среди зала „въ позицію", съ увлеченіемъ откинулъ назадъ голову и, подъ звуки веселой польки, громко и рѣшительно топнулъ ногой, какъ-бы пускаясь въ танецъ...

— „Та-ба!..." неожиданно сказалъ онъ совсѣмъ оживившейся, дружно захохотавшей публикѣ, такъ-же внезапно покидая сестру свою, какъ бралъ ее, и отъ души хохоча самъ.

Очевидно, своимъ маневромъ хотѣлъ онъ лишь подзадорить, воодушевить вялую молодежь.

— „Шкода! пройшла моя пора!" прибавилъ весельчакъ, безнадежно махнувъ рукой: „треба, мабудь, йты звать молодцивъ-панычивъ"...

И онъ прошелъ изъ зала въ кабинетъ вербовать танцоровъ. Слѣдомъ за нимъ двинулись и нѣкоторыя изъ барышенъ - сестеръ „вызывать" къ танцамъ братьевъ своихъ.

Танцы, такимъ образомъ, нѣсколько установились было (больше всего—усердіемъ гимназистовъ); но вскорѣ и опять расклеились...

Особенно „легкіе" танцы тяжело шли....

Протанцовавши двѣ-три кадрили, молодые люди и совсѣмъ таки бросили танцы, охотно перейдя къ различнымъ играмъ.

Молодежь понемногу расшевелилась, воодушевилась и въ играхъ уже окончательно, какъ говорится, „разошлась".

Вотъ идетъ у нея одна замысловатая игра при помощи кстати пригодившейся гармоніи: всѣ участвующіе въ игрѣ, дамы и кавалеры, усѣлись полукругомъ среди зала; лишь одна особа (по брошенному жребію) выслана изъ этой комнаты. Оставшіеся въ обществѣ, по соглашенію между собою, рѣшаютъ, какую за-

дачу (загадку) предложить той, которая вышла. Наконецъ, условившись относительно этого рѣшенія (разумѣется, тихо, чтобы вышедшая особа не подслушала какъ нибудь), приглашаютъ ее обратно въ залъ. Та входитъ, медленно движется вдоль ряда сидящихъ, постепенно подходя то къ одному, то къ другому, раздумывая и предугадывая то, что втайнѣ задумано цѣлымъ обществомъ.

Единственнымъ вѣрнымъ руководителемъ ея служитъ музыка, т. е. звуки гармоніи, то повышающіеся при ея удачномъ направленіи или приближеніи къ задуманному предмету, то замѣтно понижающіеся, когда она удаляется отъ него.

Всѣ играющіе хранятъ глубокое молчаніе; допускается лишь улыбка, но отнюдь не разговоръ, жестъ и вообще все то, что могло-бы дать ей возможность тѣмъ или инымъ способомъ быстрѣе отгадать загадку.

А вотъ идетъ на смѣну этой головоломкѣ игра „въ почту“.

Въ двухъ противоположныхъ концахъ зала помѣщаются различные города и села, въ лицѣ юныхъ кавалеровъ и барышенъ. Посреди комнаты стоитъ на подобіе „витряка“ одинъ изъ играющихъ, высокій, худой, молодой человѣкъ, съ повязанными носовымъ платкомъ глазами, съ широко-растопыренными, длинными руками, готовыми схватить свою жертву—мимобѣгущую почту, такъ какъ одновременно съ этимъ во всеуслышаніе заявляется: „ѣдетъ (напримѣръ) почта изъ Звенигородки въ Нью-Іоркъ!..“ Или: „ѣдетъ почта изъ Кіева въ Парижъ“, „ѣдетъ почта со станціи Воронцовской на станцію Сновскую“... и т. п.

Оглашенныя почты, со всею своею ловкостью, стараются незамѣтно проскользнуть мимо размахивающихъ, растопыренныхъ рукъ, мѣняясь между собою мѣстами. Если-же которая изъ нихъ попадется въ разставленную ловушку, то она немедленно кладетъ себѣ повязку на глаза, и игра идетъ снова прежнимъ порядкомъ.

Вотъ въ ловушку захваченъ случайно проходившій изъ одной комнаты въ другую священникъ-старичекъ... и весь залъ мгновенно оглашается всеобщимъ громкимъ взрывомъ хохота.... Но этотъ эпизодъ, разумѣется, не идетъ въ зачетъ игры.

Вотъ смѣняется эта игра новой: „въ сосѣда“ сидячаго. Игра въ „сидячаго“ сосѣда незамѣтно перешла въ „ходячаго“. По залу задвигались ходячія пары. Придумавъ себѣ названія, подходятъ онѣ другъ къ дружкѣ, загадочно предлагая на выборъ: „лопухъ или крапива?“ „роза или лилія?“ „Отелло или Гамлетъ?“ „пятерка или единица?“ „борщъ или каша?“ и т. п. Словомъ, кто—во что гораздъ!.. Вотъ, напримѣръ, подходитъ къ одной молчаливой парѣ румяный, высокій, плечистый студентъ подъ руку съ миловидной, худенькой и блѣдненькой дѣвушкой - подросткомъ, предлагая: „будякъ чы коноплыночка?“ И на требованіе—„коноплыночку!“ добровольно отдаетъ себя въ руки изумленнаго требователя, при всеобщемъ звонкомъ хохотѣ окружающихъ. А веселѣе всѣхъ хохочетъ о. Маркъ, которому такъ пришлась по душѣ проказливая выходка студента.

— „Го, добра коноплыночка!“ замѣчаетъ онъ сквозь раскатистый смѣхъ свой: „здоровый такый, хочъ объ землю бый!..“ добавляетъ онъ, любуясь молодцомъ.

Находившись вдоволь, снова усѣлись всѣ; въ этотъ разъ— для игры „въ фанты“.

Отецъ Маркъ съ живымъ любопытствомъ прислушивается и приглядывается къ играмъ молодежи. Старичокъ - лакей снова ковыляетъ межъ гостей со своимъ объемистымъ подносомъ, въ этотъ разъ наполненнымъ всякими сластями: вареньями, орѣхами, конфектами, яблоками, апельсинами...

Вотъ сидятъ всѣ кружкомъ на стульяхъ, одновременно два пріятныхъ дѣла дѣлаютъ: и сластями угощаются, и игру ведутъ.

Одинъ бросаетъ на колѣни другого платокъ носовой, произнося начало какого-нибудь слова; напримѣръ: „ква...“ Тотъ подхватываетъ платокъ, оканчивая слово: „кушка“, либо: „соля“, „дратъ“ и т. п., лишь-бы оно, будучи окончено, выражало собою какое-нибудь опредѣленное понятіе. Удачно отвѣтивъ, тотъ другой, въ свою очередь, бросаетъ платокъ слѣдующему съ новымъ словечкомъ, и т. д. Дѣлается все это быстро, чтобы набрать съ зѣвакъ какъ можно больше фантовъ: за отвѣтъ несвоевременный или неудачный взимается „фантъ“, т. е. какая-либо ве-

щица въ залогъ—колечко, орѣхъ, клапгикъ бумажки, кусочекъ сюргуча, окурокъ папироски и проч. Когда такихъ фантовъ наберется достаточно, ихъ „разыгрываютъ", т. е., собравъ въ платокъ, берутъ изъ него въ руку одинъ фантъ (такъ, чтобы его никому не было видно), и спрашиваютъ всѣхъ: „что этому фанту желаете?" Кѣмъ-нибудь „желается" или назначается ему что-либо исполнить: пропѣть, протанцовать, поцѣловать кого, изобразить собою „зеркало", или-же „лодку", или-же „пророка"... А чей фантъ вынется, тотъ и долженъ (обязательно) исполнять предназначенное ему.

Всматриваясь въ эту игру, о. Маркъ весело замѣтилъ:

— „Эг-ге! штука велыка одгадувать за мись со... бака, та со... рока, або-що! Вы-бъ лучше загадкы отгадувалы!.."

— „Ось дайте, лышень, хусточку"... сказалъ онъ, присаживаясь къ играющимъ и энергично вдругъ кидая поданнымъ ему платочкомъ прямо въ разгорѣвшееся лицо одного юнца-гимназиста со словами:

„Круть, верть—пидъ черепочкомъ—смерть [1])... А?.. що?..."

Мальчикъ еще больше залился заревомъ пожара, какъ отъ неожиданности нападенія, такъ и отъ невозможности быстро смекнуть и отвѣтить на загадку.

Всѣ кругомъ него—молодые и старые—заливаются неудержимымъ хохотомъ, а о. Маркъ уже вынулъ изъ своего кармана „хусточку", подхватилъ гдѣ-то другую, третью... и швыряетъ ими, въ кого попало,—то въ юнаго семинаристика: „якый праведный чоловикъ бувъ соби самому и зятемъ, и тестемъ [2])?.." то—въ скромненькую воспитанницу духовнаго училища: „якъ той святый звався, що за пьяту тримався [3])?..." И дальше живо-живо сыплетъ онъ то въ одного, то въ другого: „Колы Ісусъ Хрыстосъ стоявъ на одни нози [4])?..." „Хто такій: родывся—не

---

[1]) Задвижка у крестьянской избы (родъ внутренняго замка).

[2]) Лотъ, мужъ своихъ дочерей.

[3]) Исавъ, братъ Іакова.

[4]) Когда садился на осла.

хрестывся, вмеръ—не спасся, а бувъ Богоносецъ [1])?..." „Що выще архіерея [2])?...".

— „Ось—вамъ! ось!.." то ржествуетъ онъ своимъ знаніемъ.

— „Хе! тутъ вамъ можна зробыть цилисинькій экзамынъ!.." неизмѣнно весело заключаетъ о. Маркъ, давая, наконецъ, себѣ передышку и останавливаясь въ метаніи платковъ носовыхъ и загадочныхъ вопросовъ.

А играющая юная молодежь и окружающіе ее зрители хохочутъ безъ умолку...

Долго еще послѣ этого оживленно играли и въ другія игры: „въ пастора и пасторшу", „въ цензуру", „въ шнурка", „въ гарнушка"...

Причемъ, въ цензурѣ не обошлось безъ неудовольствій, задѣтаго самолюбія, взаимныхъ колкостей; въ шнуркѣ—набили хорошенько другъ другу руки, такъ что онѣ даже повспухли, особенно—нѣжныя женскія; въ гарнушкѣ—опять задали работу—да еще какую работу!—ногамъ.....

А веселый о. Маркъ и тутъ добродушно—критически отнесся, замѣтивъ, что „въ цего гарнушка, мабуть, ще Адамови диткы гралыся".

— „А ну", весело хлопнулъ онъ въ ладоши (любимая его манера): „вы—барышенькы, дзвоныкы тоненькы, и вы—паныччи, густи трубачи! заспиваймо—лышень яку святочну писню: чы колядочку, чы щедривочку (бо й новый годъ зъ щедривкою своею вже,—якъ кажуть,—не на човни, на бережечку!...) Пославымо хозяннамъ Христа! Бачыте, вже й вечеря незабаромъ буде на столи: треба заробыть іи!.." подбиваетъ молодежь неутомимый весельчакъ, лукаво подмигивая на старушку—хозяйку, хлопотливо возящуюся, съ лакеемъ и горничной, около нѣсколькихъ, вмѣстѣ сдвинутыхъ столовъ, покрываемыхъ бѣлоснѣжными скатертями.

Отзывчивая молодежь быстро и вплотную окружила милаго руководителя и, столковавшись между собой, чинно, стройно и мѣрно запѣла колядку:

---

[1]) Оселъ.

[2]) Его митра.

„Добрый вечиръ тоби,
Паве—господарю!
Радуйся!
Ой радуйся, земле,—
Сынъ Божій народывся"... и т. д.

Затѣмъ грянули другую:

„Свитъ змысленный
Днесь народывсь,—
Що Богъ зъ неба
Къ намъ прыходывъ"... и т. д.

А за нею и щедривку:

„Васылева маты
Ходыла щедруваты;
По церковци ходыла,
Золотый хрестъ носыла"... и т. д.

Потомъ—и другую:

„Ой сивъ Хрыстосъ вечеряты...
Щедрый вечиръ, добрый вечиръ.
Добрымъ людямъ
На ввесь вечиръ"!.. и т. д.

Пѣлись далѣе и еще двѣ колядки:

1) „Выдыть Богъ,
Выдыть Творецъ,
Якъ мыръ погыбае,
И Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылае"... и т. д.
2) „Даръ днесь пребогатый
Одъ небесъ прыйде,
Яко капля каплющая,
На землю зыйде"... и т. д.

Молодой хоръ пѣлъ долго и охотно, смѣняя одну украинскую мелодію другой, то—грустную, торжественную, и нѣжно-тягучую, то—нѣсколько болѣе живую, даже веселую, и все-таки празднично торжественную.. Поетъ молодежь, стоя среди зала, а изъ всѣхъ дверей уже глядитъ на нее сотня умиленныхъ отцовскихъ и материнскихъ глазъ...

Глядятъ отцы и матери и прислушиваются трепетнымъ сердцемъ своимъ къ священнымъ словамъ пѣсенъ, трогательно воспѣваемыхъ свѣжими, глубокими голосами ихъ нѣжно-любимыхъ дѣтей...

И не одни отцы да матери внимательно ихъ слушаютъ: кажется все, что только было живого въ домѣ—отъ мала до велика,—все высыпало къ „славящимъ Христа“, оставивъ на время и свои увлекательныя карты, и свои праздные житейскіе разговоры, и свои хлопотливыя приготовленія къ ужину...

Даже прислуга вся—съ порога передней—любознательно высунула сюда свои головы...

Немало любопытствующихъ ушей и очей (дворовой челяди, пріѣзжихъ кучеровъ) устремлялось къ поющимъ и со двора, сквозь двойныя стекла окошекъ...

Послѣ не пышнаго, но шумнаго весельемъ, обильнаго и сытнаго праздничнаго ужина, въ которомъ, по обыкновенію, играли главную роль всевозможныя колбасы домашняго приготовленія, всякая свинина и поросятина, упитанные гуси, утки, куры, вспрыснутые прекрасными домашними-же наливками, да, въ заключеніе, сладкіе „бишкофты“,—гости тотчасъ-же стали прощаться и разъѣзжаться. Особенно—кому было близко къ дому своему.

— „Эге, дывиться: свята Варвара такы ничъ увирвала!... Дальшъ—все бильше дня, а меньше ночи“... находили нѣкоторые изъ отъѣзжавшихъ.

Правда, широко-гостепріимные и безмѣрно-радушные хозяева, по обыкновенію, не мало уговаривали, да упрашивали всѣхъ своихъ гостей оставаться у нихъ „пидночовувать“... Правда, что и такихъ, легко-склонявшихся на усиленныя просьбы милыхъ стариковъ, тоже нашлось не мало,—какъ ихъ ближайшихъ родичей, такъ и тѣхъ изъ хорошихъ знакомыхъ, кому, кстати, предстоялъ дальній путь.

Наконецъ,—неоконченная до ужина карточная игра также тормозила отъѣздъ многихъ... Оставалась, такимъ образомъ,—добрая половина! И вотъ новыя хлопоты увлекаютъ не чующую подъ собою ногъ, добродушную старушку-хозяйку: она бодро и заботливо распоряжается, гдѣ кого изъ гостей уложить, какъ удобнѣе распредѣлить подъ ночлегъ комнаты между мужчинами

и женщинами, какъ снабдить всѣхъ ихъ необходимымъ постельнымъ бѣльемъ и проч. („це не то, що литомъ: тоди можна й у садку, й на току—пидъ клунею, на содомци, й у сами клуни...) Суетится и неутомимо топчется она, собственноручно приготовляя постели слоняющимся по комнатамъ, утомленнымъ уже, гостямъ... И полусонному весельчаку о. Марку она привѣтливо указываетъ на большой диванъ въ общей мужской комнатѣ (залѣ), гдѣ приготовлена ея руками постель для него.

— „О, святый покою,—добро зъ тобою!" благодарно и неизмѣнно весело киваетъ старушкѣ о. Маркъ и откровенно сознается ей относительно дивана: „а я уже, прызнаться, на его свои очи такъ и пасу"!...

С. П.

Дѣтскій Эдемъ до вкушенія плода отъ древа познанія добра и зла [1]).

(изъ дѣтскаго міра деревенскаго мальчика).

Кромѣ дѣда Кирилла Середы, разсказывавшаго намъ сказки героическія, волшебныя, мифическія и сказки новаго творчества народнаго: разсказы, были и небылицы, бытовыя и семейныя,—дополняла знакомство наше съ народнымъ міровоззрѣніемъ и баба Марця Оверчиха своими разсказами о вѣдьмахъ, вовкулакахъ, марахъ, святой Пятныцѣ-дѣвѣ, о твореніи земли и людей Богомъ и діаволомъ.

Старенькая, сгорбленная, *тихомовная*, но не шавкающая бабуня Марця Оверчиха, чуть заслышитъ звонъ колокола, плетется къ церкви, опираясь на карлючку, съ конца села и послѣ вечерни непремѣнно зайдетъ къ намъ на ночь, дастъ намъ, если дѣло бывало осенью и зимою, по румяному яблочку, а весной и лѣтомъ по пирожечку съ горохомъ, и обласкаетъ насъ, гладя по головкѣ. Мать всегда радушно принимала эту старушку на ночь.

— „Чы перелякъ выкачать дытыни, чы прыстритъ змовыты, чы бышыху спалыть порохомъ, чы зубы замовыть, то вже ни одна баба не була помищнійша одъ Марци“, сказала мнѣ мать, когда я заговорилъ съ нею объ этой бабѣ.

— „Ото тилько якъ хто запорушыть око устюкомъ съ половы, то вона не сдатна була помогты. Тутъ уже найлучше вылызувала языкомъ устюкъ зъ ока баба Шахраиха пьяныця.

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1894 г., № 12.

А якъ мени въ Васылевци на хрыстынахъ „данни" (отрава) далы и я чуть не вмерла на 3-й день, то нехай іи душа царствуе въ неби—идна тылько Олена Кутова одратувала мене: дала мени съ чобота напыться жаборыння, того що пидъ млыномъ на води сяе разными цвитами якъ жиръ (кажется, бодяги), а баба Марця, що ни видмовляла, не помогло".

Мать, когда уѣзжала на ярмарку съ отцемъ или же въ гости къ роднымъ, всегда приглашала бабу Марцю „постерегты хату отъ цыганъ", часто шлявшихся по селу, и присмотрѣть за нами дѣтьми. И баба знала, чѣмъ насъ занять—„забавыть". Принесетъ намъ подсолнечныхъ сѣмянъ, усадитъ насъ вокругъ себя, накинетъ на себя кожушокъ и разсказываетъ намъ чудныя исторіи.

— „А знаете, дитки, де взялыся горы крути та высоки, яры довги, та глыбоки и чого люды таки не гарни, та гришни?"

— „Розскажить, бабуню, розскажить.

— „О то идного часу зробылы Господь землю ривнесеньку, та гладесеньку, всю въ садочкахъ та въ квиточкахъ. А діяволови й соби захотилось зробыты таку землю. Але скильки винъ не мурдувавсь, ничого не мигъ зробыты. Отъ прыходыть винъ до Господа, та й просыть: Господоньку! поможить мени землю зробыты! А Господь ему й кажуть: Леты ты, сатано, на край свита, пирны ты глыбоко на дно морське, ухваты въ жменю земли съ дна, а якъ выйдешъ зъ воды, то розсій ту землю по витру тай кажи: росты земле на Божу славу. Полетивъ діаволъ на край свита, пирнувъ на дно моря, ухватывъ земли въ жменю, ще й не выйшовъ изъ воды якъ сказавъ: росты земле въ мою славу, а не въ Божу, а земля и выплывла зъ руки. Доставъ діаволъ другій разъ землю—выплывла зъ руки, доставъ винъ и третій разъ и такъ само сказавъ: росты земле въ мою славу,—земля и третій разъ выплывла зъ руки. Тогди догадався діаволъ якъ взяты землю, щобъ не выплывла. Пирнувъ ще разъ у море, доставъ самаго дна та й ухватывъ земли й писку въ ротъ. Теперь не втиче земля зъ рота. Выгулькнувъ на свитъ, та тилько що промовывъ: росты земле на славу діаволову; а земля й почала росты: набыла ему повну пащу й живитъ. Якъ

занудыло ему, то винъ раззявывъ пащеку та й давай блюваты; летыть та блюе, летыть та блюе, та й понабливувавъ оти горы высоки, а де вже дуже цуркою перло пидъ груды и винъ падавъ до земли, та качався животомъ, бывся руками й ногами, то тамъ повыбывавъ долыны и яры глыбоки. Такъ винъ всю Божу гарну землю спаскудывъ горамы та ярамы".

— „А якъ зробылы Господь небо й землю и освитылы іи сонцемъ, то взялы въ руки глыну, мисылы іи, липылы, та й вылипылы чоловика и жинку, та й положылы ихъ противъ сонця, щобъ воны обсохлы трохи, а сами пишлы въ рай трохи спочыты, а дьяволъ тынявся соби по свити, та й наткнувся на людей. Дывытся на ныхъ, аже воны таки гарни, таки гарни на уроду, якъ янголы, хоть воды зъ ныхъ напыйся. Жаль стало дьяволови отъ завысти, що воны таки гарни, а винъ такій чорный, поганый. Ажъ слезы выступылы у него. Обійшовъ винъ навкруги людей, подывывся, скрывывся, та взявъ и обблювавъ людей. А Господь якъ разъ на ту пору надійшлы до нихъ. Якъ глянулы на людей, та ажъ у долони сплеснулы. Ай! що жъ це ты наробывъ, сатано?—А нащо жъ ты ихъ такимы гарнымы дуже поробывъ?.. Ото Господь взялы та й выверпулы людей нутромъ на верхъ, а лыцемъ у середыну. Черезъ те, що вывернями то теперь люды не таки гарни, а погани, а черезъ те, що дьяволъ обблювавъ, то въ середыни въ чоловикови сморидъ есть. Ничого робыть. Взялы Господь людей, та й намочилы ихъ на симъ недиль въ помыяхъ, щобъ выкыслы зъ ныхъ грихи. Якъ выкыслы грихи, Господь просушилы ихъ противъ сонця, а потимъ дмухнулы и сталы люды живи. Ото Господь прозвалы чоловика Адамомъ, а жинку Евою и далы чоловикови заступа и ципа, а жинци кужеля й веретено, щобъ воны соби жилы въ раю и працювалы. Отъ идного разу выйшлы Господь зъ Адамомъ ораты, сами сталы за плугатора, а Адама поставылы погонычемъ. Въ пивъ-дня Господь спынылы плуга и сказалы: „Адамъ, выпряжи волы съ плуга на полудень; нехай трохи попасуться, а я трошки спочину пидъ деревомъ. А ты гляды, не спы, пополуднай самъ, попасы и напій худобу и, якъ сонце зверне съ полудня, розбуды мене". Адамъ добре пополуднавъ,

походывъ трохи за худобою, потимъ прысивъ пидъ кущемъ, схылывся на руки та й заснувъ. Колы Господь прокидаются, зыркнулы на небо, ажъ сонце геть-геть надъ вечиръ опустылося; а ни Адама, ни воливъ нема. Адаме, говъ! гукають Господь. Де тамъ!? И слуху нема! Кынулысь Господь до кущивъ; а Адамъ уклався пидъ кущемъ, та й спыть, ажъ хропе. Тогди Господь его гыстыкомъ, гыстыкомъ разъ, другій ударылы та й кажуть: прокляте жъ ты створиння, спаскужане дыяволомъ, неслухляне таке, якъ и винъ, не годне ты житы зо мною въ раю, Иды жъ соби къ бису. Та й выгналы Господь зъ раю людей."

— „Отъ защо то Богъ прогналы зъ раю людей,—за непослушенство; а вашъ тато казавъ мени, що за яблучко, прибавила отъ себя бабка Марця,—неправда его".

— „Бабуню, роскажить за святу Пятныцю, якъ вона на коноплынци сыдила и писеньку спивала!"

— А вамъ, дитки, ще не надоилы мои казки? Васъ хоть хлибомъ не годуй, тилько казки кажи:

— Кажить, бабуню, кажить Пятныцю!

— Добре, мои диточки, скажу вамъ мои квиточки, тилько слухайте.

„Була у мене сосидка, стара дивка, Божиха, прошлый рикъ умерла. Нехай Богъ дае ій царство, та панство. Нездужала була, ще й калика до того—горбата. Нихто іи не сватавъ. Такъ бидна и постарилась и вмерла дивкою. Осталась вона маленькою въ брата сыротою безъ батька, безъ матеры. Горе ій, несчастній калици, було въ брата. А якъ умеръ братъ, то одъ невистки и житья ій не було: хоть беры, та умирай, та тилько Богъ смерти не дававъ. И сяка ты, и така ты, и дурна, и калика, и огыда, и ледащо, за кусокъ хлиба не варто тебе трымаaты, ни якого пуття не перейдешь; чого - чого? ще й прясты не судна. А де ты въ лыху годыну выдерлась на мою голову? Чомъ тебе твоя клята маты въ купели не втопыла? Отъ, що людьске, та добре, то й умирае, а отъ-таку погань то й трымае жъ Богъ на свити на хоробу, на стогноту, та на нудьгу людьску. А Божиха, хоть бы тоби очерныла, хоть бы тоби обилыла, хоть бы пару зъ устъ пустыла, а ни пыкне; мовчыть и рота не

раздзявыть; тильки дрибными слизьми обильется. И никуды було ій обзыватысь. Було почне вона вечеру варыты, то невистка зъ неи воду варыть; то на що такого велыкого крутиня соломы вклала въ пичь, то чого въ тебе погасло въ печи, то чого въ тебе палахкотыть у печи, то чого въ тебе сбигае окрипъ, то чому не помишаешь? Зовсимъ зибье іи съ толку. Илаче бидна дивка, за слизьми свита Божого и горшкивъ не бачыть, не разъ и перекине горшки въ печи, а то и изъ рукъ пустыть, бо вже ій и свитъ не мылый и земли передъ собою не бачыть, та й зачепыть ногою и перекыне або кухлыка, або цебрыка, а то й на курча наступыть. Бида тогди, хоть заразъ лягай въ домовыну. Ото тогди тилько й свита - сонця, якъ пиде невистка на панщыну, а іи покине съ дитьми. Не було ій до кого прихылытысь, не було іи кому пожалуваты,—идна на всимъ свити. То вона було горнется серцемъ до дитокъ братовыхъ: вона ихъ поськае, головки имъ змые, поросчисуе и позаплитае ще й квиточками убере и пообтирае и пообшивае и казочку имъ скаже; и любылы дитки титку, було завше гурточкомъ коло неи труться: и титочкою, и голубочкою іи звалы. Идны дитки тилько й трымалы іи на свити. Але й за це ій життя не було одъ невистки".

„Разъ въ осены, якъ и що року, прынесла невистка зъ двора митки, щобъ напрясты тальки нытокъ пани.

— Гляды жъ мени, суко,—пряды, та ривно безъ узливъ и тонко, на двадцятку и скоро, бо якъ не напрядешь, то я тоби й твои чорни кудели зъ головы обирву и руки тоби повыкручую. И Бога не просы; не жытымешь на свити".

„Сыдила бидна калика пидъ куделемъ що вечера и по цилымъ ночамъ пряла и окомъ не стыкала, пряла, пряла та все Богу молылась. Богъ іи знае, колы вона й спала. Вже вси жинки пооносылы до пани тальки, а вона ще не кончыла. Клыкнуть до пани осавулы братову. Кынулась братова съ кулаками до дивкы, та осавула съ кіемъ не давъ іи быты. Заскреготала зубами братова, та й повелы іи до пани. Тамъ далы іи пятнадцять ризокъ".

„Божиха сыдыть пидъ куделемъ ни жива ни мертва: и руки іи трясуться, и веретено падае зъ рукъ, и нытки рвутся и засо-

туються, тилько губы шепчуть: Маты Божа, Матинко Пречиста! пошлы мени смерть, вырвы мене зъ-видциль".

„Колы вбигае менша небога въ хату, сплеснула въ долони и кричыть: ой, титочко, ховайтесь, ой титочки, втикайте. Маты роспатлани летять, на все село крычать: убью, убью гадыну".

„Божига и зъ миста не рушыла, тилько веретено заколило въ рукахъ, захолола вся, кругли очи зробылысь и въ двери впылысь, хоть бы тоби слизка скотылась".

„Ажъ гракнулы синни двери и съ бигуна вырвалысь. Влетила зъ репетомъ братова въ хату, косы съ пидхустки выбылысь, осатанила. Ой сокиру, ой сокиру дайте! Ухватыла рогачи, та по голови, по голови Божиху, звалыла на землю, та ногами давай іи мисыть и пидъ груды и въ живитъ, ажъ поки сама не звалылась зъ нигъ. А потимъ взяла іи не жыву та й выволокла на дорогу, а потимъ и шмаття іи повыкидала на улыцю".

„Диты съ початку съ переляку було въ крыкъ, та въ плачъ. А маты якъ блыснула на ныхъ очима, якъ крыкнула: ой мовчить, бо поимъ и васъ, то воны поставалы въ куточкахъ, та й остовпилы и руки имъ позаклякалы".

„А на улыци диты и жинки обступылы прибыту калику и кленуть на чимъ-свитъ стоить іи братову".

„Очумалась калика, повела навкругы себе очима, на сылу пидволоклась на ноги, та й поплелась по дорози".

— „Куды ты теперь пидешь, Явдоха", пытають іи жинки, бо знають що нема до кого. Вона всимъ чужа чужаныця. Куды жъ ты йдешь? допытуются цикави. Въ тебе жъ ни батька ни матеры нема, тилько й роду й плоду, що братова".

— „До матеры, тыхо черезъ слезы обизвалась несчастна".

„Де-хто засміявся, де-кому жаль стало, а мене такъ за сердце сципыло, що й слова промовыть не можна. И я рано безъ матери осталась, мачуху мала и не разъ мовчки слезы ковтала".

„Иды до мене, Явдоню, сказала я ій. Пидняла вона на мене очи, подывылась на мою слезу, а дали якъ ухватыть мене за руку, якъ почне циловаты.

— Сестро ты моя, матинка моя, та й заголосыла; та такъ тяжко, та такъ голосно, що я и вси жинки росплакалысь.

„Осталась вона у мене. Тилько де дальше гирше каличіе и нездужае. Вона й хвылыны даромъ не посыдить, тилько спору нема въ роботи. А чоловикъ мій, а ніякъ не мае на неи добраго ока. Все исть мене, та й исть: де ты выдерла оцю прычепу, прожены іи; вона тилько дармо хлибъ псуе".

„Богъ съ тобою, кажу я, грихъ тоби це казаты; вона жъ на тыжни тилько пять днивъ исть, а въ середу и въ пятныцю и крыхотки въ ротъ не бере; робыть якъ тилько може, та середъ ночи тилько Богу молытся. Може вона й за насъ Бога умолыть".

„Отъ давъ Богъ Велыкдень. Несу я паски святыты до церквы".

— Моя матинка! Чого я васъ буду просыты! Вкладить межъ свои паски оцёго очкура, нехай пипъ посвятыть съ паскамы.

— Семилитній? пытаю іи.

— Семилитній!

— До чого це ты такъ робышь? Видьму хочешь зловыты? Ой, не грайся зъ огнемъ.

— „Не сылуйте мене сказать, не пытайте. Взяла я того очкура, посвятыла. Якъ взяла вона того очкура, то такъ зрадила, якъ ридну матирь побачила, ажъ перехрестылась".

Примичаемо мы съ чоловикомъ, що Явдоха противъ пятныци николы не спыть, а кужеля съ веретеномъ ставыть тамъ де пряла, протывъ викна и всю ничь голову поднимае и дывытся на кужеля, та все тыхенько Богу молытся и щось довго въ рукахъ тримае. Иднои ночи, якъ перши пивни заспивалы, прокынулась я, протерла очи, глянула на викно, а мисячна була ничь, хоть голки сбирай, та ажъ дыво мене взяло: сыдыть дивка пидъ кужелемъ, пряде, та такъ швыдко, що веретено й сокоче й гуде.

— А що це ты робышъ, безъ свитла прядешь?

— А вы й не спыте? Охъ, матинко моя, якажъ я теперь счастлыва, такъ якъ допиру на свитъ народылась.

— Це жъ чого таки така счастлыва та весела? пытаю я.

— Хиба жъ вы не чуете, хиба жъ не бачите, якъ у мене веретено въ рукахъ ходыть. Аже-жъ мене свята Пятонька научила прясты.

— Колы, якъ? дывуюсь я.

— Якъ полягалы вы спаты, то и я лягла, тилько не спала, Богу молылась, на кужель дывылась, та очкуръ на поготови трымала. Такъ мене научыла робыты стара баба Тураньска передъ своею смертью. Колы, якъ вы вже добре поспалысь, ажъ захроплы, мени чогось сердце тёхнуло, ажъ духъ затаився, неначе хто дверыма злегка стукнувъ, зыркнула я на двери, а мини й духъ затаився и серце похололо: стоить дивка коло дверей, вся въ бындахъ, та въ квиткахъ та й дывытся на мене. Я прыплющыла очи, буцимъ сплю. Ажъ дивка сунется, сунется блыжче до мене та й сила на лавци коло кужеля, взяла веретено та й почала прясты. Та такъ же то пряде, швыдко, такъ гарно посукуе нытку, та такъ же то шарне долонями веретено, що воно ажъ до порога дойде, та все крутытся, а вона тилько ливою скубе ленъ, а правою посукуе. А ноги іи стоялы, якъ разъ коло моихъ рукъ. Я тыхесенько обвела очкуромъ іи ногу, та й зашморгнула на пряжку, а сама вже й не боюсь, сила. Злякалась свята Пятонька, ажъ затряслась, та й давай просыться у мене, щобъ я іи пустыла. Мени іи й жаль стало, але я держу и кажу.

— Не пущу.

— „Пусты, моя дивонько, пусты, моя пташенько, що хочешь тоби дамъ, тилько пусты мене; ажъ слезы покотылысь іи на фартухъ.

— Не хочу я одъ тебе, свята Пятинько, ничого, тилько научи мене такъ прясты, якъ сама прядешь: бо горе мени велыке, сырота я, чужа всимъ, та ще й калика. Идна мука, а не життя мени. Пожалуй мене, свята Пятинко, будь мени матинкою.

— Сидай же ты до кужеля, каже вона мени.

— Не кидаю я зъ рукъ очкура, сидаю, беру веретено въ другу руку, почала прясты, та й зъумилась: сама своихъ рукъ не пизнаю.

— Будешь же ты прясты одъ ныни и до вику, до смерты. Не народылась ще та дивка, або жинка, або й баба, котра бъ лучше одъ тебе пряла. Тилько шануй святу пятныцю, не пряды тогди.

„Сказала це, та й не знать де дилась и дверы не скрыпнулы и очкуръ у моій ливій руци зостався“.

— „А я такъ зрадила, такъ стишылась, що и сміяться и плакаты разомъ хочется и одирваться не можу одъ кужеля; отъ и говорю зъ вами, а веретено само крутытся въ рукахъ. Дывиться, отъ и незоглядилась, якъ пивъ починка напряла“.

Съ того часу зовсимъ не та дивка стала. И весела, и сміется, и писеньку злегка затягне, и говорлыва стала; а вже якъ сяде за кужель, то Богъ іи знае, де въ неи той спиръ въ рукахъ берется. Не разъ посбираются сосидки, посkладають руки, тай дывлятся, забудуть зачимъ и прійшлы. И така добра була, хоть до раны іи прикладай. Якъ дочулась про це дыво Божышина братова, то ажъ въ лыци зминылась, позеленила. „Не жива я буду, каже, колы я іи не страчу зъ свита. И якъ начала та іи братова увыватысь коло мого чоловика, то мій чоловикъ заходывся коло мене, щобъ я іи прогнала зъ хаты.

— То не Пятныця іи научыла прясты, а нечыста сыла, бо вона (Божиха) видьма. То ще й тебе чымсь очаруе. И поидомъ ивъ мене, якъ иржа securityзализо, пока я іи, надарывши полотномъ, не одправыла. Але іи вже горя не було, бо іи, якъ незвычайну прядку, вси багачи просылы до себе иты за прядку. И вона съ хаты въ хату й переходыла прясты. И вже й грошы въ неи завелыся“.

Подъ вліяніемъ жизненной религіозности отца и читанныхъ имъ житій идеальныхъ святыхъ людей, подъ поэтическимъ вліяніемъ мифическихъ и героическихъ сказокъ и былей и небылицъ дѣда Кирилла Середы, сказаній и вѣрованій народныхъ бабы Марци и моей матери, при непосредственной близости съ богатою чарующею украинскою природою, въ связи съ беззаботностію и жизнерадостностію дѣтскаго возраста, строилось наше дѣтское поэтическое міровоззрѣніе и расширялся крошеч-

ный, но полный чудесъ, горизонтъ нашего вѣдѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта нетрезвая атмосфера, полная фантастическихъ грезъ, наложила печать туманности съ сильной игрой фантазіи на складъ нашего дѣтскаго мышленія. Даже и теперь моя мысль съ трудомъ прозрѣваетъ реальную правду жизни сквозь густой туманъ опьяняющей фантазіи и болѣзненныхъ мечтаній. И потому самому мнѣ приходится переживать то восторги вѣры въ кажущееся мнѣ добро, то горькія, мертвящія муки—боли разочарованій въ себѣ, какъ въ праздномъ, бездѣльномъ мечтателѣ, расходующемъ душу и сердце свое на процессы мышленія, на фантазированія, а на самомъ дѣлѣ не берущемся ни за какое дѣло. У меня вѣдь только и дѣла, что упиваться мышленіемъ о безплодности и ничтожествѣ собственнаго моего мышленія, только и дѣла, чтобы и въ другихъ людяхъ по застывшимъ складкамъ на ихъ лицахъ, печатямъ найболѣе постояннаго состоянія ихъ души, наблюдать ту же драму мысли и дѣла, ту же муку жизни. И не диво, если голова моя и до сихъ поръ страдаетъ похмѣльемъ послѣ опьянѣнія въ дѣтствѣ гашишемъ фантастическихъ воззрѣній на міръ. Вѣдь наши дѣтскія умишки не умѣли отличать реальной жизни отъ сказочной и вполнѣ вѣрили, что всѣ эти сказочныя чудеса были въ дѣйствительной жизни только немного ранѣе насъ, а именно „за царя Горошка, когда было людей трошки“. Тѣмъ болѣе, что почти чрезъ все дѣтство впечатлѣнія реальной жизни, получаемыя днемъ, смѣнялись впечатлѣніями фантастической жизни, изображаемой намъ вечеромъ и ночью сказками. Такъ что, оглядываясь назадъ за 35 лѣтъ въ свое дѣтство, я вижу себя живо мальчикомъ, голова котораго полна самыхъ фантастическихъ грезъ, который вчера еще вечеромъ и ночью леталъ за тридевять земель въ тридесятое царство, боролся съ змѣемъ, освободилъ царевну, былъ царемъ, былъ мудрой дѣвкой семилѣткой, питался акридами и дивіимъ медомъ, ходилъ подъ палящими лучами солнца въ песчаныхъ пустыняхъ и скалахъ вмѣстѣ со святымъ пустынникомъ, видѣлъ видѣнія ангеловъ, бесѣдовалъ съ Богомъ и предвкушалъ райскія сладости, гдѣ-то безгранично высоко за синимъ небомъ въ новомъ Іерусалимѣ, стѣны котораго изъ до-

рогихъ самоцвѣтныхъ каменьевъ—и за стѣнами райская чудная зелень, переливающаяся всѣми цвѣтами радуги съ прозрачными, румяными съ дивнымъ ароматомъ яблоками, какія держитъ въ ручкахъ мой маленькій *билявенькій братикъ Петруне*, покоящійся на травкѣ у ногъ Божіей Матери. Такое непомѣрное преобладаніе фантазіи и сильнаго воображенія въ процессѣ мышленія въ самомъ раннемъ дѣтствѣ сдѣлало изъ меня то, что я съ 10 и до 20 лѣтъ въ училищѣ и въ первыхъ классахъ семинаріи говорилъ своимъ товарищамъ сряду по нѣсколько часовъ самыя фантастическія сказки и своихъ маленькихъ и большихъ слушателей приводилъ то въ отчаяніе, то въ дикій восторгъ подвигами своихъ импровизированныхъ героевъ. Тою же дорогою шли и братья мои. Слишкомъ большое развитіе фантазіи не помѣшало, впрочемъ, ни одному изъ моихъ братьевъ быть одними изъ первыхъ и первыми учениками въ училищѣ и горячими любителями своего дѣла и дѣятельными въ жизни.

Но за такое уродливое мышленіе, склавшееся подъ вліяніемъ такихъ деревенскихъ воспитателей и мудрецовъ, какъ мои родители и дѣдъ Кирилло съ бабой Марцей, мы не только теперь въ зрѣлой порѣ жизни, но и въ самомъ раннемъ дѣтствѣ дорого расплачивались. Бѣда намъ была ночью. Уже и дѣдъ Кирилло ушелъ отъ насъ, и отецъ уснулъ, и мать надъ „колыской" задремала, и мы давно спимъ, и казалось бы некому разсказывать сказки, а между тѣмъ наши головки разсказывали намъ по цѣлымъ ночамъ чудныя сказки, заставляли насъ сквозь сонъ смѣяться, хохотать, плакать, вставать съ постели и выбѣгать на улицу,пока мать не перехватитъ въ дверяхъ, разбудитъ и уложитъ снова спать.

Разъ, живо и до сего дня помню, осенью передъ заходомъ солнца мать оставила насъ однихъ въ хатѣ, а сама съ заступомъ и коробкою въ рукахъ пошла копать картофель на ужинъ. Въ хатѣ уже было холодно; солома для топки лежала среди хаты, и я съ братомъ постлали рядно на соломѣ, легли и укрылись кожухомъ, думая задремать, пока мама воротится съ ого-

рода. Солнце косыми лучами пробилось сквозь окно и освѣтило печь у порога. Я долго смотрѣлъ на игру солнечнаго луча между дверью и печкою и уже началъ дремать, когда мнѣ послышался скрипъ двери. Я открылъ глаза; у меня сердце отъ испуга перестало биться,—на солнечномъ отраженіи сталъ человѣкъ на курьихъ ножкахъ.

— Я твоего брата зъимъ—говоритъ онъ мнѣ.

— А не дождешь! Ось мама заразъ прыйдуть.

Ужасный человѣкъ подходитъ ближе, хватаетъ брата своими когтистыми руками, но не успѣлъ онъ поднесть брата ко рту, какъ я моментельно схватилъ его за куриную ногу, переломилъ ее и кричу:

— Кгвалтъ! Рятуйте! Рятуйте! Хто въ Бога вируе!—Мать съ испугомъ соскочила съ постели ко мнѣ, креститъ и спрашиваетъ: що тоби сыну?—Вырывайте скорише Ваня, бо чоловикъ съ курячымы ногамы зъисть его.—Богъ съ тобою, сыну! Ванё спыть. Спы й ты, сыну! И разорвала тотчасъ мать пазуху моей рубашки, „щобъ перелякъ одійшовъ одъ мене“. Я пробудился, смотрю,—ночь, никакого человѣка нѣтъ въ комнатѣ, братъ и всѣ спокойно спятъ, кой-кто и храпитъ.

Это дѣтское сновидѣніе, какъ и много другихъ, память живо хранитъ съ четырехлѣтняго моего возраста и до сего дня. Кромѣ сновидѣній, какъ послѣдствій вліянія сказокъ на воспріимчивую душу дитяти, живо помню изъ того же ранняго дѣтства и нѣсколько чрезвычайныхъ случаевъ, бывшихъ со мною на 4-мъ году жизни. Такъ, помнится чрезвычайно живо моя борьба съ индѣйскимъ пѣтухомъ, окончившаяся для меня бѣлой, или нервной горячкой. Мнѣ часто приходилось вести отчаянную войну „съ поповыми гындыками“. Заберутся они въ наше подворье къ корыту, и я тотчасъ выбѣгаю и кричу: здравствуйте, ребята! Гулу, гулу, гулу—моментально всѣ индюки отвѣчаютъ мнѣ разомъ, точь-въ-точь какъ на такой-же привѣтъ офицера отвѣчали солдаты, обучавшіеся въ ту пору (передъ крымскою войною) какъ разъ противъ нашего дома. Послѣ такого обоюднаго привѣта я кнутикомъ разгонялъ индюковъ, но одинъ индюкъ погнался за мною и сталъ кусать мои открытыя

ноги (а я тогда бѣгалъ еще въ одной рубашенкѣ), и между мною и индюкомъ завязалась борьба не на животъ, а на смерть: я переломилъ ногу индюку и все-таки съ неестественнымъ крикомъ и съ ужасомъ долженъ былъ бѣжать съ поля битвы, когда бросились на меня всѣ остальныя куры. Этотъ испугъ не прошелъ мнѣ даромъ. Я схватилъ нервную горячку и, какъ разсказывала мнѣ впослѣдствіи мать, въ бреду я прятался отъ индюковъ къ отцу, къ матери, подъ кровать и убѣгалъ въ дверь съ дикимъ крикомъ: „ой, гындыкъ съ кышкою догоняе". Въ безсознательномъ состояніи я пробылъ нѣсколько недѣль, пока, наконецъ, живо припоминаю теперь, показалось мнѣ, что лежу въ церкви—въ самыхъ Царскихъ вратахъ, а отецъ беретъ оливу изъ лампады, висѣвшей предъ образомъ св. Митрофана Воронежскаго и мажетъ мнѣ грудь. Въ эту минуту сознаніе воротилось ко мнѣ, и я дѣйствительно увидѣлъ отца, мазавшаго мнѣ грудь отъ той лампады, но только увидѣлъ, что я лежу не въ церкви, а дома.

Объ одномъ событіи изъ болѣе ранняго дѣтства, изъ безсознательнаго періода моей жизни на 2 году, припоминалось мнѣ только во время сна, и то только тогда, когда положеніе моего тѣла вызывало состояніе кошмара. Кошмаръ, который душитъ человѣка, какъ передавали мнѣ многіе, и заставляетъ его метаться во всѣ стороны до самаго пробужденія, представляется многимъ въ видѣ кошки, сидящей на груди человѣка и впивающейся когтями въ горло и душащей его. Но меня кошмаръ не душилъ, а преслѣдовалъ по пятамъ въ видѣ веретена, съ черными суконными нитками, бѣгущаго за мною. Я, что есть силы, убѣгалъ отъ него вокругъ дома, пока, наконецъ, не ставало силъ дышать и сердце готово было разорваться, а крикнуть—ни малѣйшей возможности; наконецъ, дошедши до крайняго напряженія силъ въ бѣгѣ, я въ полномъ изнеможеніи падалъ, веретено наскакивало на меня, и тутъ только въ смертельномъ ужасѣ я дико вскрикивалъ и пробуждался весь въ поту, съ такимъ сильнымъ и скорымъ біеніемъ сердца, что оно, кажется, готово было выскочить. Только нескоро впослѣдствіи я объяснилъ себѣ,

почему кошмаръ мучилъ меня въ видѣ преслѣдующаго меня чернаго веретена. На второмъ году жизни, какъ нерѣдко разсказывала мнѣ мать, играясь возлѣ бабы прядки, я соскочилъ съ лавки на полъ и упалъ подбородкомъ на веретено, спущенное бабою на землю и быстро крутившееся. Веретено пробило мнѣ подбородокъ и поранило языкъ. Баба, сидѣвшая у кужеля съ черною шерстью, моментально вырвала веретено изъ подбородка и брызнувшую кровь „замовыла“, какъ говоритъ мать. Я тотчасъ отъ перепугу заснулъ. Прибѣжалъ сосѣдъ, сказалъ прикладывать холодную воду къ ранкѣ; но когда я проснулся, ранку какъ рукой сняло, а на мѣстѣ ранки остался красный знакъ, какъ будто блоха укусила.

Съ той поры и до 17 лѣтъ, если только положеніе моего тѣла во снѣ было неудобно и вызывало состояніе кошмара, то послѣдній не иначе мучилъ меня, какъ въ видѣ крутящагося вокругъ себя и преслѣдующаго по пятамъ меня съ черными нитками веретена.

Заговоривъ о кошмарѣ въ дѣтствѣ, я припоминаю, что такое угнетеніе духа тѣломъ во снѣ съ 20 и до 30 лѣтъ у меня выражалось иначе. Тогда меня мучило томительное состояніе ожиданія, что вотъ-вотъ профессоръ семинаріи спроситъ меня урокъ, а я не только не выучилъ урока, но и не знаю даже, что задано на урокъ. Это ожиданіе до такой степени мучило меня, что я наконецъ во снѣ убѣждалъ себя, что я уже не семинаристъ, а священникъ и что это ожиданіе не дѣйствительность, а только сонъ. Только послѣ такого напряженія мозга во снѣ я пробуждался.

Кошмаръ въ такой формѣ я объясняю тѣмъ, что въ теченіе шести лѣтъ семинарскаго ученія я одинъ разъ только зналъ урокъ въ зубрячку *на 5*, по семинарской оцѣнкѣ, по логикѣ; а обыкновенно, къ моей искренней скорби теперь, я плохо зналъ все, потому что у меня за шесть лѣтъ не только не было своихъ книгъ, да я полтора года былъ безъ стола и цѣлыхъ три мѣсяца безъ квартиры. Только на четвертый мѣсяцъ декабрьскіе холода и слякоть заставили меня сказать правду отцу, а до той поры я утѣшалъ отца, что имѣю квартиру и мнѣ хорошо; только

снѣгъ заставилъ меня написать отцу, что я къ утру подночевываю на тумбахъ, потому что къ утру огни тушились во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ я по получасу обогрѣвался и переходилъ изъ одного въ другой, куда, впрочемъ, никому хозяева не воспрещали входа, догадываясь, что мнѣ некуда дѣваться.

Когда я припоминаю событія изъ очень ранняго дѣтства, моя память по ассоціаціи идей живо возстановляетъ предъ моимъ умственнымъ взоромъ слѣдующую картинку. Я еще ходилъ въ одной рубашенкѣ и держался за платье матери, когда она взяла меня за руку, повела на погостъ церковный и передъ надгробнымъ крестомъ, грубо вытесаннымъ изъ камня, каковыхъ теперь нигдѣ уже не дѣлаютъ, ломая руки, горько рыдала.

— Чого ты плачешь? спросилъ батюшка, проходившій въ ту пору черезъ погостъ. И ще нема Фылыпа?

— Нема. Отъ уже друга недиля мынула, якъ десь подився.

— Не журысь, вернется. Я чувъ въ Бровкахъ, що винъ пишовъ на Херсонски степы доброго прыхода шукаты.

Впослѣдствіи отъ самого отца я узналъ, что въ концѣ 40-хъ годовъ одинъ изъ дьяковъ сосѣдняго бердичевскаго уѣзда, Здѣтовецкій, кажется, перешелъ въ Одессу и занялъ тамъ, благодаря громадному басу, мѣсто перводіакона въ кафедральномъ соборѣ, а затѣмъ сообщилъ отцу письменно о своей судьбѣ, что и подбило моего отца, не имѣвшаго голоса, „оставить домъ, родъ и отечество и идти въ неизвѣстную землю“ и возвратиться ни съ чѣмъ домой. Но по одному голословному приглашенію товарища отецъ не пустился бы въ такое странствованіе, если бы въ самомъ складѣ душевномъ отца не было какого-то меланхолико-мечтательнаго настроенія, при которомъ онъ не могъ довольствоваться своимъ настоящимъ,—впрочемъ не въ смыслѣ хлѣба, а стремился къ чему-то лучшему, болѣе свѣтлому и отрадному въ окружающей его общественной жизни, вѣроятно подъ вліяніемъ житій святыхъ идеальныхъ людей, о которыхъ онъ говорилъ съ большимъ оживленіемъ, страстностію и восторженностью. Уединенная жизнь въ пустынѣ среди суровыхъ, какъ суровъ самъ пустынникъ, величественныхъ скалъ и мрачныхъ ущелій, эта созерцательная поэтическая жизнь пустын-

никовъ восточныхъ, равно какъ и таковая же жизнь Русскихъ отшельниковъ, бѣжавшихъ отъ соблазновъ міра въ тихія, мирныя пущи среди прекрасныхъ дубравъ у береговъ скалистыхъ величественныхъ рѣкъ и въ дебряхъ дѣвственныхъ темныхъ лѣсовъ, эта суровая, аскетическая, созерцательная жизнь святыхъ великановъ христіанской эры, при величественной поэтической обстановкѣ, съ которою отецъ мой былъ знакомъ по Четьимъ-Минеямъ,—была главною причиною странствованій отца въ Одессу на 27 году отъ роду безъ копѣйки въ карманѣ. Сдѣлавъ 1200 верстъ безъ средствъ, онъ воротился домой измученный тѣломъ, изнывшій душой по женѣ и малымъ дѣткамъ и больше ужъ не рѣшался странствовать, хотя и до послѣднихъ дней своихъ не мирился со зломъ общественной жизни, мучился общественными непорядками, молилъ Бога „о мирѣ всего міра“ и какъ на недосягаемый, но желательный для него идеалъ, смотрѣлъ на жизнь отшельниковъ.

Этотъ мечтательный складъ мышленія моего отца унаслѣдованъ мною въ неменьшей мѣрѣ. А подъ преобладающимъ въ дѣтствѣ вліяніемъ, не реальнымъ, а по преимуществу поэтическимъ, этотъ и безъ того мечтательный мозгъ мой всю окружающую меня природу опоэтизировалъ воображаемыми мною, только въ моемъ туманномъ мышленіи существующими красотами. Несдерживаемое извнѣ реальною правдою окружающей меня жизни мое фантастическое воображеніе доводило меня до галюцинацій,

Я до сихъ поръ съ поразительною ясностію припоминаю случай моего свиданія съ двоюроднымъ братомъ во снѣ, какъ на яву. Ночь была чудная, лунная, и въ нашей хаткѣ такъ было свѣтло „хоть голки сбирай“. Я легъ спать среди хаты на соломѣ. Ясная, чарующая луна мягко, привѣтливо смотрѣла намъ прямо въ глаза, которые впились въ двухъ братьевъ: Каина, вонзающаго вилы въ грудь брата своего Авеля. Долго и напряженно смотрѣлъ я на братьевъ, пока, наконецъ, утомленные глаза не начали смежаться дремотою передъ сномъ. Только что я сомкнулъ глаза, вдругъ слышу — окно задребезжало; стучитъ кто-то и кричитъ: Мышка! Сонъ, какъ рукой, сняло; глаза какъ водой промыты. Голосъ брата Сашки. Смотрю въ окно: онъ. И чудный восторгъ охватилъ меня. Вскрикнувъ отъ радости, я моментально, въ чемъ былъ, выбѣжалъ изъ хаты, протянулъ руки

къ нему и кричу! Саша! Саша! Онъ хохочетъ, скачетъ и кричитъ: лови, лови! И побѣжалъ за ворота. Я за нимъ, онъ далѣе къ церкви; бѣжитъ, хохочетъ, оглядывается, дразнитъ меня языкомъ. Веселый, радостный,—я напрягъ всѣ мои силы, чтобы догнать его, и только что хотѣлъ схватить его за рубашку, какъ смотрю—онъ махнулъ платкомъ и передо мною стала узенькая рѣчка тамъ, гдѣ ея никогда не было, по той сторонѣ рѣчки небывалыя кучи хворосту, а на немъ стоитъ Сашко, высунулъ языкъ и дразнитъ меня: А що, зловывъ?! У меня и руки опустились, слезы брызнули изъ глазъ, и чувство восторга и пламенной братской любви смѣнилось горькими рыданіями. Я любилъ его, какъ никого еще, и во снѣ онъ мнѣ часто снился, и теперь я хотѣлъ его обнять, видѣть, дать ему рябенькаго котика, а онъ.... Саша! Сашка! рыдающимъ голосомъ кричу я, но онъ еще сильнѣе расхохотался, показалъ языкъ, да и былъ таковъ: какъ—въ воду канулъ. Хотя бы еще разъ взглянуть на него! И чувство неудачи и великой жалости сопровождало мое возвращеніе въ хату еще большими рыданіями. Въ хатѣ всѣ спятъ. Но могъ ли спать я?! Сѣвъ на лавку подъ окномъ, я закрылъ лицо руками и неудержимо рыдалъ. Мать пробудилась, успокаиваетъ, напоила холодной водой, отвела на постель; разспросила, въ чемъ дѣло, и говоритъ: то тоби сыну прыснылось. Сашко далеко за Сквирою жыве—одъ насъ 40 верстъ буде. Но такіе доводы ни мало не разубѣдили меня, и много, много лѣтъ прошло, пока я додумался, что свиданіе мое съ братомъ было во снѣ, а не на яву.

Но не только одинъ сказочный фантастическій міръ производилъ сильное впечатлѣніе на мои дѣтскіе мозги, нѣтъ—и реальный, внѣшній міръ съ его ужасами и съ его дивными красотами глубоко отпечатлѣвался въ моей дѣтской душѣ. Я съ поразительною ясностію помню и до сихъ поръ сонъ, все содержаніе котораго исчерпывалось въ созерцаніи мною обыкновеннаго восхода солнца и въ отраженіи косыхъ солнечныхъ лучей на бархатистомъ зеленомъ мху, которымъ, какъ сплошнымъ покровомъ, была покрыта крыша сосѣдняго экономическаго дома. Красота солнечнаго дня, лунной ночи, утра и вечера и величіе картины грозы живо чувствовались мною; и во время грозы, днемъ ли, ночью ли, ни мать, ни отецъ, ни ночныя страшилища въ родѣ мары не могли—завесть меня въ хату: я по цѣлымъ

часамъ простаивалъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ и, какъ зачарованный, созерцалъ величественную и страшную картину грозы. Болѣе всего я приходилъ въ ужасъ тогда, когда видѣлъ ужей, которыхъ въ нашемъ низменномъ селѣ водилось много; выводились, бывало, даже въ хатахъ подъ „прызьбами", тѣмъ не менѣе меня неудержимо влекло чаще и чаще видѣть ихъ. А видѣть было ихъ не трудно въ водостокѣ подъ старой мельницею, въ которой давнымъ давно никто не мололъ, а только, говорили люди, одни черти въ немъ „табаку мололы", отчего то мѣсто слыло страшнымъ мѣстомъ. Меня сильно влекло къ мельницѣ—увидѣть за разъ много ужей, но страхъ и наказъ родителей удерживали меня. И любопытство мое удовлетворено было только во снѣ, когда я увидѣлъ цѣлые клубки переплетшихся между собою гадовъ малыхъ, большихъ и сѣдыхъ великановъ, пищавшихъ, сычавшихъ и грозившихъ мнѣ своими раздвоенными жалами. Засмотрѣвшись на леденящее кровь зрѣлище, я почувствовалъ, что вокругъ моей ноги обвивается змѣя. Въ неописуемомъ ужасѣ я схватилъ змѣю, дико вскрикнулъ и бросилъ ее на землю. Мать перекрестила меня, разорвала пазуху сорочки и, зажегши свѣчу, показала мнѣ, что я вмѣсто ужа схватилъ котенка, спавшаго у ногъ моихъ и бросилъ его.

Ядовитыхъ змѣй, такъ называемыхъ у насъ гадюкъ, я рѣдко встрѣчалъ, и то только въ лѣсахъ и во рвахъ хуторовъ; но ужей, самой разнообразной длины и цвѣтовъ, я сотни видѣлъ и у себя въ сѣняхъ, и подъ завалинкой, откуда разъ выползъ ужъ и обвился холодный, какъ ледъ, вокругъ моей теплой ноги, такъ что я и самъ не оглядѣлся, какъ я его сорвалъ съ ноги и бросилъ, и въ огородѣ, откуда, когда мы носили гарбузы и вѣроятно неосторожно наступили ногой на него, онъ чрезвычайно быстро гнался за нами до самыхъ дверей дома, и въ садахъ, на поляхъ въ снопахъ копенъ ржи, въ хлѣвахъ, въ навозѣ, въ ставку, когда онъ плыветъ. Рѣже же всего удавалось мнѣ видѣть ужей съ золотыми надбровьями, равно и большихъ—аршина въ полтора длины и сѣдоватыхъ какъ-будто поросшихъ мхомъ. Пасъ я разъ на полѣ лошадей отца, сѣлъ на корточки и ѣлъ хлѣбъ, натирая корку хлѣба чеснокомъ. Смотрю,—ниже моихъ рукъ вершка на четыре, между ногъ, спокойно, ничего не подозрѣвая, ползетъ сѣдой ужъ аршина полтора длиною; я не шевельнулся, пока онъ не сползъ въ ровъ, тутъ же аршинахъ

въ двухъ находившійся отъ меня. Я всталъ. Ужъ выползъ на другой бокъ рва, гдѣ была нора вершка въ полтора въ разрѣзѣ, посмотрѣлъ на меня, поднявши голову, засычалъ и, когда я бросилъ на него комомъ земли, быстро спрятался въ нору. Такъ-же рѣдко, какъ и гадюкъ, я встрѣчалъ красивыхъ блестящихъ мѣдянокъ. Послѣднихъ я менѣе всего боялся. Нѣтъ у нихъ этого страшнаго утолщенія, сравнительно съ шеей, головы и этой бѣлой каймы на губахъ, какая есть у гадюки. Мѣдянка блеститъ, какъ самоварная мѣдь; головка у нея маленькая, едва толще шеи; спинка не испещрена пятнами, движенія ея легки и граціозны. Маленькія мѣдянки не имѣютъ желтаго цвѣта,—онѣ черны, съ желтоватымъ отливомъ только при блескѣ на нее солнца. Самые маленькіе куски изрубленной мѣдянки долго еще продолжаютъ конвульсивно двигаться, какъ и ящерицы, что въ меньшей степени наблюдается у ужей и у гадюкъ. О, эти гадюки и ужи ужасны! Я никогда безъ содроганія не могъ смотрѣть на толстую голову съ неподвижными глазами и ужасную пасть съ бѣлой каймой на губахъ у гадюки, какъ никогда безъ дрожи не могъ взглянуть на рябое брюхо ужа, гдѣ цвѣта черный и бѣлый, безъ всякихъ посредствующихъ тѣней, чередующіеся между собою, рѣжуще дѣйствуютъ на зрительный нервъ. Само собою разумѣется, что зрѣлище такихъ необычныхъ и страшныхъ явленій навсегда отпечатлѣвалось въ памяти, и впослѣдствіи, когда я сталъ знакомиться съ животными при посредствѣ книгъ, я съ найбольшимъ любопытствомъ прочитывалъ о своихъ старыхъ ужасныхъ знакомцахъ—змѣяхъ. Равно и въ Зоологическомъ Кабинетѣ Кіевскаго университета я наидолѣе простаивалъ передъ банками со змѣями и передъ удавами. И тогда же, во время каникулъ—дома, я обходилъ самыя недоступныя заросли болота, рвы и лѣса въ погоняхъ за змѣями, нерѣдко убивалъ ихъ, но не смотря на все убѣжденіе въ томъ, что ужъ не ядовитъ, я все таки никогда не рѣшался взять въ руки живого ужа, а носилъ съ собою только „лыновысько“ ужей, т. е. кожу, которую змѣя весною сбрасываетъ съ себя, протискиваясь въ щели между двухъ сучьевъ дерева.

М. Щ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ II.

Документы, извѣстія и замѣтки.

„Отчетъ гласнаго отъ крестьянъ" о первомъ Черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, 1865 г. Помѣщаемыя здѣсь стихи написаны подъ впечатлѣніемъ перваго Черниговскаго губернскаго земскаго собранія (1865 г.) помѣщикомъ Василіемъ Ивановичемъ Лизогубомъ, отставнымъ уланскимъ полковникомъ. Намъ приходилось слыхать, что послѣ В. И. Лизогуба остались очень интересныя *Записки*, рисующія бытъ помѣщиковъ первой половины настоящаго вѣка. В. И. Л—бъ былъ родной братъ Андрея Ивановича Л—ба, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ къ Т. Г. Шевченку.

«Отчетъ гласнаго» полученъ нами отъ г. А. Лотоцкаго, которому и приносимъ здѣсь нашу благодарность.

Въ Черныгови, у земскій ради,
От-се и я бувъ у громади.
Чувъ я одъ дида Остапця,
Що въ Нижыни, якъ Иванця
Колысь въ гетманы выбиралы,
Такъ и шаблюкы добувалы.
А тутъ не такъ було воно.
Теперъ вси буцимъ за одно,—
Де дилась и та пыха панська?
Отъ заразъ голова дворянська
До себе гласныхъ запросывъ,
За стилъ укупи зъ намы сивъ
Тай и обидавъ разомъ зъ намы.
Мы, опынывшысь мижъ панамы,
Булы соби ни въ тыхъ, ни въ сихъ,
Ажъ сумно стало для усихъ,—
Бо говорыть—извистне дило—
Изъ становымъ не будешъ смило!
Но тильки бачымъ, що паны

Зробылысь, наче не воны:
Сажае поровень зъ собою
И гомоныть, якъ я зъ тобою.
Що хочъ спытай, на все, якъ слидъ,
Розумный заразъ дасть отвитъ.
Винъ думку на лету хватае,
Неначе изъ очей читае,
Про що миркуе голова,
И все выводыть на слова.
Сыдилы довго за столомъ,
Пылы и йилы вси гуртомъ.
Стравъ подавалы намъ чы-мало,—
Та, бачъ,—вареныкивъ чортъ-мало,
Ни сала, ни крутыхъ яець,
Ни борщыку, ни паляныць,
Ни пинпои; стаканомъ повнымъ
Насъ гостювали все церковнымъ.
Найилысь добре, напылысь,
Ажъ захотилося кудысь!...
Проспалысь добре на соломи
У жыда въ постоялимъ доми;
Уранци проклятущый жыдъ
Прынисъ и дегтю для чобитъ.
Гарнесенько прычепурывшысь,
Навпакы сонця помолывшысь,
Вже до громады й я попхавсь
И вельмы, дуже дывовавсь.
Що и паны вже повставалы
И до громады поспивалы.
Коштовни кони и рыдванъ,—
Вже выдно, що то йиде панъ!—
А всякому, дывлюсь, звертае;
Поклонышся, такъ прывитае,
Неначе кумъ, якъ родычъ свій,—
Зовсимъ не те, що становый!
Зибралысь у дворянську хату;
Паны мижъ насъ за панибрата;
Де-що роспытують у насъ,—
Нихто й не лаявся ни разъ.
Та й хата-жъ тамъ такои миры,
Що зъ возомъ сина въидешъ въ двери.
Зійшлысь мы, наче на майданъ;
Чого не выдумае панъ!
Тепло тамъ, а немае пичкы.
Ходыть тамъ тилькы зъ непрывычкы
Не вміе нашъ братъ, мужычокъ,

Бо ковзько, наче голощокъ.
Отъ и почалы толкуваты,
Шобъ щось-тамъ „преобразуваты".
У хати дуже загуло,—
Чутно ничого не було;
Хотивъ и я де-що казаты,
Та не зумивъ ніякъ почати.
Къ тому я пану и пидбывсь,
Що на обиди подружывсь.
„Сей рикъ,—кажу,—изъ десятыны
Мы не взялы и половыны,
Бо вся весенняя пора
Була велыкая жара;
Мы жыто перемолотылы
И все мы вже теперъ пойилы,—
То якъ-бы тее..."—Тай замовкъ,
Тай тулюся, неначе вовкъ...
Винъ и гукнувъ, що „просыть слова";
Затыхло все, его вся мова.
Якъ гомониты винъ почавъ,—
Не те, щобъ дуже винъ крычавъ,—
Винъ гомонивъ такъ, що здается,
Неначе ричка буцимъ льется,
И гомонивъ все, якъ съ письма:
„Опасно,—каже,—намъ весьма;
Пры нынишнимъ неурожаи
Народу голодъ угрожае",
Такъ щобъ отто мыныстръ оддавъ
Составывшыйся капиталъ
Изъ збора за сорокъ два года
Для продовольствія народа!
Дворянство дуже загуло,
Ажъ страшно слухаты було!
Воно, якъ справди, росходылось,—
У мене зъ ляку серце былось
Объ ребра, наче молотокъ.
Я заховався у кутокъ
И бачу, що двоихъ послалы,
Щобъ—то на дроти напысалы
Се до мыныстра въ Петербургъ.
Повивъ очыма я вокругъ,
Ось—думаю—бида, тай годи!
Колы-бъ добраться до господы,
Побигты запрягаты возъ.
А по спыни дере морозъ,
Бо той мыныстръ страшенна вова!

Напыше винъ до становогo,
Мене той знайде, чортъ-зна де,
И на мотузци прыведе.
Ны, якъ се пиде за буянство,
Такъ мы вже звернемъ на дворянство.
Соби миркую такъ, а се
Изъ дрота хтось отвитъ несе.
Мынистръ звеливъ забрать намъ гроши.
Отъ председатель-бы хороший
Намъ выйшовъ-бы зъ того панка!
Зійшлась громада безъ дзвонка,
У поясъ пану поклонылась,
Просыла, та не допросылась.
„Нельзя!“—и въ „доказательство“
Якеесь „обстоятельство“
Винъ дуже довго намъ казавъ
Та на другыхъ и указавъ.
Мы на его и позыралы,
Якъ ихъ въ управу выбиралы.
Попавсь туды и нашъ одынъ.
Та якъ-же тилькы вражый сынъ
Теперки губу винъ копылыть!
Никому шапкы не ухылыть!
А я скажу усимъ не въ гнивъ!
Далеко нашымъ до панивъ!
Хочъ якъ нашъ братъ не вередуе,
Такъ языка не нагартуе.
Бо я дизнався, що паны
На кныжкы тіи ихъ одни
По стилькы переводятъ грошей,
Що хутиръ-бы купывъ хороший.
А нашъ, укравшы букваря,
Походыть до паламаря,
Та вже якъ вывчытся „Жаръ-птыци“,
Такъ и берется до столыци.
Побачывшы, що тамъ уси
Байдуже-бы то о соси,—
Такъ и его на пана вадыть;
Ничого й бисъ ему не врадыть.
Забувшы ридъ свій и себе,
По паньски чубъ свій розскубе,
Та ще повыризае полы,
Щобъ пузо зоставалось голе,
И выставляе напоказъ,
Що закрывается у насъ.
Не люльку палыть, а „сыгары“,

Напне на кырпу окуляры
И черезъ сывее стекло
Прыйде дывыться на село.
Усихъ соби за дурнивъ мае,
И батька, й матирь часомъ лае,
Зове себе „передовымъ“,
Братается изъ становымъ.
Погано, якъ пороблять школы!—
То загуляе наше поле.
А сами, справди, вы скажить,
Чы жъ можна намъ безъ хлиба жить?
А вже, якъ сядемъ мы чытаты,
Не будуть и волы ораты
Було-бы латвіе воно,
Щобъ всякый знавъ соби одно:
Козакъ стріляй, чернець постысь,
Правдывый панъ пысьма учысь,
Судья узятокъ не беры,
А посполитыи—оры.

Сообщ **А. Лотоцкій.**

„Нѣчто о древнихъ развалинахъ, находящихся на поляхъ села Василевки, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда [1]).

Отъ города Хорола въ 30-ти верстахъ къ югу, близъ села Василевки, принадлежащаго помѣщику Василію Николаевичу Родзянкѣ, находятся древнія развалины небольшого городища. Мѣстоположеніе городища сего на высокой равнинѣ, внизу онаго въ древности находилась рѣка, гдѣ и нынѣ можно видѣть съ высоты излучистую впадину зеленѣющаго русла; на возвышенной уже равнинѣ видны признаки каменной ограды нѣкоторыхъ строеній и каменнаго погреба. На самой же высотѣ, къ западу, находятся остатки круглаго храма, поросшаго травою.

Въ 1810 году я слегка раскапывалъ едва замѣтный фундаментъ храма сего и нашелъ тамъ карнизные кирпичи, покрытые поливкой разнаго цвѣта: иной карнизъ бѣлой, иной желтой, темнозеленой и кофейной; ребра плоскихъ кирпичей, составлявшихъ стѣны храма,

---

[1]) Съ собственноручной рукописи В. Я. Ломиковскаго, найденной въ его бумагахъ. О. Л—мъ см. предисловіе къ его „Словарю Малорусской старины“, Кіев. Стар. 1894 г., т. 46-й.—Интересно бы знать, сохранились ли слѣды этого городища до настоящаго времени? А. Л.

всѣ вообще покрыты свѣтлобирюзовой поливкой, даже и самая известь, составлявшая кирпичные швы, сплошь покрыта была подобною же бирюзовою поливкой. Я говорю поливка, судя такъ по наружному виду ея. Естли же кто возразитъ на сіе тѣмъ, что поливка производится сквозь огонь, а потому и нельзя покрыть оною огромнаго зданія; въ таковомъ случаѣ можно сказать въ отвѣтъ: приди и виждь. Можетъ быть поливка сія составлялась на подобіе китайскаго лака, коимъ китайцы покрываютъ блестящія черепицы и стѣны каменныя. Какъ бы то ни было, но прочность поливки сей достойна замѣчанія тѣмъ, что она бывъ подвержена морозамъ, зною и мокротѣ дождевой въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, осталась невредима даже и понынѣ.

Древніе остатки храма сего невольно приводятъ на мысль два вопроса: когда былъ построенъ храмъ сей? и какимъ народомъ? Въ историческихъ лѣтописяхъ о храмѣ семъ нигдѣ не упоминается. Нынѣ нѣкоторые изъ тамошнихъ жителей, основываясь на словесномъ преданіи, говорятъ, что это была татарская мечеть. Но судя по событіямъ, нельзя слѣпо довѣрять преданію сему.

Случай изъ гувернерской жизни. *(Страничка изъ исторіи Переяславской Семинаріи за первую половину XVIII вѣка).* Въ первой половинѣ XVIII в., когда наши духовно-учебныя заведенія были не обезпечены въ матеріальномъ отношеніи со стороны правительства (за рѣдкими и ничтожными исключеніями), питомцамъ ихъ, въ особенности же дѣтямъ бѣдныхъ родителей и несчастнымъ сиротамъ, приходилось влачить самую горькую жизнь. Они часто не имѣли куска насущнаго хлѣба и, испытывая мучительный голодъ, должны были прибѣгать къ непривлекательному средству—ходить по улицамъ, испрашивая себѣ христіанской мылостыни. Даже взрослые студенты, и тѣ нерѣдко становились «крохоборцами», въ полномъ смыслѣ этого слова... Какими, слѣдовательно, счастливцами были тѣ учащіеся бѣдняки, которые, по рекомендаціи своего начальства, попадали къ достаточнымъ людямъ въ репетиторы или гувернеры (по тогдашнему— «въ инспекторы») и за свой трудъ бывали накормлены и одѣты! Но и такое счастье (выпадавшее, правда, лишь на долю болѣе талантливыхъ и успѣшныхъ учениковъ), видно, не всегда было въ радость его обладателямъ... Въ видѣ иллюстраціи изложимъ случай изъ

гувернерской жизни, имѣвшій мѣсто въ 1746 году. (*Извлечено изъ архивныхъ документовъ*).

Въ 1745 году войтъ Переяславскаго магистрата Кириллъ Савоновъ обратился съ прошеніемъ къ префекту Переяславской семинаріи, Григорію Гиновскому, объ опредѣленіи ученика Переяславской семинаріи, слушателя школы риторики Михаила Полонскаго «за инспектора» къ его сыну. Просьба была исполнена.

Сынъ Савонова, должно быть, былъ не блестящихъ дарованій и не отличался особеннымъ усердіемъ, а гувернеръ Полонскій, вѣроятно, зналъ внушительное двустишіе, заключавшее собою латино-польскіе букварп того времени:

„Розга, духъ свіентый, косци не пршеломіе,
А розумъ барзо въ глову выгоніе“.

И вотъ 10 іюля 1746 года инспекторъ Полонскій прибѣгъ къ поощренію своего питомца, «вибылъ его розгою»... Войтъ вознегодовалъ на репетитора за его расправу и вечеромъ «приказалъ служителямъ своимъ таскать (Полонскаго) за волосы в ліохъ, гдѣ велѣлъ бить (его) до полусмерти, и далъ вдаровъ плетмы звишше какъ до двохъ сотъ». Напрасно несчастный риторъ кричалъ во все горло; защиты онъ не призвалъ никакой, а лишь еще больше взбѣсилъ войта, который началъ уже давить его такъ, что все «горло обидралъ»... Утромъ на другой день потерпѣвшій Полонскій обратился съ жалобою на войта къ своему семинарскому префекту и съ письменнымъ доношеніемъ къ Никодиму, епископу Переяславскому и Бориспольскому. Префектъ семинаріи, учитель риторики, Григорій Гиновскій принялъ близкое участіе въ несчастіи своего питомца и вмѣстѣ съ своимъ сослуживцемъ по семинаріи, учителемъ поэтики, Симеономъ Прокоповичемъ тоже написалъ прошеніе Епископу Никодиму, всенижайше прося его «сатисфакціи» съ Савонова за его безчеловѣчный поступокъ съ инспекторомъ Полонскимъ, «съ чего Переяславской семинаріи стыдъ и поношеніе воспослѣдовали». (Въ этомъ прошеніи замѣчено было, что еще «и въ прошломъ (1)745 годѣ (Савоновъ) бивъ нещадно (того же Полонскаго), а потомъ просилъ опрощенія его»).

Епископъ Никодимъ въ тотъ же день передалъ дѣло Переяславской духовной консисторіи. Консисторія немедленно учинила «обдуицію» (осмотръ, освидѣтельствованіе) ритора Михаила Полонскаго. При освидѣтельствованіи его оказалось, что «задъ на обѣихъ сторонахъ нещадно побитъ, на коемъ знаки боевые синіокривавые да на горлѣ чтири кривавые ногтми подратые» («а болѣе на немъ ничего

не явилося», замѣчала консисторія). «Съ прописаніемъ обдуиціи» такой, консисторія послала «промеморію» въ полковую Переяславскую канцелярію, требуя отъ нея «безволокитнаго по указамъ суда» надъ войтомъ Савоновымъ.

Что дѣлала по полученіи консисторской промеморіи полковая канцелярія, изъ сохранившихся въ архивахъ документовъ не видно, но изъ дальнѣйшаго хода дѣла можно смѣло заключать, что она привлекла войта Савонова къ слѣдствію на 18 іюля. Савоновъ для смягченія своей вины и избѣжанія отвѣтственности прибѣгъ къ такой уловкѣ. Онъ 17 числа уложилъ своего сына въ постель, какъ тяжко больного вслѣдствіе инспекторскаго вразумленія, и пригласилъ священника градской Переяславской Троицкой церкви Симеона Прохоровича исповѣдать и причастить болящаго св. Таинъ. Этимъ путемъ на слѣдствіи надъ Савоновымъ оказалось, что болѣе потерпѣвшимъ былъ его сынъ, а не инспекторъ Полонскій. Въ такомъ смыслѣ, конечно, и было сдѣлано доношеніе изъ полковой канцеляріи въ духовную консисторію.

Консисторія рѣшила провѣрить свидѣтельства войта и привлекла къ допросу священника Прохоровича. Вотъ тутъ-то и разоблачилась уловка войта. Прохоровичъ 18 іюля «сказкою объявилъ» въ духовной консисторіи, что 17 числа «вполунощи» войтъ Кириллъ Савоновъ присылалъ къ нему своего служителя Левка Тертичника съ приглашеніемъ исповѣдать его сына. Я, говорилъ священникъ, отправился. При чтеніи молитвъ предъ исповѣдью сынъ войта лежалъ. Послѣ исповѣди войтъ сказалъ мнѣ, что сынъ его боленъ «отъ переполоху и побою». 18 же числа, во время благовѣста, войтъ прислалъ ко мнѣ «врадового» человѣка съ просьбою пріобщить его сына св. Таинъ. Когда я прибылъ съ св. Тайнами на домъ, сынъ войта «всталъ съ постелѣ, стоя слышалъ молитовъ и къ тайнамъ божественнымъ приступая безъ всякого поддержанія два поклоны положивъ». А главное священникъ добавилъ, что сынъ войта «13 числа... былъ въ Троицкой церквѣ на литургіи здоровъ на лѣвомъ крилосу пѣлъ». Это окончательно подорвало всякую вѣру въ болѣзнь сына войта отъ инспекторскаго наказанія, и Переяславская консисторія отправила другую промеморію въ полковую канцелярію, прося, чтобы «праведный и безволокитный, какъ указы Ея Императорскаго Величества и Права Малороссійскія повелѣваютъ, дать судъ» надъ войтомъ, за то, что имъ былъ посаженъ «въ ліохъ» риторъ семинаріи Полонскій, «какъ бы какой воръ или разбойникъ», и тамъ «мученъ».

Снова началось дѣло въ полковой канцеляріи, но вскорѣ и замолкло... Видя, что войтъ Савоновъ «удовольствія сдѣлать за безчестіе ни мало склонитися не хощетъ», Михаилъ Полонскій 7 января 1747 года обратился опять съ прошеніемъ къ епископу Никодиму, чтобы онъ, «не допуствивъ къ крайнему посмѣянію» его, Полонскаго, послалъ въ полковую канцелярію «повторную промеморію». На это 16 января въ консисторіи было опредѣлено: «писать къ войту Переяславскому *снисходительно*», чтобы онъ наградилъ Михаила Полонскаго за причиненное ему «увѣче и безчестіе, съ объявленіемъ, что, ежели не укотентуетъ, отправлена будетъ повторная промеморія» въ войсковую канцелярію «о дачи по указамъ суда». 18 числа войтъ Савоновъ увѣдомилъ господъ консисторовъ, что ихъ писаніе онъ получилъ «съ почтеніемъ», и отвѣчаетъ, что, какъ раньше, ученику риторики былъ намѣренъ дать въ вознагражденіе за обиду пять руб., такъ и сейчасъ отъ такого намѣренія не отказывается, потому что «побой не отъ мене, но первѣе отъ его Полонскаго надъ дитиною моею послѣдовалъ»..., «а буди оній Полонскій желаетъ съ мене по командѣ суда зискать, я потому долженъ буду отвѣтствовать»...

Сохранившіеся до нашего времени акты на этомъ обрываются, вслѣдствіе чего трудно гадать, чѣмъ окончился этотъ процессъ потерпѣвшаго репетитора съ договорившимъ его войтомъ. Но и безъ конца онъ достаточенъ, кажется, для нерѣдкой, вѣроятно, въ прошломъ вѣкѣ печальной картины гувернерской жизни...

Д. К. В—скій.

Рождественская вирша въ рукописи XVII вѣка. Въ нынѣшнемъ году въ Волынское епархіальное древлехранилище (церковно-археологическій музей) поступила изъ архива одной изъ старинныхъ церквей ровенскаго уѣзда, волынской губ., рукописная *минея общая*, писанная полууставомъ XVII ст. На листѣ 4-мъ въ ней находится «*Орація Рождеству Христову*:

Христосъ родися въ Вифлеемѣ нынѣ,
Лежитъ во яслахъ убогихъ на сѣнѣ.
Ангели „Слава во вышнихъ“ спѣваютъ,
И на колѣна бидлята впадаютъ;
Звѣзда посельство тое отправуетъ
И до Египту путь показуетъ.
Мы Христу рожденному хвалу отдадѣмо
И на колѣна предъ нимъ упадѣмо.

Христе рожденный, даждь намъ тебе зрити

. . . . [1])

Того я вашмостямъ оповѣдаю,

А Рождествомъ Христовимъ поздравляю.

Сообщилъ О. Л.

Черты народной жизни въ Малороссіи нач. XVIII в. По производству уголовныхъ дѣлъ въ старин. Малороссіи былъ такой порядокъ, что первый допросъ преступника производилъ «урядъ» того мѣста, гдѣ преступника задерживали или гдѣ онъ самъ находилъ нужнымъ явиться къ властямъ. Урядомъ называлось то или другое «правленіе» сотенныхъ или полковыхъ властей. Сотенный урядъ такимъ образомъ составляли: сотникъ, городовой (или мѣстечковый) атаманъ, какъ представитель козаковъ, и мѣстный войтъ какъ представитель посполъства, т. е. мѣщанъ или крестьянъ, съ присоединеніемъ бурмистровъ. Въ полковомъ урядѣ сотника замѣняли полковые чиновники (полковникъ, обозный, судья и т. д.), а остальные городовые атаманъ, воитъ и бурмистръ были тѣ-же самые. Разумѣется, и тамъ и тамъ необходимымъ членомъ уряда былъ писарь. Выслушавъ первое показаніе преступника, тотъ или другой урядъ записывалъ это показаніе въ свои книги, добавляя, что запись эта дѣлается: или «до дальшой памяти», или «до дальшой расправы», или «до уваги высшей власти», смотря потому, какую изъ этихъ формулъ урядъ находилъ наиболѣе подходящею къ данному случаю.

Данныя предъ «урядомъ» показанія обвиняемыхъ записывались большею частью очень подробно, чуть не дословно, сохраняя такимъ образомъ довольно живые разсказы о томъ или другомъ случаѣ изъ народной уголовной хроники.

Приводимъ здѣсь три такихъ разсказа, изъ которыхъ одинъ записанъ сотеннымъ, а два другіе—полковымъ урядомъ.

1. Общественная стража м. Срѣбнаго (Прилуцкаго у.) посѣщаетъ ночью домъ одной изъ мѣщанокъ, у которой собиралась молодежь, и встрѣчается тамъ съ квартировавшими въ мѣстечкѣ драгунами, которые, въ ссорѣ, сильно ранятъ одного изъ обывателей.

Року 1718, октоврія 27 дня. На урядѣ нашемъ срѣбранскомъ, передо мною Антономъ Троциною, сотникомъ сребранскимъ, при

---

[1]) Здѣсь, очевидно, пропущенъ стихъ—вѣроятно, такой:

И одесную въ день суда сидяти.

Грицку Яременку, атаману городовому, при Захарцѣ Бездѣтку, войту, при Ювхиму Луценку, бурмистру, срѣбранскихъ, изъ притомностю иннихъ многихъ общихъ людяхъ, того часу згодившихся, ставши Петро майстеръ тесельскій [1]) прекладалъ, что октоврія 27 числа, ночной добы, драгуне четвертой роти, молодика его теслю, тилько що еще не до смерть, скололи; когда теды мы, урядъ, почали питать зъ якой причины тое сталося, прето Кгадзюра, сторожъ мѣскій, такъ призналъ: того часу стоялъ я подъ шопою [2]) мѣсцкою, Алексѣенко пришовши ко мнѣ, сказалъ: ходимо въ ратушу до асауловъ, пойдемъ зъ ними нецнотъ [3]) ловити. А когда пришлисмо до ратуши, такъ тилко соцкого застали, а асауловъ не было; и пошовши зъ соцкимъ; до Масѣ въ хату, засталисмо каптенармуса четвертой роты, которой разобрался (раздѣлся) и на постели спалъ; и мы ему ничего не чинили, тилько едну нецноту взявши въ хатѣ, хотѣлисмо до ратуши провадити; такъ она стала въ сѣнцяхъ кричати; каптенармусъ вихватившясь зъ хати въ сѣнцѣ, сталъ соцкого и мене, поваливши на землю, бити, а Алексѣенко утѣкъ, бо на дворѣ стоялъ; а потомъ и мы утекли. Питали ми теды, где того часу теслѣ були и где драгуне взялися, поневажъ тилко каптенармусъ былъ въ Масѣ, а драгуновъ не было, зачимъ една нецнота Прикорхайлиха, сказала: драгуне уже напослѣ (якъ приходилъ сторожъ зъ Алексѣенкомъ и зъ соцкимъ) пришли до насъ въ хату и я неуглядѣвши свиты своей за столомъ, почаламъ драгунамъ жаловатися (бо каптенармусъ знова спалъ на постели), що сторожъ бувъ тутъ зъ Алексѣенкомъ и зъ соцкимъ, такъ они гдесь свиту мою взяли, прето драгуновъ два пошли до Алексѣенка, а тамъ мало забавивши, знову до насъ пришли. Прето знову питали мы, якъ туда теслѣ пришли, на що Павло тесля такъ призналъ: пили мы въ Алексѣйки, ажъ два драгуне пришли туда и стали Алексѣенка свити питати, а не опитавши свиты и за чехъ горѣлки выпивши, пошли зъ хаты; а мы трохи напотомъ посидѣвши и подпивши собѣ, пошли отъ Алексѣйки и илучи черезъ мѣсто, обачилисмо що въ Масѣ свѣтится, и подпиліи будучи, пошло насъ трохъ человѣка до Масѣ, еще и тамъ горѣлки пити и пришовши въ хату, застали драгуновъ, которые и почестовали насъ; такъ мы тамъ не-

---

[1]) Тесля—плотникъ.

[2]) Шопа—сарай. Здѣсь разумѣется общественное строеніе, стоявшее на мѣстной площади, въ которомъ хранились пожарныя бочки и друг. общественное имущество.

[3]) Нецнота—публ. женщина.

цнотамъ сказали: дайте и намъ горѣлки; они отказали: немашъ въ насъ горѣлки, и мы стали тимъ нецнотамъ лаяти и пошлисмо зъ хати; а ставши на дворѣ, тимъ же нецнотамъ лаялисмо, мовячи: мы вамъ окна повибиваемъ, же драгунамъ даете горѣлку, а намъ не машъ. Прето драгуне и самъ каптенармусъ, выбѣгши зъ хати, заразъ почали насъ на дворѣ бити: и въ томъ побою, незнать который зъ трехъ драгуновъ, теслю нашего скололь, тотъ же заколотый уже лежалъ, а драгуне мене (мовитъ Павло) стали и палѣчамъ [1]) бити и ногами топтати и якъ сталъ я уже кричати, такъ сторожа мѣсцкая прибѣгла; зачимъ драгуне сторожовъ обачивши, кинулися до палашивъ и погнали здовжъ мѣста, зъ голими палашами, сторожовъ; а каптенармусъ меня бючи остался; теды третій товарищъ мой, который отъ насъ утекъ билъ, обачивши, що драгунъ не машъ, кинулся мене боронити и, вхативши за грудь каптенармуса, сказалъ: за що вы насъ такъ забиваете?—иди ты до нашихъ старшихъ; а тимъ часомъ знову драгуне, которіе за сторожами гонилися, до каптенармуса прибѣгли и стали того товариша бити, же заледво вирвавшися онихъ, утѣкъ. Мы теди урядъ питали знову тоей нецноти Прикорхайлихи, которій драгунъ напередъ до тесель вибѣгъ, бо которій напередъ вибѣгъ, тотъ и теслю сколовъ, прето оная нецнота сказала, що Артемъ Нагаевъ драгунъ на самый передъ съ хати вискочилъ на дворъ. А кгды Павла теслѣ питалисмо, якого власне часу оного теслю сколото, прето онъ сказалъ, якъ скоро якійсь драгунъ зъ сѣнецъ на дворъ выскочилъ, такъ заразъ тотъ тесля сколотый крикнулъ и упалъ на землю, которого еще тотъ же драгунъ и ногами сталъ топтати, а насъ другіе драгуне напали зъ каптенармусомъ зъ тоей же хати вибѣгши, бити. Якую мову такъ сторожовъ и тесель, яко и самихъ тихъ нецнотъ, выслухавши, до далшой расправы велѣлисмо записати.

2. *Показаніе трехъ пойманныхъ конокрадовъ изъ запорожцевъ объ ихъ торговыхъ поѣздкахъ съ сѣчевою рыбою по Малороссіи.*

Року 1722, мѣсяца іюля 18 числа. На урядѣ нашомъ такъ полковомъ, яко и городовомъ прилуцкомъ, предъ нами Михайломъ Григоріевичомъ, обознымъ полковимъ и полковникомъ наказнымъ прилуцкимъ, Григоріемъ Прокоповичемъ, атаманомъ городовимъ, Θедоромъ Малкою, войтомъ, Павломъ Шенкгирѣемъ и Михайломъ Бала-

[1]) Палѣчье—палки.

бою, бурмистрами. Были питани Семенъ Хведоренко, Процко Лисий и Матвѣй Кондратенко, которихъ по прошенію шкодуючихъ кропивянскихъ [1]) людей, козаки прилуцкіе одъ уряду посиланние зъ коими краденними въ степу, у Калинового мосту, подъ Пиратиномъ, зловивши, припроводили въ Прилуку, одкуду оніе родомъ и якъ давно почали бавитися злодѣйствомъ.—Теды впочатку, зъ межи оныхъ, Семенъ Хведоренко признaлъ такъ: родился мовить въ Кобеляку и одтоль зъ роднимъ дядкомъ своимъ Иваномъ Кондратенкомъ, жителемъ мѣстечка Орла, зайшолъ до Сѣчи еще въ малихъ лѣтехъ; и мешкалъ первей въ старой Сѣчи, а потомъ въ новой, въ куренѣ Пашковскомъ, годовъ болшъ двадцати, не виходя нѣкуда, толко еденъ разъ щокгулне виходилъ зъ соллю въ тогобочніе [2]) городи, и одъ того времени доселѣ, нѣкуда не ходилъ, а сего року о святой неделѣ, вишолъ я зъ Сѣчи зъ рыбою, самопятъ. И я продалъ свою рыбу въ Березной, а товарищество не спродавши тамъ риби пошли до Погарѣ; а я изъ Березной знову назадъ повернулся и у Макошинского перевозу, злучившися зъ Процкомъ Лисимъ и Матвѣемъ Кондратенкомъ, козаками тожъ сѣчовими, пошли просто на Борзну, а изъ Борзни прибувши до Ичнѣ, вкрали коней двое, въ людей кропивенскихъ, и зъ оними въ степу, у Калинового мосту, не доездячи Пиратина, зловивши васъ козаки прилуцкіе, припроводили въ Прилуку А кромѣ того, болшъ ни въ якомъ не былъ подзорѣ.

Потомъ Процко Лисий, родимецъ Гадяцкий, признaлъ: зайшолъ мовитъ, до Сѣчи еще передъ дорогимъ рокомъ [3]), зъ дядкомъ своимъ Грицкомъ Пластуномъ, куреня Щербиновскаго, и бавился тамъ ловленемъ риби, а предъ Мазепиною змѣною, вишедши съ Сѣчи зъ козаками, оженился былъ на томъ боцѣ Днѣпра, въ Жаботинѣ, и мешкалъ дотоль, нѣмъ (пока) зъ того боку зогнато людей; и въ то время перейшовши на сей бокъ, мешкалъ въ Веремѣевцѣ годовъ и съ-пять; и одтоль, пошедши за промисломъ торговимъ до Сѣчи, чому уже дѣется годовъ шесть, випросилъ въ поменутого дядка своего возъ рибы и продавши оную въ Потоцѣ, повернулся знову назадъ въ лузѣ надъ Плетенихою, одъ Сѣчи за 15 миль, 6 годовъ неисходне седячи въ пасѣцѣ, при пчолахъ; а сего року о святой неделѣ, кгды ватага шли изъ Сѣчи, зъ рибою, въ которой было возовъ 60 и запорожцовъ та-

---

[1]) С. Кропивное теперь—въ Конотопск. уѣздѣ.

[2]) Т. е. на правый берегъ Днѣпра.

[3]) Дорогимъ рокомъ наз. 1699 годъ.

кое жъ число, пошолъ я зъ ними наклавши возъ рибы; и перевѣзшися черезъ Днѣпръ, пошли порозно, куда которий захотѣлъ; а насъ человѣка 11, одрознившися (отдѣлившись), пошли въ едной компанѣи; и три человѣка осталося въ Хоролѣ, четвертий въ Попувцѣ, а насъ сѣмъ человѣка пошли до Березной и тамъ усего продали три вози риби, четвертий на горѣлку проштиховали, а зъ трома вози пошли человѣка три до Сосницѣ и товаришъ нашъ Иванъ пластуновского куреня купивши на два вози горѣлки, а другій Иванъ зъ тоею кухвою, якую виминялъ за рибу, пошли передомъ до берега. А я злучившися тамъ зъ Матвѣемъ Плахотнимъ, тожъ козакомъ сѣчовимъ, удержался по прошенію его черезъ килка дний того ради, что оний Матвѣй давалъ собѣ лахманини (одежду) шити; а пошивши лахманини, пошли, два насъ, одтоль, и на макошинскомъ перевозѣ прилучился къ намъ Семенъ Хведоренко, тожъ козакъ сѣчовій, и прибувши до Ичнѣ, украли подъ фолварками, у гостинныхъ людей, которіе изказовалися зъ Кропивной, коней двое; и изъ оними половивши насъ посланники прилуцкіе, у Калинового Мосту, припровадили въ Прилуку; а кромѣ того, болшъ нѣ до якой не привиненъ шкоди.—Тутъ же Матвѣй Кондратенко, сказуючійся родомъ полку миргородского, зъ Потоку, былъ допрошуванъ и въ допросѣ своемъ сказалъ такъ: дѣется уже девятий годъ, якъ одъ отца своего зъ Потоку до Сѣчи зайшовши, первей при Хведору Плахотному, козаковѣ куреня переясловского, служилъ 4 года; потомъ, въ томъ же куренѣ, при розныхъ козакахъ, два года жилъ, добуваючися на рибѣ съ-половины; а два годи, уже шкапъ розгадавши тамъ, часомъ рибу, а часомъ соль, въ городы [1]) вивозячи, продавалъ; сего тежъ 1722 году, о святой неделѣ, зъ двома товаришами, именно Тишкомъ Погребненкомъ потоцкимъ и Хведоромъ Горкушею, козакомъ куреня калниболотскаго, виехавши въ городы, вивюзъ былъ вусѣмъ головъ рибы [2]), якой чтири голови у Лохвицѣ продалъ, а чтири у Варвѣ; и поехалъ зъ помянутимъ своимъ товариствомъ до берега, одкуду оніе два товариши пошли на той бокъ Днѣпра; а я знову въ Кременчуцѣ рибы пять головъ купивши, поехалъ за Десну, зъ Кременчуцкими жъ людми, которіе зъ житомъ тожъ за Десну ишли, и до Березной прибувши, на торгу тую рибу свою спродалъ; где зъ Процкомъ Лисимъ случив-

---

[1]) Запорожцы „городами“ называли гетманскую Малороссію, т. е. тѣ десять полковъ, которые составляли гетманщину.

[2]) Особый торговый счетъ рыбы.

шися, одтоль поѣхали; а въ перевозу Макошинского, еще къ намъ пристал Семенъ Хведоренко, и до Ичнѣ прибувши, для купленя Лисому воза, мененніе два мои товариши украли двое коней, въ людей гостинnихъ, сотнѣ кропивянской; и я хочай имъ говорилемъ, ижъ бы тихъ коней не брали, однакъ оніе не слухаючи, въ орчики [1]) позакладали; а когда одтоль поѣхавши, прибули до Калинового Мосту, такъ насъ тамъ зловлено и припроважено сюда, въ Прилуку. Мы теди вышеписанній урядъ вислухавши таковогo помянутихъ запорожцювъ въ злодѣйствѣ пошляхованнихъ признатя, казалисмо до уваги вишшой власти записати, въ ратушу прилуцкомъ.

3. *Разсказъ вора-троеженца о своихъ похожденіяхъ.*

Року 1723, мѣсяца априля 18 числа. На урадѣ нашомъ, такъ полковомъ, яко и городовомъ прилуцкомъ, предъ нами Иваномъ Марковичомъ судіею, Петромъ Носенкомъ хорунжимъ, Өеодоромъ Манкою, войтомъ, Павломъ Шингиріемъ и Михайломъ Балабою, бурмистрами. Билъ питанъ Левко Иванченко, родимецъ Журавскій поиманий въ семъ настоящомъ прилуцкомъ ярмарку, зъ крадеными волами, якъ давно сталъ бавится злодѣйствомъ, которій призналъ такъ: будетъ уже тому годовъ 15, якъ оставивши первую свою жену, Олену Коломійковну, въ Журавцѣ зъ двома дѣтми зъ нею спложенними, потомъ зъ Журавки и чрезъ чтири года служилъ у компанѣи въ полку пана Кгалагана [2]), одъ которой одставивши, понялъ себѣ другую жонку Гапку Бѣгуновну, увъ Ирклѣеви; и поживши зъ нею годовъ два, пошолъ на Донъ и мешкалъ тамъ годовъ пять; а пришедши зъ Дону, знов, сталъ съ помянутою Ганкою мешкать, шинкуючи въ Пѣщаной и въ килка годовъ пошедши одтоль до Журавки, вкралъ у Романа Сергѣенка коня, зъ которимъ зосталъ пойманъ въ Гадячомъ, и тамъ у него того коня одибрано. Знову у Хвеска Гриценка жителя Журавского, укралъ сѣмъ воловъ подвюючи оніе до Баришовки, продалъ въ ярмарку, невѣдаетъ якому человѣку, по 10 золотихъ вола. Потомъ оставивши второбрачвую жену свою въ Пѣщаной, Гапку Бѣгуновну, понялъ третую въ Городищахъ, надо Днѣпромъ и недель сколко зъ нею помешкавши, покинулъ оную и пришолъ знову до Пѣщаной икъ

---

[1]) Орчикъ—пристяжка.

[2]) Т. е. въ конномъ охотномъ полку, полковникомъ котораго былъ Игнатій Галаганъ.

второбрачной своей жонѣ Гапцѣ Бѣгуновнѣ, зъ которою уже и дѣтей двое маетъ. А въ семъ году предъ великимъ постомъ вкралъ въ Пиратинѣ въ нѣякогось человѣка коня и продалъ у Золотоноши за 5 копъ. У великій тежъ постъ, укравши въ Журавцѣ у Хведора, наслуговуючого пану Демяну (Якубовичу), пару воловъ продалъ тожъ у Золотоноши, рохмистру Павловскому за 9 копъ. А сихъ святъ, тамъ у Золотоноши знявшися зъ двома товариствомъ, еднимъ Василемъ Барановъ, жителемъ . . . (?) а другимъ Назаромъ Поповичемъ, пошолъ зъ Золотоноши, и на степу подъ Сасиновскою, зъ поповичемъ, укралъ воловъ два и коня; и когда зъ тимъ пришолъ въ Прилуку на ярмарокъ, поймавши его зъ Поповичемъ люде Журавскіе привели до ратуша, а Василь Баранъ отъ нихъ утѣкъ. Потомъ Назаръ Поповичъ сказуючийся родомъ зъ-за Понарницѣ Шаповаловской такъ призналъ, что будетъ, мовитъ, годъ по Петрѣ у тиждень, якъ пошолъ зъ дому на поклоненіе и опочивалъ у Кіевѣ весь тиждень; а пришовши по Успеніи до Нѣжина, мешкалъ въ покровской школѣ, до Рождества Христова; зъ Нѣжина пошедши зъ студентомъ Лукяномъ, святковалъ у Басанѣ; зъ Басанѣ тежъ пошедши, пошли до Переясловля и тамъ одъ мене оніи Лукянъ одставши, пошолъ на той бокъ Днѣпра; а я пошолъ до Золотоноши, куда пришолъ предъ всеидною за тиждень; и тамъ на вербной недѣлѣ обизнався зъ Левкомъ Иванченкомъ и Василемъ Барановъ, въ корчмѣ, на подпитку, а одтоль пошедши усѣ три, въ страстную пятницу украли подъ Лазурками пару воловъ, а подъ Сасиновкою, коня, и когда съ тимъ пришли въ Прилуку, зловлено мене зъ Левкомъ и отпровакено до ратуша; а Баранъ невѣдаю куда утѣкъ. Що вище писанний урядъ вислухавши, казалисмо про далшую память записати.

Отъ правленія Кіевскаго Общества Грамотности. Открытое въ октябрѣ 1882 г. К. О. Г., послѣ нѣкотораго временнаго затишья въ своей дѣятельности, возобновило ее созывомъ перваго въ 1892 г. общаго собранія (11 сентября), подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Андріяшева. Съ 11 сентября и по настоящій день въ немъ состоялось два общихъ собранія, шесть засѣданій совѣта и девять засѣданій правленія, при чемъ дѣятельность собранія выразилась въ слѣдующемъ.

Первыя засѣданія общаго собранія и совѣта посвящены были, какъ уже сообщалось въ свое время въ газетахъ, главнымъ образомъ обсу-

жденію вопроса о необходимости измѣненія параграфа 3 устава въ такомъ видѣ, чтобы годичный членскій взносъ былъ опредѣленъ минимумъ въ 2 руб., вмѣсто 10, а пріемъ въ члены обусловливался рекомендаціею двухъ членовъ общества. Представивъ означенное ходатайство, общество, въ виду истеченія срока службы должностныхъ лицъ его, произвело выборы послѣднихъ, при чемъ предсѣдатель общества, А. Ѳ. Андріяшевъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и семейныхъ обстоятельствъ, отказался отъ руководительства дѣлами общества. Затѣмъ общество (въ лицѣ постоянно дѣйствующихъ органовъ его, т. е. совѣта—органа распорядительнаго, и правленія—органа исполнительнаго), приступило къ обсужденію плана ближайшей своей дѣятельности при наличныхъ условіяхъ, когда касса общества опредѣлилась въ 999 р. 75 к. и составъ его увеличился избраніемъ новыхъ 69 членовъ. Рѣшивъ немедленно приступить къ сбору членскихъ взносовъ, какъ съ прежнихъ, такъ и съ новоизбранныхъ членовъ, общество намѣтило рядъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенію своихъ средствъ, привлеченію новыхъ членовъ и пріисканію себѣ сотрудниковъ и корреспондентовъ въ провинціи (такъ какъ дѣятельность общества, по уставу, распространяется на весь юго-западный край). Съ этою цѣлью, оно отпечатало въ 10,000 экземплярахъ обращеніе къ разнымъ лицамъ (для разсылки почтою и чрезъ газеты) съ выясненіемъ задачъ общества и съ просьбою оказать ему посильное содѣйствіе въ его дѣятельности пожертвованіями и указаніями на мѣстныя нужды, совѣтами, рекомендаціей мѣстныхъ дѣятелей и проч. Редакціи мѣстныхъ газетъ любезно выразили согласіе разослать экземпляры этого обращенія иногороднимъ подписчикамъ безплатно, а типографія Кушнерева и Ко напечатала ихъ съ значительною уступкую. Рѣшивъ на первыхъ порахъ направить дѣятельность общества на распространеніе книгъ въ народѣ и народныхъ школахъ, общество занялось приведеніемъ въ извѣстность состава находящагося въ его распоряженіи книжнаго склада и формированіемъ библіотекъ для народныхъ училищъ, сообразуясь съ составленнымъ для этой цѣли каталогомъ М. Н. П. Правленію поручено совѣтомъ выработать требуемую уставомъ инструкцію для сношенія съ народными училищами, утверждаемую г. попечителемъ учебнаго округа. Рѣшено отпечатать и распространить въ краѣ въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ свѣдѣнія о существующихъ узаконеніяхъ относительно устройства безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ съ примѣрными проектами ихъ устава и съ практическими наставленіями по части ихъ открытія и

устройства, а также примѣрный уставъ для обществъ попеченія о народномъ образованіи; имѣющіяся у общества 650 картинъ волшебнаго фонаря безплатно выдавать на извѣстныхъ условіяхъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя приступили бы къ организаціи народныхъ чтеній въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ края. Общество вошло въ сношенія съ кіевскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ, предложивъ ему возбудить ходатайство передъ г. попечителемъ учебнаго округа объ устройствѣ классовъ для взрослыхъ при нѣкоторыхъ городскихъ приходскихъ училищахъ въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ преобладаетъ малоимущее рабочее населеніе. При этомъ общество сообщило, что оно возьметъ на себя, по соглашенію съ городскимъ управленіемъ, извѣстную долю расходовъ по вознагражденію завѣдующихъ школами и сторожей, по освѣщенію, доставленію учебныхъ пособій и проч., а также и рекомендацію дополнительнаго состава учебнаго персонала. Одновременно со всѣмъ этимъ совѣтъ общества счелъ необходимымъ, въ разъясненіе дѣйствующаго устава, приступить къ разработкѣ инструкціи предсѣдателю и правленію, строго разграничивающей права и обязанности должностныхъ лицъ и органовъ, завѣдывающихъ дѣлами общества. Съ 11 сентября по настоящее время въ члены общества избраны, кромѣ лицъ, фамиліи которыхъ своевременно сообщены были уже въ газетахъ, слѣдующія лица: Александровскій, В. О., Бѣлелюбская, Ю. Л., Быковъ, В. И., Голубовскій, П. В., Гудшонъ, В. Н., Дучинская, А. Т., Дитятина, К. И., Зайончевскій, В. И., Игнатовичъ-Завилейскій, В. В., Кульженко, А. С., Комаровъ, М. Д., Кузнецкій, П. Н., Кордтъ, В. А., Левандовская, М. И., Левицкій, О. И., Матюшенко, П. Т., Макаревичъ, И. Т., Мануиловъ, П. Н., Мишина, И. Я., Морозова, А. В., Остроградскій, О. И., Перестюкъ, М. Р., Петръ, В. И., Плаховъ, П. В., Радкевичъ, Г. А., Розенъ, баронесса, А. А., Русинова, О. Ф., Рузскій, П. В., Сварчевскій, Н. Л., Синицкіе, Е. Д. и Л. Д., Солуха, В. В., Степовичъ, А. І., Стороженко, Н. В., Тарасенко В. Е., Татарскій В. Г., Трабша, К. Ѳ. и О. Ѳ., Трегубовъ С. И., Торскій, С. И., Тутковскій, П. А., Телѣжинскій, В. В., Фельдманъ, Н. А., Федоровъ, Д. С., Шмигельскій, В. Е., Шуммеръ, И. П., Чернова, Р. К., Челпановъ, Е. И., Юзефовичъ, Б. М. Правленіе общества имѣетъ честь покорнѣйше просить означенныхъ лицъ, а равно и прежнихъ членовъ общества, сообщить ему свои адреса, такъ какъ мѣстожительство многихъ изъ нихъ ему неизвѣстно. Заявленія объ адресахъ, членскіе взносы и всякія пожертвованія деньгами, книгами, учебными пособіями и т. п., могутъ быть

адресуемы предсѣдателю, Леониду Сем. Личкову, Левашевская, 20, казначею Дм. Петр. Извѣкову, въ первую гимназію, секретарю Ст. Гр. Ярославскому, въ городскую публичную библіотеку; о всѣхъ получаемыхъ обществомъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно сообщаемо въ газетахъ. По настоящее время получено пожертвованій: отъ графа Вл. Ал. Браницкаго, отъ К. М. и П. М. Панкѣевыхъ по 25 рублей, итого 75 рублей. Правленіе считаетъ долгомъ выразить означеннымъ лицамъ свою признательность.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Матеріалы по археологіи Россіи издав. Импер. Археолог. Коммиссіею № 18. Древности Южной Россіи — курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга. Съ табл. рисунк. и 88 политипажаии. СПБ. 1893. Цѣна 2 р.

Курганъ Карагодеуашхъ находится въ 2 верстахъ отъ станицы Крымской Земли Кубанскаго Войска и раскопанъ былъ въ 1888 году членомъ кубанскаго статистическаго комитета есауломъ Е. Д. Филицынымъ, который еще раньше того былъ извѣстенъ своими трудами по изученію кубанскаго края. Вещественные результаты раскопки были такъ богаты, и древности, открытыя при этомъ, оказались столь интересными, что изученіе ихъ Археологическая Коммиссія поручила двумъ спеціалистамъ, каждый изъ которыхъ отмежевалъ себѣ особую область. Г. Лаппо-Данилевскій взялъ на себя описаніе самой раскопки и опредѣленіе бытового и историческаго значенія древностей, открытыхъ въ курганѣ, а г. Мальмбергъ—изученіе послѣднихъ въ художественномъ отношеніи. Первому изъ нихъ принадлежитъ напечатанный имъ ранѣе трудъ «Скиѳскія древности»; и въ новомъ трудѣ г. Данилевскаго замѣчаются тѣ же достоинства, которыя отличали и прежній трудъ, а именно обстоятельное знакомство съ источниками и пособіями по скиѳскому вопросу и тщательное изученіе какъ ихъ, такъ и матеріаловъ, доставленныхъ новою раскопкою; нѣкоторыя заключенія его весьма гипотетичны, иногда даже одна гипотеза строится на основаніи не твердо установленнаго факта, а другой гипотезы, высказанной ранѣе, нѣкоторыя положенія подлежатъ спору, но въ общемъ трудъ г. Данилевскаго слѣдуетъ признать весьма поучительнымъ. Г. Мальмбергъ ранѣе издалъ въ «Матеріалахъ» Архео-

логической Коммиссіи свое изслѣдованіе о древностяхъ Херсонеса. И тамъ, и здѣсь онъ обнаруживаетъ много художественнаго вкуса и чутья, большую способность къ догадкѣ и блестящее искусство въ описаніи художественныхъ древностей.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться съ читателями главнѣйшими результатами трудовъ г. Фелицына и обоихъ названныхъ ученыхъ.

Курганъ Карагодеуашхъ имѣлъ около 5 саженъ высоты и 30 слишкомъ саженъ въ окружности у подошвы. Въ западной половинѣ кургана находилась искусно сложенная изъ камня гробница, которая имѣла до 29 аршинъ длины и состояла изъ трехъ погребальныхъ камеръ и галлереи, соединявшей вторую съ третьей. На стѣнахъ мѣстами замѣчались остатки штукатурки, со слѣдами фресокъ, но послѣднія не сохранились. Въ первой камерѣ найдены остатки погребальной колесницы и лежали въ безпорядкѣ лошадиныя кости съ слѣдами огня на нѣкоторыхъ изъ нихъ, кости домашнихъ животныхъ, амфора; здѣсь же найдены бусы, стекляные медальоны и пр. Вдоль лѣвой боковой стѣны лежалъ остовъ женщины, головой къ в.; около ея черепа оказалась золотая пластинка съ рельефнымъ изображеніемъ царицы неизвѣстнаго варварскаго народа, съ ея свитой, тріумфа на колесницѣ и какой-то неопредѣленной женской фигуры,—вѣроятная принадлежность островерхаго головнаго убора, вродѣ того, который представленъ на самой пластинкѣ, на головѣ царицы. Около этого украшенія найдено 16 золотыхъ прорѣзныхъ пластинокъ въ видѣ птицъ и 50—съ изображеніемъ женскихъ головокъ; близъ височныхъ костей оказались двѣ золотыя серги превосходной филигранной работы, на шеѣ скелета—толстый золотой обручъ и богатое ожерелье такой же филигранной работы, съ подвязками и художественно исполненной головкой бычка посрединѣ; рядомъ лежали: золотая цѣпочка съ львиною головкою на одномъ изъ ея концовъ и изящно плетеное ожерелье; массивные золотые браслеты, съ гиппокампами на концахъ, украшали кисти рукъ умершей, а на одномъ изъ пальцевъ правой ея руки найденъ золотой перстень съ художественнымъ изображеніемъ женщины, играющей на лирѣ. Вторая камера гробницы оказалась пустою. Въ галлереѣ найдены только лошадиныя кости съ принадлежностями сбруи. Въ третьей комнатѣ найдено громадное мѣдное блюдо, на которомъ лежали крестообразно два серебряные ритона; около нихъ стояла серебряная чашка и еще одинъ серебряный же сосудъ и лежали еще два ритона, далѣе—серебряная черпательная

ложечка и серебряное ситечко съ ручками въ видѣ лебединыхъ головокъ. Параллельно лѣвой боковой стѣнѣ этой камеры покоился мужскій скелетъ, головою на в., такъ же, какъ и женскій. Рядомъ съ черепомъ оказались золотыя пластинки съ изображенными на нихъ звѣздочками и «масками», а на шеѣ скелета—золотой обручъ, оконечности котораго были украшены художественными изображеніями льва, терзающаго кабана; около черепа лежали остатки горита, украшеннаго серебряной пластинкой съ художественными изображеніями человѣческихъ фигуръ, которыя, къ сожалѣнію, плохо сохранились; у лѣваго бока скелета оказался желѣзный мечъ съ золотой рукояткою и оселокъ; наконецъ, въ головахъ и по сторонамъ скелета найдены бронзовыя и желѣзныя стрѣлы.

Численностью и расположеніемъ погребальныхъ помѣщеній карагодеуашхская гробница, по замѣчанію г. Данилевскаго, превосходитъ склепы керченскіе и болѣе приближается къ извѣстнымъ скиѳскимъ гробницамъ александровской и чертомлыцкой; по размѣрамъ она стоитъ наравнѣ съ самыми большими изъ доселѣ извѣстныхъ, а по длинѣ превосходитъ ихъ; своеобразную особенность ея представляетъ ея расположеніе аршина на 3 надъ верхоземкой, тогда какъ извѣстныя скиѳскія могилы устраивались обыкновенно глубоко подъ ней. Размѣщеніе скелетовъ мужскаго и женскаго въ особыхъ камерахъ и положеніе ихъ головами на в. сближаетъ карагодеуашхскій курганъ болѣе съ чертомлыцкимъ и александровскимъ, а размѣщеніе предметовъ—съ кульобскимъ (бл. Керчи).

Сооруженіе кургана, на основаніи художественныхъ особенностей найденныхъ въ немъ предметовъ, г. Лаппо-Данилевскій относитъ ко второй половинѣ IV, или къ началу III в. до Р.Х. (г. Мальмбергъ—къ серединѣ IV ст.). Изученіе же извѣстій древнихъ авторовъ о племенахъ, жившихъ у сѣверо-восточныхъ береговъ Чернаго моря, приводитъ г. Данилевскаго къ вѣроятному заключенію, что въ курганѣ Карагодеуашхъ похоронены царь и царица племени Синдовъ, которое онъ считаетъ возможнымъ причислить къ Меотамъ, родственнымъ съ племенами скиѳско-сарматскими.

Древности, найденныя въ курганѣ, довольно рѣзко распадаются на двѣ категоріи: на вещи туземныя, варварской работы, и на предметы греческаго издѣлья, но изъ этой смѣси различныхъ культуръ, какъ видно, не вышло соединенія.

Г. Мальмбергу удалось реставрировать форму карагодеуашхскаго горита (налучья), отъ обшивки котораго осталось только нѣсколько

жалкихъ кусковъ золотой пластинки; для этого онъ воспользовался аналогіей съ извѣстнымъ горитомъ изъ чертомлыцкаго кургана. Для характеристики художественнаго стиля горита, онъ пересматриваетъ вопросъ объ изображеніи на горитѣ чертомлыцкомъ и, отвергая объясненіе акад. Стефани, примыкаетъ къ недавно высказанному нѣмецкимъ археологомъ Робертомъ мнѣнію, что здѣсь представленъ Ахиллъ среди дочерей Ликомеда; но карагодеуашхской же пластинкѣ онъ предполагаетъ сцену изъ разрушенія Иліона.

Изображенія львовъ, терзающихъ кабановъ, на концахъ шейнаго кольца г. Мальмбергъ сопоставляетъ съ львами на гривнѣ кульобскаго кургана и, отмѣтивъ сходство между ними, отдаетъ предпочтеніе карагодеуашхскимъ львамъ по тонкости и отчетливости работы и по выразительности; «вообще, замѣчаетъ онъ, изъ всѣхъ рельефныхъ изображеній львовъ львамъ карагодеуашхской гривны принадлежитъ первое мѣсто».

Столь же высоко ставитъ г. Мальмбергъ и изображенія на карагодеуашхскихъ ритонахъ. Фризъ одного изъ нихъ съ изображеніемъ борьбы животныхъ, по композиціи, живости и увѣренности рисунка, онъ ставитъ выше всѣхъ подобныхъ, извѣстныхъ ему, художественныхъ произведеній античнаго искусства. Изъ сопоставленія сценъ этой борьбы съ весьма похожими изображеніями на чертомлыцкомъ горитѣ высокое превосходство ихъ становится очевиднымъ.

Другой ритонъ, съ изображеніемъ всадниковъ, къ сожалѣнію, сохранившійся очень плохо, въ декоративномъ отношеніи нашъ авторъ сближаетъ съ знаменитой чертомлыцкой вазой, горитомъ и блюдомъ того же кургана и съ чашею изъ Куль-Обы.

Разсматривая золотое ожерелье царицы, г. Мальмбергъ наиболѣе характерною частью его признаетъ пластинки съ пальметами и находитъ въ этой особенности отдаленное сходство съ ожерельемъ рыжановскаго кургана (кіевской губ.); кромѣ того, на карагодеуашхскомъ ожерельѣ прекрасно сохранилась тонкой работы головка бычка.

Гиппокампы на запястьяхъ сближаются авторомъ съ подобнымъ же чудовищемъ на обшивкѣ чертомлыцкихъ ноженъ, а серебряный кружокъ съ выпуклой женской головкой—съ аттическими произведеніями IV в. до Р.Х.; что же касается стеклянныхъ медальоновъ, то онъ усматриваетъ въ нихъ отпечатокъ азіатскаго ихъ происхожденія.

Золотой пластинкѣ съ изображеніемъ царицы, не смотря на указанные имъ техническіе недостатки ея, авторъ придаетъ большое значеніе, какъ единственному подобнаго рода предмету, который при

этомъ имѣющимися на немъ изображеніями способенъ привести къ болѣе точному пониманію костюмовъ и обычаевъ мѣстныхъ варваровъ.

Въ заключительной главѣ своего труда г. Мальмбергъ дѣлаетъ нѣкоторые общіе выводы, на которыхъ намъ также необходимо остановиться.

Въ противоположность господствовавшему прежде мнѣнію, что лучшія греческія издѣлія, между прочимъ и найденныя на югѣ Россіи, суть аттическаго происхожденія, онъ слѣдуетъ мнѣнію Ад. Фуртьэнглера объ іонійскомъ происхожденіи художественныхъ произведеденій юга Россіи и находитъ новыя подтвержденія этой теоріи въ древностяхъ карагодеуашхскаго кургана, между прочимъ—въ изображенныхъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ звѣряхъ.

Въ заключеніе, подробно разсмотрѣвши золотые рельефы чертомлыцкаго и карагодеушхскаго кургановъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что въ нихъ отразились художественныя произведенія Полигнота (V в.) и современныхъ ему живописцевъ, и усматриваетъ родство ихъ съ изображеніями Парѳенона.

Закончивъ ознакомленіе, въ существенныхъ чертахъ, съ содержаніемъ новаго выпуска «Матеріаловъ», отмѣтимъ нововведеніе во внѣшней формѣ изданія, именно: замѣну фототипіями литографій, принятыхъ прежде въ изданіяхъ Археологической Коммиссіи. Въ художественномъ отношеніи замѣна эта почти нечувствительна, хотя, можетъ быть, нѣкоторые предпочтутъ литографіи прекрасной работы Кастелли; въ отношеніи же объективности изображеній слѣдуетъ, конечно, отдать предпочтеніе фототипіи, тѣмъ болѣе, что таблицы, приложенныя къ настоящему выпуску, не оставляютъ желать ничего лучшаго.

В. Ястребовъ.

Отчетъ Импер. Археологической Коммиссіи за 1892 годъ. Съ 75 политипажами. СПБ. 1804. Цѣна 2 рубля.

Въ отчетномъ году Археологическая Коммиссія продолжала раскопки въ Херсонесѣ въ Керчи и производила ихъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ юга Россіи.

Проф. Н. И. Веселовскій неустанно продолжалъ раскопки кургановъ въ таврической губерніи, при чемъ въ симферопольскомъ

уѣздѣ, въ имѣніи И. О. Пастака, напалъ на весьма интересныя погребенія. Въ насыпи одного изъ тамошнихъ кургановъ показалась впускная могила, по мнѣнію г. Веселовскаго, IX—X в. по Р.Х.; въ ней лежалъ скелетъ головой на з., при немъ находились: желѣзный наконечникъ копья, такія же ножницы, обломокъ серебрянаго украшенія: къ ю. отъ скелета лежала часть лошадинаго остова и находились кожаная уздечка съ серебрянымъ позолоченнымъ, украшеннымъ орнаментомъ и чернью, наборомъ, 2 бронзовые бубенчика, мѣдная пряжка и 2 колечка; у ногъ покойника лежали 2 желѣзныя стремени и обломки желѣзныхъ удилъ. Въ почвѣ открыта могила значительно древнѣе первой; скелетъ лежалъ головой на з., въ вытянутомъ положеніи; возлѣ головы стоялъ чешуйчатый желѣзный панцырь, на головѣ была шапка съ золотыми накладками, платье до пояса обшито было золотыми бляшками (533 экземпляра), возлѣ тазовыхъ костей лежалъ кожаный колчанъ, покрытый золотыми тиснеными пластинами съ изображеніемъ орла, держащаго въ клювѣ какого-то звѣрька,—грифоновъ и пр. и находился золотой кругъ съ чеканными изображеніями. Въ другомъ курганѣ, въ томъ же имѣньѣ, при женскомъ скелетѣ, погребенномъ, повидимому, въ сидячемъ положеніи, кромѣ глиняной посуды, найдено нѣсколько золотыхъ бляшекъ съ изображеніями зайца, сфинкса, химеры и льва.

Въ Херсонесѣ продолжалъ раскопки К. К. Косцюшко-Валюжиничъ какъ по развѣдкѣ городища, такъ и по дальнѣйшему разслѣдованію могильника у южной стѣны. Отчетъ о его раскопкахъ—весь изъ деталей и не поддается краткой передачѣ. Въ виду спорности вопроса о мѣстоположеніи древняго, языческаго Херсонеса, любопытны новыя находки, подтверждающія мнѣнія, что древній Херсонесъ находился тамъ же, гдѣ и позднѣйшій, христіанскій; такъ, въ восточномъ углу Городища, на берегу моря,обнаружены остатки стѣнъ древняго Херсонеса и два пиѳоса, кромѣ того найдены мраморная головка женщины, терракотовая женская головка, 24 амфорныя ручки съ именами астиномовъ и обломки чернолаковой посуды; на сѣверномъ берегу г. Косцюшко-Валюжиничъ обратилъ вниманіе на пространство, застроенное изслѣдованнымъ имъ небольшимъ храмомъ, которое также занято сплошнымъ культурнымъ слоемъ на глубину до 2½ арш.—Обстоятельство, которое противорѣчитъ недавно вызказанному мнѣнію, что древняго Херсонеса искать негдѣ въ Херсонесѣ новомъ, по той будто-бы причинѣ, что послѣдній стоитъ весь цѣли-

комъ на скалѣ. Найденныя при раскопкѣ надписи Археологическая Коммиссія имѣетъ въ виду издать особо.

Въ Керчи производилъ работы новый директоръ тамошняго музея К. Е. Думбергъ, при чемъ найдено нѣсколько расписныхъ вазъ, мраморныхъ надгробій и разнообразныхъ украшеній, говорить о которыхъ трудно до обѣщаннаго изданія ихъ изображеній.

Въ херсонской губерніи В. Н. Ястребовъ занимался дослѣдованіемъ кургана, подвергшагося раскопкѣ еще въ 1763 году, по распоряженію генералъ-поручика Мельгунова, при чемъ открыта грунтовая гробница, состоящая изъ двухъ, соединявшихся между собою камеръ, но оказавшаяся совершенно пустою. Пользуемся случаемъ исправить небольшую неточность въ наименованіи урочища, въ которомъ находился курганъ: оно должно именоваться не Кучеровы *балки*, какъ напечатано въ «Отчетѣ», а Кучеровы *буераки*, что на мѣстномъ говорѣ далеко не одно и то же.

Въ губерніяхъ екатеринославской, кіевской и харьковской производилъ раскопки Н. Е. Бранденбургъ. Въ своихъ раскопкахъ въ первой изъ этихъ губерній онъ продолжалъ преслѣдовать поставленную имъ себѣ ранѣе цѣль изысканія надъ содержаніемъ кургановъ съ каменными бабами. На этотъ разъ онъ раскопалъ два кургана въ бахмутскомъ уѣздѣ. Въ насыпи въ грунтѣ подъ кургана открыто было при этомъ нѣсколько могилъ различнаго устройства и съ различнымъ содержаніемъ, довольно при томъ бѣднымъ. Въ раіонѣ кіевской губерніи г. Бранденбургъ раскапывалъ курганъ бл. с. Бурты каневскаго у. и около с. Липовцы кіевскаго у., при чемъ въ первомъ изъ указанныхъ пунктовъ открылъ погребеніе людей совмѣстно съ конями. На днѣ гробницы съ деревяннымъ склепомъ лежалъ женскій скелетъ, на спинѣ, головою на з.; на черепѣ его найдены остатки парчевой матеріи и небольшой конусовидный деревянный обрубокъ, у праваго бока—остатки ткани и десятокъ пронизей изъ янтаря, сердолика и бѣлой известковой массы, на правой рукѣ—бронзовое кольцо, у праваго колѣна обломокъ желѣзнаго ножа; рядомъ находился полный остовъ коня, и при немъ желѣзныя удила и небольшое желѣзное стремя. Курганы кіевскаго уѣзда, раскопанные г. Бранденбургомъ, оказались весьма бѣдны содержаніемъ. Въ харьковской губерніи г. Бранденбургъ занимался раскопками въ окрестностяхъ с. Печенѣги волчанскаго у., привлеченный названіемъ этого села, но ограничился изслѣдованіемъ одного изъ тамошнихъ кургановъ, ко-

торый не далъ ничего новаго и оказался очень обычнымъ для всего юга Россіи.

Въ минской губерніи производилъ раскопки въ 1892 году В. З. Завитневичъ. Въ бобруйскомъ уѣздѣ, въ мѣстности, расположенной между Березиной, нижнимъ теченіемъ Свислочи и Ольсы и верховьемъ Алы и входившей нѣкогда въ составъ земли дреговичей, имъ раскопано 234 кургана въ 26 могильникахъ. Обнаруженные при этомъ обряды погребенія и встрѣченные въ нихъ предметы въ общемъ оказались сходными съ тѣми, которые открыты въ области Припяти, хотя замѣчены были и нѣкоторыя мѣстныя особенности. Курганныя насыпи во вновь изслѣдованной мѣстности вообще не высоки, но здѣсь въ большемъ количествѣ встрѣчены курганы сравнительно крупныхъ размѣровъ; на основаніи новыхъ своихъ наблюденій г. Завитневичъ устанавливаетъ положительнѣе, чѣмъ прежде, что курганы эти окружены были рвами; по его словамъ, курганы никогда не поднимаются въ высоту болѣе $1^1/_2$ сажени; имъ замѣчено также, что высокія насыпи прикрываютъ чаще мужскіе скелеты; въ нѣкоторыхъ могильникахъ замѣчается стремленіе отдѣлить мужскія погребенія отъ женскихъ, въ другихъ наблюдается, повидимому, обычай погребенія по семьямъ, или родамъ. Господствующею формою погребальнаго обряда является погребеніе на поверхности земли (77%), которое г. Завитневичъ признаетъ главнымъ отличительнымъ признакомъ дреговичскихъ погребеній отъ древлянскихъ; скелеты лежали чаще головою на З.; подъ многими изъ нихъ замѣчались прослойки золы—слѣды какого-то обряда, предшествовавшаго погребенію; въ ногахъ скелетовъ часто попадались небольшіе глиняные сосуды съ загнутыми краями, иногда орнаментированные; изрѣдка наблюдались слѣды деревянныхъ гробовъ, повидимому—безъ дна и безъ крыши, и не сколоченныхъ гвоздями; во многихъ могильникахъ найдены слѣды прикрывавшихъ трупы деревянныхъ гробовъ, вродѣ тѣхъ «теремковъ», какіе и до сихъ поръ сохраняются въ погребальныхъ обычаяхъ мѣстнаго населенія. Вещевыя находки въ бобруйскихъ курганахъ не значительны. Онѣ состоятъ, кромѣ обычныхъ малыхъ височныхъ колецъ, изъ трехшипныхъ серегъ, филигранныхъ сердоликовыхъ и стеклянныхъ бусъ, медальоновъ и лунницъ, витыхъ проволочныхъ колецъ и пр. Изъ новыхъ находокъ обращаютъ на себя вниманіе: подвѣски въ видѣ коньковъ, двѣ застежки въ видѣ якоря, височныя бляшки съ ушкомъ и пр.

Изъ приношеній частныхъ лицъ и случайныхъ находокъ въ 1892 году отмѣтимъ слѣдующія: коллекція бронзовыхъ и желѣзныхъ вещей изъ могильника при дер. Венжевщизнѣ лидскаго у. виленской губ.;—большая раковина, бусы, бронзовое кольцо, бляшки, трубочки и колокольчикъ, добытые при раскопкѣ кургановъ бл. сс. Липовцы и Шудовки, кіевскаго у., Д. И. Макаревичемъ; мѣдный котелокъ, 274 наконечника стрѣлъ, точильный брусокъ, обломокъ костяного черенка отъ ножа, желѣзный наконечникъ копья и желѣзная шапка изъ кургана на Чертомлыцкомъ хуторѣ екатеринослав. у.; мѣдные котлы, оловянныя тарелки, желѣзные топоры, желѣзные остроги и и кирки изъ с. Новоселицы чигирин. у. кіевской губ., орнаментированныя кафли изъ ямпольскаго у. подольской губ.; серебряныя дутыя полушарія, украшенныя выпуклыми позолоченными изображеніями животныхъ, звѣздъ и арабесковъ изъ Старобѣлька харьк, губ.; мѣдные топоры, ножи и долото изъ елисаветгр. у. херсонской губ. и старинный желѣзный топоръ, найденный въ с. Лихачевѣ козелецкаго у. черниговской губерніи.

В. Ястребовъ.

Старинна історія Галичины. Написавъ Омелянъ Партицкій. Тóмъ першій. (Видъ VII-го віку перед Христом до року 110 по Христи). У Львови 1894.

Не часто приходится имѣть дѣло съ болѣе удивительной и любопытной книгой, чѣмъ та, заглавіе которой выписано въ заголовкѣ настоящей замѣтки. Да и какъ можетъ быть иначе, когда авторъ ея дѣлаетъ рядъ удивительнѣйшихъ и поразительныхъ открытій, о которыхъ мало кто и мечталъ изъ «ученыхъ» людей.

Не такъ давно сдѣлано было замѣчательное открытіе, долженствующее, повидимому, произвести полный переворотъ въ европейской исторической наукѣ, заставить европейскихъ историковъ прибавить новую, невѣдомую имъ до того, но крупную страницу къ исторіи Европы. Мы говоримъ о прочитанномъ нами сообщеніи, будто была пора, когда «русская земля (Галичина временъ Осмомысла?) стояла во главѣ Европы» («на чолі Европы»). Открытіе было поразительное, но, увы! оно блѣднѣетъ передъ любымъ только изъ открытій, сдѣланныхъ г. Партицкимъ, а ихъ въ книгѣ, повторяемъ, не мало.

Всѣ спеціалисты по русской исторіи вообще, по исторіи Галичины, въ частности, начинали обыкновенно исторію Галичины съ крещенія Руси, говоритъ намъ г. Партицкій, а мы прибавимъ отъ себя, что, въ добавокъ, они были убѣждены и въ томъ, что слово Галичина еще болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ время крещенія Руси. Какая грубая ошибка! Вѣдь благодаря этимъ спеціалистамъ мы не знаемъ и не знали до г. Партицкаго, «какова была судьба края до принятія христіанства, какимъ былъ этотъ край за цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія передъ Рюрикомъ». (Предисловіе). И это,—представьте себѣ, читатель,—въ то время, когда «старинныя эти времена неизмѣримо важны и поучительны для насъ»; когда «въ нихъ—возможность прослѣдить первичныя основы родной, общественной и государственной жизни Галичины и постепенное развитіе этой жизни». «Въ старинной нашей (т. е. Галицкой) исторіи, добавляетъ авторъ, мы встрѣчаемъ величественныя картины, возбуждавшія удивленіе въ старинное время, и громкую славу доставили они нашему народу» (тамъ же).

И авторъ воочію доказалъ это своей книгой, своимъ только первымъ томомъ... Да и можетъ ли быть иначе? И всѣ ученые, и публика чуть не со школьной скамьи привыкли считать Грецію и грековъ такъ сказать иниціаторами умственнаго и художественнаго развитія всѣхъ народовъ, населившихъ Европу, привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на творцовъ самобытной науки, мифологіи, искусства и т. д. Оказывается, что все это—горькое заблужденіе, крупная ошибка. Да, заблужденіе и ошибка! Прочтите, читатель, книгу г. Партицкаго, и всякія сомнѣнія на этотъ счетъ исчезнутъ, прекратятъ свое существованіе.

Съ легкой руки Нестора ученые, принявшіе на вѣру сообщеніе его, будто Иллирія была «прародиной» славянъ, внесли «великій заколотъ и хаосъ въ історію славянскоі старини» (стр. 7). Нашъ авторъ, побѣдоносно опираясь и на классическихъ произведеніяхъ, и на твореніяхъ такихъ изслѣдователей, какъ Чертковъ, Фаминцынъ и т. п., разрушаетъ и уничтожаетъ это сообщеніе нашего лѣтописца и открываетъ вслѣдъ затѣмъ новыя, невиданныя еще перспективы для науки.

Въ земляхъ, сдѣлавшихся Галицкими, жилъ, говоритъ намъ авторъ, народъ, извѣстный подъ именемъ «Траковъ». То былъ великій народъ, народъ—создатель всей послѣдующей культуры европейскаго міра. И это, читатель, знаете, еще въ какія времена? Въ XIV в. до Р. Х. Уже тогда, доказываетъ нашъ г. П—й, они стояли «на високім сте-

пени культуры» (27). Орфей, вѣдь, былъ «Тракъ», учитель его «Лінъ» былъ также «Тракъ», прославившійся тѣмъ, что «утворив був для трацкого письма азбуку и написав нею кілька митольогичных працъ». (стр. 24). Вѣдь и родина то Орфея была у устьевъ Дуная, въ мѣстности, «за русскихъ часовъ, за Ярослава Осмомисла», составлявшей «складову часть галицкого княжества». (стр. 24) Отъ Орфея Греки, вѣдь, говоритъ г. П—ій, заимствовали свою поэзію, отъ «Траковъ» же переняли они и музыку, и игру на гусляхъ, и свои музы, и свою мифологію и т. д., и т. д., ибо извѣстно, по г. П—ому, что «за приходом своім до Европи они, т. е. Греки, з собою мало-що принесли».

Кто же были эти «Тракі», этотъ великій народъ, создатель всей европейской культуры? Славяне, Галичане! Таково великое открытіе г. П—аго! И резоны, представленные имъ, можно сказать, всесильны! Въ самомъ дѣлѣ. Извѣстно, напр., по словамъ г. П—аго, что въ старину Греки считали «траковъ» самымъ музыкальнымъ и «спиволюбивымъ» народомъ въ мірѣ, отдавали имъ первенство передъ всѣми народами. Но, вѣдь, извѣстно также, увѣряетъ насъ г. П—й, что и «славянъ считали самымъ музыкальнымъ и спиволюбивымъ народомъ» и что, въ этомъ отношеніи, они, славяне, занимаютъ первое мѣсто». А такъ какъ то, чѣмъ «нынѣ въ области и музыки, и спиву, и поэзіи суть Славяне, тѣмъ были въ старину Фракійцы», то, отсюда, для г. Партицкаго ясно, что «Траки» и Славяне—одинъ и тотъ же народъ. Орфей, слѣд., также Славянинъ, и что это такъ, несомнѣнно слѣдуетъ изъ того, что память о немъ сохранилась у помаковъ—болгаръ Родопскихъ горъ въ изданныхъ Стефаномъ Верковичемъ помацкихъ пѣсняхъ. Въ нихъ упоминается юнакъ Урфенъ, Орфенъ т. е., по г. П—ому, несомнѣнно Орфей.

Разумѣется, это далеко не исчерпываетъ всей аргументаціи нашего автора. Онъ даетъ намъ еще цѣлый длинный рядъ столь же убѣдительныхъ доказательствъ безспорности своего положенія.

У «траковъ», говоритъ почтенный авторъ, былъ обычай, что жены умерщвляли себя на могилахъ мужей; но подобный же обычай существовалъ и у славянъ (стр. 15—16). Далѣе. «Таоки либо покупали женъ, либо брали ихъ на выставкѣ, куда родители выводили дочерей своихъ; но и у славянъ было тоже» (стр. 17—18). Похороны у «траковъ» совершались такъ: въ теченіе 3 дней по смерти выставляютъ трупъ, убиваютъ по этому случаю животныхъ всякаго рода, справляютъ «бенкеты», затѣмъ хоронятъ либо на столбѣ, либо въ землю, насыпая высокую могилу и тутъ же устраивая военныя игрища; но—у скиѳовъ, гунновъ, т. е.

славянъ по г. П—ому, какъ и у славянъ, все это равнымъ образомъ было въ обычаѣ (19—24). Далѣе—«траки славились, какъ храбрѣйшій и справедливѣйшій народъ; но—скиѳовъ называлъ такими же Страбонъ, гунновъ—Прискъ, а славянъ—Прокопій (стр. 29—31). «Траки» продавали дѣтей,—но и бойки въ Галичинѣ до нынѣ дѣлаютъ тоже (32). У «траковъ» было въ обычаѣ клеймленіе тѣла,—но тоже было, по словамъ П—аго, какъ и существуетъ и теперь еще, у французовъ, нѣмцевъ; оно было въ обыкновеніи у яподовъ, иллировъ. Значитъ, вѣроятно, и у славянъ, г. П—кій? Наконецъ, и внѣшній видъ «траковъ» и славянъ, по сообщенію г. П—аго, одинъ и тотъже. Да и возможна ли здѣсь хотя бы тѣнь сомнѣнія? «Траки» и внѣшнимъ видомъ, и окраской тѣла, и волосъ, и глазъ отличались отъ всѣхъ народовъ. Аристотель говоритъ о нихъ, что у нихъ волоса мягкіе и гладкіе и, видимо, по мнѣнію г. П—аго, приписываетъ имъ бѣлое тѣло и голубые глаза. Правда, добавляетъ г. П—ій, свидѣтельства о цвѣтѣ тѣла, волосъ и глазъ у «траковъ» можно примѣнить и къ древнимъ кельтамъ, и къ древнимъ германцамъ. Но, по г. П—ому, несомнѣнно, что и кельты и германцы выступаютъ въ исторіи отдѣльно отъ «траковъ» и на совершенно иныхъ мѣстахъ. Ясно, что указанные у «траковъ» примѣты не могутъ относиться ни къ кому другому, кромѣ славянъ, ибо, утверждаетъ г. П—ій, Гиппократъ говоритъ о скиѳахъ, что у нихъ бѣлое тѣло, становящееся отъ холода красноватымъ, Климентъ Александрійскій, что у нихъ длинные волосы, Прокопій же, что у славянъ тѣло не особенно бѣлое, волосы не очень свѣтлые, хотя и не черные, а Абу-Мансуръ, что у славянъ красноватое тѣло, а волосы русые (стр. 33—4, текстуально).

Требуется развѣ, читатель, болѣе сильныхъ аргументовъ? Но г. П—ій даетъ и ихъ. Не только мифологія «траковъ» является мифологіей и славянъ, но и большая часть греческой мифологіи—заимствованна греками у «траковъ». Блескъ аргументаціи у г. П—аго въ этомъ отношеніи, какъ это ни мало вѣроятно, превосходитъ блескъ аргументовъ, приведенныхъ выше. «Траки» были монотеисты и вѣрили въ безсмертіе души,—славяне тоже (36—37). Богъ Аресъ у «траковъ» вмѣстѣ съ двумя другими богами, былъ главнѣйшимъ божествомъ: но онъ былъ такимъ же божествомъ и у славянъ. Это славянскій—Яръ, Ярый, Ярунъ, Яровитъ, а у скиѳовъ и гунновъ, т. е. славянъ же, Аресъ. Греки переняли бога этого отъ «траковъ» и отсюда и названіе ареопага. Это—богъ войны. Далѣе идетъ Діонисій, опять богъ «траковъ», но назывался онъ Сабадій. А что же такое «Сабадій»? «И

не филологъ, торжественно заявляетъ г. П—й, легко отгадаетъ, что слово это есть славянское слово *свобода*. У русиновъ, прибавляетъ онъ, поюся пѣсни въ честь *Сабадія*, и называются они *сабадашками*» (51—52). Обрядъ купальнаго огня стоитъ въ связи съ этимъ, ибо у нѣкоторыхъ славянъ его называють «*собиткою*» (52). Отсюда, «Дива» славянская есть не иное что, какъ также богъ Діонисій, служители котораго назывались бесами, т. е., по г. П—ому, просто «бісами» (49). Еще одинъ богъ «траковъ» Аполлонъ, тоже, какъ съ необыкновенною «ученостью» доказываетъ г. П-й, заимствованный потомъ у фракійцевъ греками, есть не иной кто, какъ славянскій Бѣлъ-богъ, ибо въ надписяхъ значится Apollo Belenus или Belinus, а эти послѣднія названія равны Бѣлъ-богу или бѣлорусскому Бѣлуну. И это объясненіе даетъ г. П—ому ключъ къ рѣшенію вопроса и о.... о чемъ бы вы думали, читатель, о пеласгахъ. Къ названію Пельо (Бѣлъ) отношу я, пишетъ г. П—й, и названіе пеласги». (66). А то были, по г. П—му, просто фракійцы, поклонявшіеся Аполлону. Да и Пелопонесъ оказывается того же славянскаго происхожденія, ибо «нес» позднѣйшая греческая вставка, а старое названіе было Пельопія. Софоклъ называлъ Пелопонесъ—Апія, т. е. по просту богиня Апія, богиня скиѳовъ Подоліи и Украины. Культъ Пеля царилъ въ Пелопонесѣ, а отъ культа край названъ Пел-апія, Пель-опія, что «на нашемъ языкѣ значитъ «Біла (Білбожа) земля» (62, текстуально). А, вѣдь, торжественно сообщаетъ г. П—й, земля русская называлась Дажбожою землею, русины называли себя (по слову о полку Игоревомъ) «внуками Дажбога». Развѣ, замѣчаетъ г. П—й, не ясна «тожественность и непрерывная связь религіозныхъ понятій у старинныхъ фракійцевъ и у нынѣшнихъ славянъ». (63).

Слѣдуетъ ли прибавлять намъ, что г. П—й доказалъ, что мать Аполлона называли Лето, что сначитъ наше лѣто (64), что Афродита, опять не греческая, а фракійская богиня, есть не иной кто, какъ Леда, а Артеміада (греческаго происхожденія) славянская Дивана или лужицкая «Дивица». и т. д., и т. д.

Но нельзя не привести открытія, сдѣланнаго г. П—мъ, открытія, являющагося вѣнцомъ всего построеннаго имъ зданія. Что есть «Тракъ», спрашиваетъ онъ. Ихъ называли нѣкоторые «ученые» «дракхъ», считая это названіе болѣе вѣрнымъ. Иначе думаетъ г. П—й. Греческое *Тракъ* (Θραιχ)—славянское слово. Р смѣняется буквою *Л*. греческая ϑ—славянскимъ *Ч*. Другими словами надо читать такъ:

Члаікъ. Но, далѣе, побѣдоносно сообщаетъ г. П—й, а+і замѣняется *е*, отсюда *члекъ*=человѣкъ=«траку», фракійцу.

Но не довольно ли, читатель! И съ подобной аргументаціей рѣшаются съ необычайною легкостью самые трудные, самые запутанные вопросы! Авторъ не знакомъ ни въ малѣйшей степени съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается въ области сравнительной мифологіи, сравнительнаго языкознанія, сравнительнаго права и т. д.; ему чуждо малѣйшее представленіе о томъ, что такое сравнительный методъ, какъ примѣнять его. Ему, видимо, неизвѣстно, что обряды разнаго рода, похоронные, какъ и брачные и т. д., совершенно такіе же, какъ и у фракійцевъ, существовали и существуютъ у самыхъ разнородныхъ народовъ, племенъ и тихаго океана, и Африки, и Америки; что вслѣдствіе такого сходства между ними съ неменьшею убѣдительностью можно было бы доказать, что фракійцы и жители Полинезіи, напр., настолько же одинъ и тотъ же народъ, какъ однимъ и тѣмъ же народомъ являются, по мнѣнію. г. П—каго, фракійцы и славяне.

Съ такими орудіями учености, какими пользовался г. П—й, можно написать десятки томовъ, создать еще болѣе удивительныя открытія, способныя затмить открытія, уже сдѣланныя въ томъ же родѣ и по тому же методу, и лишь наводнить книжный рынокъ печатной бумагой.

Фра Моріель.

Труды съѣзда подольскихъ сахароваровъ по вопросу о принятіи мѣръ по обезвреживанію заводскихъ отбросовъ и сточныхъ водъ 18 $\frac{15-18}{VI.}$ 94. (Каменецъ-Подольскій. 1894). Стр. 137.

Въ подольской губерніи дѣйствуетъ нынѣ 45 сахарныхъ заводовъ, т. е. почти 25% общаго числа заводовъ въ имперіи. Подавляющее большинство подольскихъ заводовъ спускаютъ свои отработанныя воды въ общественныя водовмѣстилища (рѣки, рѣчки, пруды и т. д.) безъ всякой предварительной очистки. Антисанитарное состояніе этихъ заводовъ установлено уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, вопросъ объ упорядоченіи этого дѣла возникалъ неоднократно, но, къ сожалѣнію, отечественное законодательство представляетъ въ этомъ отношеніи столь значительный пробѣлъ, что всѣ попытки огра-

дить интересы народнаго здоровья отъ вреднаго вліянія заводскихъ нечистотныхъ водъ и отбросовъ не имѣли почти никакого успѣха.

Съѣздъ подольскихъ сахароваровъ состоялся въ Каменецъ-Подольскѣ 15—18 іюня 1894 года по приглашенію мѣстной администраціи. Ближайшею цѣлью было установить наилучшіе способы обезвреживанія заводскихъ отбросовъ и достичь принятія каждымъ изъ заводовъ добровольнаго обязательства ввести у себя тотъ способъ, который будетъ признанъ лучшимъ и болѣе удобнымъ по мѣстнымъ условіямъ.

Настоящая брошюра заключаетъ подробный протоколъ совѣщаній, заключенія коммиссіи по разсмотрѣнію требованій, какія можно было предъявить къ отдѣльнымъ заводамъ, и нѣкоторые другіе документы оффиціальнаго характера. Не входя въ подробности техническаго свойства [1]), отмѣтимъ лишь, что съѣздъ призналъ необходимымъ остановиться на способѣ очистки заводскихъ сточныхъ водъ посредствомъ спуска ихъ на поля орошенія. Три завода согласились перейти къ этому способу еще въ текущемъ году, пять—до начала будущаго періода сахароваренія 189⁵/₆ гг., восемнадцать—подъ условіемъ нѣкоторой отсрочки для техническихъ изысканій. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ заводовъ не имѣютъ удобной земли для устройства полей орошенія и затруднены въ покупкѣ или арендѣ необходимыхъ участковъ, то съѣздъ постановилъ ходатайствовать предъ правительствомъ объ установленіи для такихъ заводовъ права обязательнаго (т. е. принудительнаго, по терминологіи закона) отчужденія требуемаго количества земли. Представители остальныхъ шестнадцати заводовъ не примкнули къ соглашенію, и особая коммиссія выработала для каждаго завода особыя требованія, которыя съѣздомъ признаны для нихъ обязательными къ выполненію до начала будущаго производства въ 189⁵/₆ гг. Наконецъ, три завода не прислали представителей на съѣздъ.

Въ настоящее время затруднительно входить въ оцѣнку достигнутыхъ съѣздомъ практическихъ результатовъ: опытъ покажетъ, будутъ ли выполнены условія добровольнаго соглашенія. Нельзя при этомъ не указать, что вопросъ объ упорядоченіи заводскаго дѣла въ санитарномъ отношеніи разрабатывается въ центральныхъ учрежденіяхъ съ шестидесятыхъ годовъ, но и въ настоящее время вопросъ

---

[1]) Съ ними можно ознакомиться по книгѣ д-ра К. П. Сулимы: „Сточныя воды свекло-сахарныхъ заводовъ и мѣры къ обезвреженію ихъ“, изданной въ 1894 году.

этотъ еще ожидаетъ законодательнаго разрѣшенія. Мѣстныя коммисіи (напр., кіевская и харьковская) работали еще въ 1880 г. и пришли къ весьма рѣшительнымъ и опредѣленнымъ заключеніямъ «но все, какъ оказывается, осталось по прежнему, и ничего, или почти ничего, заводы не восприняли изъ работъ коммисій» (стр. 17). Безспорно, вполнѣ вѣрно заключеніе докладчика подольскаго съѣзда: «та масса жалобъ со стороны частныхъ лицъ даже цѣлыхъ обществъ, тѣ кипы и томы возникающихъ по этимъ жалобамъ дѣлъ какъ въ административныхъ, такъ и судебныхъ учрежденіяхъ, тѣ съѣзды и коммисіи, созываемые для упорядоченія этого дѣла, не только по почину мѣстныхъ административныхъ властей, но и по порученію высшаго правительства, не свидѣтельствуютъ-ли о серьезномъ государственномъ значеніи этого вопроса вообще, а въ частности о томъ, что вопросъ этотъ не могъ возникнуть на почвѣ лишь сомнительныхъ и неосновательныхъ претензій?» (стр. 29). Но должно замѣтить, что представителями нѣкоторыхъ заводовъ были заявлены на съѣздѣ мнѣнія, радикально отвергающія необходимость и пользу правительственнаго вмѣшательства въ это дѣло. «Никто и ничѣмъ не докажетъ теперь, чтобы эпидемія (холера) развивалась сильнѣе въ мѣстностяхъ, лежащихъ по берегахъ рѣкъ ниже спуска въ нихъ отработанныхъ водъ изъ сахарныхъ заводовъ» (стр. 38). Отъ заводовладѣльцевъ потребуется громадныя затраты «безъ достиженія какой-либо особенной общей пользы». Особыхъ мѣръ по отношенію къ заводамъ не требуется, такъ какъ «попытка» правительства и труды авторитетовъ науки не привели къ положительнымъ результатамъ. «Подольская губернія имѣетъ 45 сахарныхъ заводовъ, а въ смежной съ нею губерніи кіевской ихъ 66, но и тамъ пока считаютъ, вѣроятно, преждевременнымъ придавать вопросу о загрязненіи заводскими сточными водами общественныхъ водовмѣстилищъ особую важность» [1]). Лучше всего отложить вопросъ до того времени, пока онъ не будетъ вы-

---

[1]) Отмѣтимъ, что эта справка невѣрна: кіевскимъ съѣздомъ врачей выработанъ проэктъ обязательнаго постановленія для фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ и свекло-сахарныхъ, для которыхъ именно и признана необходимость въ устройствѣ полей орошенія, установленъ порядокъ удаленія твердыхъ отбросовъ и т. п. См Труды перваго съѣзда врачей кіевской губерніи, происходившаго въ Кіевѣ въ 1893 году (Кіевъ, 1894), стр. 91 и сл. Съѣздомъ предположено не дозволять заводамъ производства, пока всѣ замѣченные въ нихъ недостатки въ санитарномъ отношеніи не будутъ устранены. Повидимому, труды кіевскаго съѣзда врачей еще не были извѣстны подольскому съѣзду сахароваровъ.

ясненъ вполнѣ опредѣленнымъ образомъ», а пока слѣдуетъ все предоставить частной иниціативѣ заводовладѣльцевъ. Многими заводами кое-что уже достигнуто въ этомъ направленіи, «а многое, вѣроятно, еще и достигнется; въ концѣ же концовъ, Богъ дастъ, мы найдемъ, вѣроятно, какой-нибудь дѣйствительный способъ къ ослабленію указываемаго намъ зла». Необходимо «не убивать частной иниціативы какими-либо постановленіями теоретическаго характера»; вѣдь и Зап. Европа еще не успѣла разрѣшить этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительно. Благія предначертанія правительства, при искренномъ сочувствіи заводовладѣльцевъ, «едва-ли могутъ достичь желаемыхъ результатовъ уже по той простой причинѣ, что у насъ, къ сожалѣнію, далеко еще не развилось сознаніе общественной пользы». Если даже заводы и перестанутъ засорять рѣки и пруды, то засорятъ крестьяне. Поэтому лучше всего «представить самимъ заводамъ сдѣлать все, что ихъ не стѣснитъ и окажется для нихъ возможнымъ», и т. д., и т. д. (стр. 39—44).

Нѣтъ сомнѣнія, что для будущаго историка нашего края настоящая брошюра, посвященная вопросу чисто практическому, дастъ драгоцѣнный матеріалъ. Будемъ надѣяться, что дѣйствительные результаты рѣшеній съѣзда будутъ своевременно опубликованы.

Н. М.

Труды перваго съѣзда врачей Кіевской губерніи, происходившаго съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ въ г. Кіевѣ въ 1893 г. (Кіевъ, 1894). Стр. 163.

Съѣздъ происходилъ съ 26 апрѣля по 2 мая 1893 г., въ составѣ 48 врачей Кіевской губерніи подъ предсѣдательствомъ врачебнаго инспектора. Задача заключалась въ «выработкѣ подробнаго плана борьбы съ могущею вновь возникнуть «холерною эпидеміею», (которая, дѣйствительно, и возникла въ 1893 и 1894 г.г.).

Излишне доказывать всю пользу и цѣлесообразность подобныхъ съѣздовъ. Свободная критика сдѣланнаго ранѣе, нестѣсняемое обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ народнаго здоровья лицами, практически знакомыми съ дѣломъ и такъ или иначе заинтересованными въ лучшей его постановкѣ, признаны необходимыми мѣстною губернскою администраціею. Нельзя не порадоваться, что благодаря изданію подробнаго и толково составленнаго протокола бывшихъ на съѣздѣ со-

вѣщаній общество имѣетъ возможность ознакомиться не только съ тѣмъ, какъ организовано дѣло на практикѣ, но и съ pia desideria людей науки и практическихъ врачей. Въ данномъ случаѣ сужденія съѣзда, конечно, строго ограничивались предѣлами поставленной ему задачи, но самая задача эта до такой степени сложна, что врачамъ неизбѣжно пришлось частью затронуть и вопросы общехозяйственные и даже законодательные, въ смыслѣ выработки необходимыхъ измѣненій для успѣха борьбы съ эпидеміею.

Въ предѣлахъ журнальной замѣтки трудно съ должнымъ вниманіемъ отмѣтить всѣ существенные результаты работъ съѣзда. Конечно, прежде всего былъ подробно обсужденъ вопросъ о недостаткахъ существовавшей въ 1892 г. организаціи для борьбы съ холерою и мѣры къ ихъ устраненію. Недостаточность врачебно санитарнаго персонала, незначительность средствъ, которыми располагаетъ мѣстная администрація для оказанія серьезной помощи населенію, слабость общественнаго содѣйствія усиліямъ властей—все это не ново, но съѣздъ, не ограничиваясь признаніемъ этихъ несовершенствъ нашей жизни, постарался выработать основанія для лучшей постановки дѣла. Затѣмъ обсуждены и разрѣшены разнообразные связанные съ этимъ вопросы, изъ которыхъ отмѣтимъ главнѣйшіе: мѣры къ обезпеченію населенія доброкачественною водою; установленіе врачебно-санитарнаго надзора въ мѣстахъ скопленія и значительнаго передвиженія рабочихъ и, въ частности, значеніе для развитія холеры наплыва богомольцевъ въ Кіевѣ; опредѣленіе размѣра необходимаго медицинскаго и санитарнаго персонала; значеніе и организація летучихъ санитарныхъ отрядовъ; предварительная подготовка санитарныхъ служителей; необходимость учрежденія особыхъ санитарныхъ врачей въ уѣздахъ; значеніе санитарныхъ попечителей; способы дезинфекціи и леченія холеры; учрежденіе столовыхъ и чайныхъ въ мѣстностяхъ, пораженныхъ холерою; регистрація заболѣваемости и смертности и т. д. Особый интересъ представляетъ выработанный съѣздомъ проектъ обязательныхъ постановленій по санитарно-врачебной части для уѣздныхъ городовъ, гдѣ не выяснено городовое положеніе, для селъ и деревень, фабрикъ и заводовъ (стр. 78—102). Безъ сомнѣнія, не всѣ проектированныя съѣздомъ мѣры войдутъ въ жизнь, такъ какъ выполненіе ихъ частью зависитъ отъ центральнаго законодательства, но уже самая постановка нѣкоторыхъ наболѣвшихъ вопросовъ по санитарной части и точное формулированіе того, что признается же-

лательнымъ мѣстными врачами, составляютъ безспорную заслугу съѣзда. Какъ извѣстно, нерѣдко самыя важныя мѣропріятія по народному здравію разрабатываются путемъ канцелярскимъ, безъ дѣйствительнаго ознакомленія съ условіями и подробностями народнаго быта. Оттого великое множество самыхъ добронамѣренныхъ предначертаній фатально осуждены на полное безсиліе. Съѣздъ 1893 года отнесся къ своей скромной задачѣ при освѣщеніи житейскаго опыта, съ вниманіемъ къ нуждамъ и темнотѣ народной массы, и мы видимъ, что будущій историкъ нашего края отмѣтитъ созваніе съѣзда, какъ дѣйствительную заслугу предъ обществомъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о помѣщенномъ предъ протоколами статистическомъ очеркѣ холерной эпидеміи въ кіевской губерніи съ 1830 по 1892 г. включительно. По сводкѣ приведенныхъ въ очеркѣ цыфръ оказывается, что въ теченіе 12 холерныхъ годовъ заболѣло 249.595 чел., умерло 55.948 чел., т. е. около 22%. Судя по даннымъ послѣднихъ лѣтъ, было-бы крайне удивительно, если-бы эти исчисленія признавались вѣрными уже приблизительно. Сколько-нибудь правильная регистрація заболѣваній и смертности есть дѣло послѣдняго времени; что же касается сѣдой старины 30-хъ и т. д. годовъ, то къ статистическимъ показаніямъ этого періода можно отнестись лишь съ улыбкою. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что наиболѣе жестоко свирѣпствовала эпидемія въ 1848 и 1872 гг. (150.982 забол. и 56.708 ум.), что холера обнаружила энергическую наклонность къ повторенію въ слѣдующемъ году, усиливаясь въ концѣ лѣта и осенью и иногда оставаясь и на зимніе мѣсяцы. Для г. Кіева весьма вѣроятна связь между появленіемъ или усиленіемъ холеры и наплывомъ богомольцевъ, особенно къ 15 августа (стр. 14).

Въ 1872 году заболѣло холерою 11.778 чел., умерло 4.485 или 38%, и кромѣ того въ г. Кіевѣ было 1.940 забол. и 659 ум. (34%). Всѣхъ пораженныхъ эпидеміею населенныхъ мѣстностей было: 9 городовъ (изъ 12), 65 мѣстечекъ (изъ 113) и 469 селеній и т. п. (изъ 2.835).

Н. М.

Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи литовскаго государства. Ѳ. И. Леонтовича, заслуженнаго профессора Императорскаго Варшавскаго университета. Спб. 1894 г. Стр. 392.

Трудъ г. Леонтовича печатался сначала въ «Жур. М-ва Нар. Просв.» въ 1893—94 г. и носитъ компилятивный характеръ по преимуществу: авторъ пользовался, главнымъ образомъ, трудами В. Б. Антоновича, Прохаски, Барбашева и др. Книга снабжена обильными библіографическими указаніями по отдѣльнымъ вопросамъ, въ общемъ, небезполезными, но невсегда, какъ уже указала критика, идущими къ дѣлу.

Авторъ интересуется литовскимъ государствомъ въ виду его особаго значенія въ области исторіи русскаго права. «Литовское государство, говоритъ онъ, обнимало собою... территорію зарожденія и развитія всѣхъ правовыхъ институтовъ древней Руси (Русской Правды). Институты эти строго хранились въ значеніи мѣстной «правды» русскихъ земель и послѣ присоединенія ихъ къ Литвѣ являлись въ XV и XVI столѣтіяхъ коренными основами литовскихъ земскихъ уставовъ, судебника, статутовъ и др.» (стр. 3). На такое значеніе литовско-русскаго права было уже указано въ 1860-хъ годахъ и съ того времени ему посвящено не мало трудовъ, но разработка его все же далеко не достигла желательной и необходимой полноты. Затрудненія къ этому заключаются въ самомъ предметѣ изслѣдованія, такъ какъ «право литовской Руси стоитъ на рубежѣ русскаго и западно-европейскаго права, представляетъ, особенно въ позднѣйшія эпохи своего развитія, такую пеструю амальгаму началъ права русскаго, литовскаго, польскаго, что необходимы долговременныя усилія со стороны историковъ и юристовъ для того, чтобы путемъ кропотливой, детальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ можно было разобраться во всей настройкѣ и разнообразіи началъ, на почвѣ которыхъ развивалось литовско-русское право». (стр. 4). Избирая на первый разъ «вопросъ объ образованіи территоріи литовско-русскаго государства и о главнѣйшихъ формахъ территоріальныхъ союзовъ, изъ кототорыхъ сложилось это государство», Ѳ. И. Леонтовичъ имѣетъ цѣлью «въ одно мѣсто свести то, что сдѣлано по этому вопросу въ трудахъ

русскихъ и польскихъ историковъ и, по возможности, провѣрить избранный вопросъ документальными данными по источникамъ и монографіямъ, изданнымъ въ новѣйшее время» (стр. 6). Въ этихъ скромныхъ рамкахъ трудъ г. Леонтовича несомнѣнно очень полезенъ для всякаго, ктобы захотѣлъ хоть нѣсколько оріентироватся въ трудныхъ и запутанныхъ вопросахъ литовско-русскаго права.

Авторъ начинаетъ съ «общаго обзора образованія территоріи литовскаго государства» (стр. 13—36). Литовско-русское государство образовалось изъ двухъ племенныхъ элементовъ, литовскаго и русскаго, различавшихся между собой какъ въ этнографическомъ, такъ въ религіозномъ, бытовомъ и культурномъ отношеніяхъ. Начало государству положило инородческое племя литовцы, къ которымъ впослѣдствіи примкнули русскія области. Ѳ. И. Леонтовичъ рѣшительно высказывается противъ утвержденія, что русскія области были завоеваны Литвой. «О завоеваніяхъ, говоритъ онъ, можетъ быть рѣчь въ начальную пору этого процесса (образованія территоріи лит.-рус. государства), при первыхъ литовскихъ вождяхъ, да въ концѣ этого процесса, при Витовтѣ. Прибѣгать къ завоеваніямъ не было никакой надобности тамъ, гдѣ гнетущія бытовыя условія стараго времени, volens-nolens, должны были заставлять русскія земли и русскихъ князей вступать въ союзъ, а затѣмъ и добровольно подчиняться власти смѣлыхъ и энергичныхъ литовскихъ вождей» (стр. 29). Внутреннее объединеніе территоріи начинается съ Витовта и завершается лишь въ началѣ шестого десятилѣтія XVI вѣка, причемъ литовское единодержавіе никогда не достигало того значенія, какъ единодержавіе московское: въ Литвѣ удѣлы присоединялись по праву выморочности, и только при явномъ стремленіи князя отдѣлиться отъ государства его принуждали силой (стр. 31).

Послѣ общаго обзора образованія территоріи литовско-русскаго государства идетъ разборъ «территоріальнаго состава Литвы» (стр. 36—69), а затѣмъ «территоріальный составъ русскихъ областей литовскаго государства» (69—73). Авторъ знакомитъ здѣсь съ русскими племенами, вошедшими въ составъ литовскаго государства, началами ихъ земской организаціи (стр. 70), стремленіемъ ихъ къ территоріальному объединенію, наконецъ, съ присоединеніемъ ихъ къ Литвѣ (стр. 72—73). Послѣ этого дѣлается обзоръ отдѣльныхъ русскихъ земель,

сообщается ихъ территоріальный составъ, административное дѣленіе и свѣдѣнія по управленію отдѣльными землями. Обзоръ земель идетъ въ такомъ порядкѣ: Кривичская земля (стр. 73—121); литовское Полѣсье (прежняя земля дреговичей) (стр. 121—150); Сѣверская земля (Сѣверщина) (151—182); Кіевская земля (182—202), Волынская земля (202—347) и, наконецъ, земля Подольская (347—393). При обзорѣ этихъ земель авторъ старается также указать на географическое положеніе, этнографическій составъ населенія и др. Противъ мнѣній, высказываемыхъ другими учеными, онъ нерѣдко полемизируетъ или же подкрѣпляетъ ихъ новыми соображеніями, какъ напр., въ спорномъ вопросѣ о запустѣніи южной Руси послѣ татарскаго нашествія Ѳ. И. Леонтовичъ присоединяется къ тому мнѣнію, что никакого запустѣнія не было и что запустѣніе это является не чѣмъ инымъ, какъ только «историческимъ миражемъ», (по выраженію проф. Антоновича) (стр. 169 прим. 3).

Н. В.

М. К. Любавскій. Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-русскомъ государствѣ (Жур. М-ва Нар. Просв. 1894 г. августъ стр. 348—394.

Трудъ проф. Ѳ. И. Леонтовича «Очерки исторіи Литовско-русскаго права», о которымъ была рѣчь выше, вызвалъ обстоятельную критику со стороны М. К. Любавскаго, выпустившаго не такъ давно обширный трудъ по литовско-русской исторіи «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Ливовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута» (М. 1893 г.). Многія замѣчанія и поправки г. Любавскаго относительно труда г. Леонтовича безусловно справедливы. Г. Леонтовичъ, дѣйствительно, увлекся частностями, въ которыхъ и потонула его главная цѣль, «и территорія великаго княжества Литовскаго, какъ извѣстный объектъ государственнаго права, осталась въ блѣдномъ и неясномъ освѣщеніи». (350 стр.). Г. Любавскій слѣдуетъ по пятамъ за проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ, стараясь показать многія фактическія невѣрности въ трудѣ послѣдняго; полемизируетъ г. Любавскій и противъ многихъ мнѣній и заключеній г. Леонтовича относительно образованія литов-

скаго государства, паденія удѣльной системы и пр. (стр. 377 и проч.). Заключеніе критика о трудѣ г. Леонтовича неблагопріятно: «на мой взглядъ, говоритъ онъ, книга г. Леонтовича нисколько не увеличила свѣдѣній и не усовершенствовала представленій о Литовской Руси» (стр. 394).

Н. В.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

2) Телеграммы внутреннія и заграничныя, причемъ будетъ обращено особое вниманіе на коммерческія извѣстія.
3) Корреспондеція внутренніи и заграничная.
4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
5) Повѣсти, разсказы и романы.
6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (Фельетонъ).
7) Обозрѣніе русскихъ и заграничныхъ журналовъ и газетъ.
8) Критика литературная, художественная и театральная.
9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Кіева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія.

Подписная цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ **10** р., на 6 м.—**6** р., на 3 м.—**4** р , на 1 м.—**1** р. **50** к.; безъ доставки и пересылки—на годъ—**8** р, на 6 м.—**5** р., на 3 м.—**3** р., на 1 м.—**1** р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ **5** р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые **5** р., безъ доставки въ тѣ-же сроки по **4** р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по **60** к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—**20** к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ редакціи, на Большой Владимірской, д. № 35, А. Я. Антоновича, 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: Л. Идзиковскаго. Б. В. Корейво и Н. Оглоблина.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская домъ № 35.

Редакторъ-издатель *В. М. Богдановъ*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти разсказы, очерки, стихотворенія и т. д). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч.) 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.) 4) Воспоминанія 5) Путешествія. 6) Матеріалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣнія духовныхъ журналовъ.) 8) Вопросы церковной жизни. 9) Современные вопросы: 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 12) Иностранное обозрѣніе. 13) Иностранныя корреспонденціи. 14) Экономическія замѣтки. 15) Областной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинціи.) 16) Объявленія.

Содержаніе книгъ 1895 г. будетъ отличаться богатствомъ, разнообразіемъ и полнотой. Пріобрѣтено, между прочимъ, для напечатанія неизданное произведеніе И. А. Гончарова и богатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Тургенева, Ѳ. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ѳ. Писемскаго, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, М. Е. Салтыкова, (Щедрина). В. М. Гаршина и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—**15** руб., на полгода—**7** руб. **50** коп., на 3 мѣс.—**3** руб., **75** коп., на 1 мѣс.—**1** р. **25** коп. Съ пересылкой за границу—**18** руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—**12** руб., 6 мѣс.—**6** руб., 3 мѣс.—**3** руб., 1 мѣс.—1 руб.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ.

Магазинамъ уступки—50 коп. съ экз.; доставившимъ подписки на 10 экз. и болѣе—уст. 10% съ экз. Подписку съ разсрочкой платежа просятъ адресовать исключительно въ контору редакціи. Книги журнала 1890—1891 г. г. продаются въ конт. ред. по 7 руб. за годъ, 1892—1894 и. г. по 5 руб. за годъ. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ 1894 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было напечатано: «Зарницы», пов. В. Микуличъ (автора «Мимочки»). «Неизлечимые», пов. П. Боборыкина. «На разныхъ дорогахъ». ром. Вас. Немировича-Данченко. «Совершеннолѣтіе» и Татьянинъ день», разск. гр. Л. Л. Толстого. «Лушка», разск. Е. Лѣтковой. «Въ странѣ пирамидъ», разсказы Д. Мордовцева. «Женская жизнь» пов. М. Крестовской. «Утрата», разс. А. Стернъ. «Тайна рѣки» пов. Ф. Нефедова. «Чиновничьи клавикорды», быль Н. Трахимовскаго. «Гомочка», пов. В. Дмитріевой. Статьи: «Рознь между художниками» В. Стасова. «Новые союзы въ Европѣ» гр. Л. Камаровскаго. «Типы преступниковъ» проф. Ю. Петри. «Воспоминанія о П. И. Чайковскомъ» Г. Лароша. «Двѣ славянскія повѣсти» П. Боборыкина. «Первый Публицистъ въ Европѣ» проф. А. Шепелевича. «Встрѣчи» Ник. Ге. «Земское страхованіе» И. Вернера. «Сельскія библіотеки» В. Вахтерова. «Тургеневъ и Толстой» проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «О себялюбіи, какъ двигателѣ общественной жизни» проф. А. Исаева. «Принципъ свободы въ царствѣ животныхъ» проф. Н. Вагнера; «Связка писемъ Герцена», Е. Некрасовъ. «Жоржъ Зандъ» П. Вейберга. «Въ Палестинѣ» очерки Б. Корженевскаго. «Записки А. О. Смирновой» (125—45 гг.). Бесѣды государя Николая I, Пушкина, Жуковскаго, Гоголя и др. Переводы: «Изъ дневника Аміеля», пер. гр. М. Толстой, подъ ред. и съ предисловіемъ гр. Льва Толстого. «Семейство Поланецкихъ», ром. Г. Сенкевича. «Современная Ніобея», ром. Іонаса Ли. «Торжество смерти», Г. д'Аннунціо и много друг.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ: 1) Областной и земскій отдѣлъ 2) Провинціальная печать Л. Прозорова. 3) Критика и библіографія. 4) Письма: изъ Америки, изъ Франціи, изъ Италіи, изъ Англіи. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) Политическая лѣтопись Л. Полонскаго. 7) Театръ. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго.

Условія подписки на 1894 г.		По полугодіямъ		По четвертямъ года			
	На годъ.	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Окт.
Безъ доставки въ Спб. въ конторы журнала.	12 р.—к.	6 р.—к.	6 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р.—к.	3 р,
Съ доставкой въ Спб. .	12 „ 50 „	6 „ 50 „	6 „ — „	3 „ 50 „	3 „ — „	3 „ — „	3
Съ перес. въ Имперіи.	13 „ 60 „	7 „ — „	6 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „ 50 „	3 „
Заграницей	16 „ — „	8 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	3 „

Подписка на всѣ означенные сроки. Разсрочка платежей. Служащіе могутъ вносить помѣсячно за ручательствомъ казначеевъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіо Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

2—3

имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской, Пензенской и приволжск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль, въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Спиридонова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита.

2—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ.)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„Одесскія Новости“

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничивались однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а старались, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ газетѣ «Одесскія Новости» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы, искусства, науки и техники. Кромѣ спеціально посвященныхъ данному вопросу статей и сообщеній, помѣщаются фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки и разсказы, журнальное обозрѣніе, театральное обозрѣніе и научно-техническій фельетонъ. Кромѣ того, на праздникъ Рождества Христова, выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій нумеръ» содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярный научный очеркъ, предназначенные для дѣтскаго чтенія. Особенно развитымъ является въ «Одесскихъ Новостяхъ» областной отдѣлъ, который имѣетъ въ своемъ распоряженіи 66 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и кромѣ того корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ отдѣленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ заведены болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Не довольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ (кроковъ), переносимъ, такъ сказать, читателей какъ и самые отдаленные уголки общечеловѣческой жизни, давая возможность видѣть наглядно происшествія, событія, выдающихся людей, замѣ-

чательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимають постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Повосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своевременно опубликованы.

Какъ до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ техническомъ отношеніи.

Съ 15 августа редакція, контора и типографія, «Одескихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	» 6 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	На годъ	9 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Вин-

ницѣ, Вознесенскѣ, Верхеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житоміръ, Измаилѣ, Киліи, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ-Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Талькомъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Өеодосіи.

Редакторъ-Издатель *А. Старковъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на **1895** годъ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ".

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» имѣетъ цѣлію удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ конечно прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства—знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприкосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Въ програму его входятъ:

1) Передовыя статьи, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ разсужденія, представляющія научный богословскій матеріалъ въ общедоступной формѣ.

2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ читателей, которые соблаговолятъ высказаться по назрѣвающимъ вопросамъ мысли и жизни.

3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніемъ факты и явленія церковно-религіозной мысли и жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати.

4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.

5) Обозрѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы

6) Лѣтопись событій въ Россіи и заграницей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и разсчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Чтеніи» будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію **«Полнаго собранія твореній Св. Іоанна Златоуста»** въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условсѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возмозность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ*.

2—3

гг. подписчики «Сѣвера» благоволятъ на пересылку таковыхъ прилагать 60 к. почтовыми марками.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Главной конторѣ редакціи «Сѣверъ»: Екатерининская, № 4.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ

(6-й годъ изданія.)

на общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1894 года въ «Русской Школѣ» помѣщены, между прочимъ слѣд. статьи: 1) Казнь Фортунки (очеркъ). Д. Мамина-Сибиряка; 2) Школьные типы 50-хъ годовъ. В. Михневича: 3) Какъ возникъ первый въ Россіи музей прикладныхъ знаній въ Петербургѣ. (Изъ моего дневника) Н. Весселя; 4) Педагогъ-идеалистъ 40-хъ годовъ. Д. Семенова; 5) Изъ дневника учительницы воскресной школы. К—ой; 6) Къ вопросу о продолжительности классныхъ уроковъ и паузъ между ними. Д-ра В. Горинѣвскаго; 7) О воскресномъ отдыхѣ въ средне учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. Н. Зайкевича; 8) О физическомъ образованіи въ школѣ. Проф. П. Лесгафта; 9) О назначеніи и обязанностяхъ школьнаго врача Д-ра А. Виреніуса; 10) Развитіе и разновидности дѣтскаго ума. П. Каптерева; 11) Объ уходѣ за психическимъ развитіемъ дѣтей Д-ра В. Якубовича; 12 Воспитаніе умственныхъ способностей (по Ножье). А. Виреніуса; 13) О необходимости поднять уровень эстетическаго образованія въ современной школѣ. Вл. Бѣлевича; 14) Воспитательное вліяніе семьи и школы. Д-ра М. Покровскаго; 15) Воспитаніе молодого поколѣнія въ духѣ трезвости и воздержанія. Е. Ковалевскаго; 16) О самообразованіи учителя. М. Демкова; 17) Богатѣйшія библіотеки на земномъ шарѣ. А. Острогорскаго; 18) Медицинское образованіе и классицизмъ во Франціи. Его-же. 19) Профессіональное образованіе въ Швейцаріи. Д-ра В. Святловскаго; 20) Школьное дѣло и женскій трудъ на выставкѣ въ Чикаго. Его-же; 21) Высшее сельско-хозяйственное образованіе. В Бирюковича; 22) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ. Его-же; 23) Обязательный минимумъ образованія. М. Песковскаго; 24) Воскресныя школы и повторительные курсы. В. Вахтерова; 25) По поводу педагогическихъ курсовъ. Н. Ларіонова; 26) О необходимости однообразной отчетности по воскреснымъ школамъ. Я. Абрамова; 27) Съѣзды народныхъ учителей, какъ общественно-педагогическая мѣра. А. Тютрюмова; 28) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній за 1893 г. И. Бѣлокон-

скаго; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ ариѳметики. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ М. Евсѣева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала «Русская Школа» за 1894 г. помѣщенно около ста рецензій, а также печатались ежемѣсячная хроника народнаго образованія Я. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Подписка на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени» и Карбасникова. Подписная цѣна за годъ—въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб.; за границу—девять рублей. Учители-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За всѣ эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народн. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «Артистъ» будетъ по прежнему выходить *ежемѣсячно* по *той-же программѣ*

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, кореспонденціи, хрони-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ красхахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова. Г. А. Мачтета. П. П. Гнѣдича. И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Луговаго, Е. П. Гославскаго, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басвинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М. Жемчужниковъ, В. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Купервикъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е. Маковскій, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ, (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Рицпони. И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Саницкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

12 выкроекъ въ натуральную величину съ костюмовъ, обращающихъ вниманіе своею практичностью и изяществомъ).

12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ извѣстныхъ композиторовъ для фортепіано и пѣнія (салонныя пьесы, романсы и танцы).

4 нумера «Образцовъ для выпиливанія» разныхъ изящныхъ предметовъ полезныхъ въ хозяйствѣ.

1 стѣнной календарь (съ картой Россіи), отпечатанный въ нѣсколько красокъ и золотомъ. Разсылается при первомъ нумерѣ.

ПЯТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ:

I) „Необходимая настольная книга для всѣхъ".

Эта новая оригинальная и весьма цѣнная премія состоитъ изъ большаго фоліанта въ 40 листовъ (640 страницъ), въ изящномъ переплетѣ, содержащаго всегда, вездѣ и всѣмъ нужныя свѣдѣнія въ особенности провинціальнымъ жителямъ.

ЧЕТЫРЕ АКВАРЕЛЬНЫХЪ КАРТИНЫ:

1) «**Возвращеніе изъ гостей**» (Оригиналы ресованы извѣстнымъ ху
2) «**Сокольничій на охотѣ**» (дожникомъ Н. Каразинымъ.
3) «**Какъ началась живопись**», Н. С. Матвѣева.
4) «**Нападеніе волковъ**», Н. Оболенского.

Кромѣ пяти безплатныхъ премій, годовые подписчики могутъ получить одновременно, при подпискѣ чрезъ главную контору, новую большую акварельную картину (длина: $22^1/_2$ вершка, вышина 16 вершковъ), воспроизведенную въ 23 краски, съ оригинала извѣстнаго художника С. Верещагина.

„ЖЕРТВА ВОЛГИ"

(Картина изображаетъ извѣстный эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина).

Годовые подписчики, желающіе получить эту картину или другіе за прежніе годы, уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой на скалкѣ)—

ОДИНЪ РУБЛЬ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЕ БЮСТЫ русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Е. И. В. Гос. Им. Александръ III. 2) Е. И. В. Гос. Имп. Марія Θеодоровна, 3) Е. И. В. Гос. Имп. Александръ II (въ Бозѣ почившій). 4) Прот. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадскій). Писатели: 5) Пушкинъ. 6) Лермонтовъ, 7) Гоголь. 8) Тургеневъ. 9) Достоевскій. 10) Графъ Л. Толстой. 11) Компазиторы: Глинка и Чайковскій. Цѣна бюста, на выборъ, для подписчиковъ Четыре рубля, а для неподписчиковъ Пять руб. (безъ доставки).

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи». (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кипріана каѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 гг). Изданіе 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Сѵнодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5 й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. **В. Пѣвницкій.**

Программа журнала, утвержденная Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

1. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библіографіи вообще.

2. Хроника 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библіографіи; 3) библіотековѣдѣніе; 4) издательское и книжноторговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библіографическаго Кружка.

3. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

4. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ,—безплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ Кружка	**4** р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ	**6** р.
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	**10** р.
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ	**35** р.
„ „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	**50** р.

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ ¼ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., домъ Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Тороповъ.*

2—3

Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Педагогическій Отдѣлъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества приступаетъ къ выработкѣ примѣрныхъ программъ для устройства въ среднеучебныхъ заведеніяхъ литературныхъ вечеровъ и къ организаціи домашняго чтенія учащихся. Въ интересахъ разносторонняго обсужденія относящихся сюда

вопросовъ желательно собрать по возможности болѣе совѣтовъ и указаній заинтересованныхъ лицъ, въ особенности г.г. педагоговъ, изъ данныхъ ихъ опыта и практики. Выборъ ограничивается, въ предѣлахъ компетентности Педагогическаго Отдѣла, небольшими художественными произведеніями, отрывками изъ большихъ, затѣмъ статьями *историко-литературными*, *культурно-историческими*, *географическими* и *этнографическими*. Цѣлью литературныхъ собраній поставляется воспитаніе эстетическаго чувства, развитіе уваженія къ дѣятелямъ науки, литературы и искусства, расширеніе и углубленіе получаемыхъ въ классѣ *историко-литературныхъ* и *культурно-историческихъ* свѣдѣній. Для удачнаго выбора статей и группировки ихъ по однородности содержанія понадобятся мрогочисленныя справки. Въ виду этого предсѣдатель Отдѣла проситъ заинтересованныхъ лицъ сообщить какія статьи можно рекомендовать для чтенія? Желательно опредѣлить приблизительно время, затрачиваемое на прочтеніе каждой предлагаемой статьи, въ разсчетѣ, чтобы на каждое собраніе приходилось отъ 3 до 8 статей [1]) Всякого рода наглядныя пособія также должны быть приняты во вниманіе (карты, рисунки, туманныя картины). Наконецъ, желательно собрать свѣдѣнія какія мѣры могутъ быть приняты для расширенія домашняго чтенія учащихся и для провѣрки прочитаннаго. При общихъ правилахъ и пріемахъ здѣсь могутъ быть частные, въ зависимости отъ мѣстныхъ библіотечныхъ средствъ.

Всякого рода сообщенія, равно какъ указанія на печатныя пособія будутъ приняты съ живѣйшей благодарностью. Все ошибочное при разборѣ матеріала можетъ быть устранено и, весьма возможно, что частныя ошибки окажутся почвой для новыхъ полезныхъ соображеній. По провѣркѣ и обсужденіи всѣхъ сообщеній будутъ составлены примѣрныя программы, которыя затѣмъ будутъ напечатаны въ одномъ изъ ближайшихъ выпусковъ Трудовъ Педагогическаго Отдѣла. Всѣ корреспонденты Отдѣла получатъ эти программы по отпечатаніи ихъ.

Сообщенія доставлять по слѣдующему адрессу: Въ Харьковъ, университетъ, профессору Николаю Θеодоровичу Сумцову.

Изданія Историко-Филологическаго Общества.

Содержаніе первыхъ 7 томовъ „Сборника“.

1-й томъ «Сборника» заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харковской и отчасти Курской и Воронежской губ., собранные Д. И. Багалѣемъ. Цѣна 2 р. сер.

2-й томъ содержитъ слѣдующія статьи: а) отчеты о засѣданіяхъ Общества и прочитанныхъ на нихъ рефератахъ; б) Матеріалы для исторіи колонизаціи и

---

[1]) При обозначеніи отрывковъ изъ сочиненій литературныхъ и историческихъ указывать на изданіе и страницы.

быта Хар. и сос. Курской и Воронежской губ., собранные Д. И. Багалѣемъ; в) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою; г) Игры крестьянскихъ дѣтей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ., собранныя П. Ивановымъ (съ предисловіемъ Н. Ѳ. Сумцова). Цѣна 4 руб. сер.

3-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества въ $18^{90}/_{91}$ академическомъ году, составленный секретаремъ общества Н. Ѳ. Сумцовымъ, и отчетъ объ архивѣ Общества съ 1-го октября 1889 по 1-е октября 1790 года.

В. Саввы. О времени и мѣстѣ крещенія русской великой княгини Ольги (опытъ историко-критическаго разбора).

М. Плохинскаго. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ).

П. Иванова. Народные разсказы о вѣдьмахъ и упыряхъ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда).

Н. Ѳ. Сумцова. Колдуны, вѣдьмы и упыри.

Д. И. Багалѣя. Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской украины (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й. 1885—1890 годы. Часть 1-я: обзоръ источниковъ.

В. П. Бузескула. Библіографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ.

Мелкія замѣтки: 1) Къ біографіи В. Н. Каразина (Д. И. Багалѣя).

Челобитная острогожскихъ старшинъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й (Д. И. Багалѣя).

Раскопка кургановъ въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ., произведенная И. М. Бичъ-Лубенскимъ (Д. И. Багалѣя).

Замѣтка о консистентахъ въ Малороссіи (Н. Н. Бакая).

О доставкѣ фруктовъ изъ Малороссіи къ царскому двору (М. Плохинскаго).

Описаніе графскаго диплома гетмана Разумовскаго (М. Плохинскаго).

О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ (М. Плохинскаго).

Письма студента Харьковскаго университета И. Я. Тросницкаго 1824—1827 года (Н. Ѳ. Сумцова).

Три письма В. М. Каразина (Н. Ѳ. Сумцова). Цѣна 2 руб.

4-й томъ. Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ.

Отчетъ о дѣятельности Общества и Историческаго Архива 1891—1892 г.

Уставъ Педагогическаго отдѣла Историко-Филологическаго общества.

Николай Бакай. Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины въ XV—XVI в.

М. М. Плохинскій. Гетманъ Мазепа въ роли великорусскаго помѣщика.

П. В. Ивановъ. Народные разсказы о долѣ.

А. А. Русовъ. Нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей.

А. С. Лебедевъ. Вотчинный бытъ монастырей Курско-Знаменскаго и Бѣлгородскаго-Николаевскаго, по архивнымъ документамъ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ сорокалѣтнему юбилею служебной и учено-литературной дѣятельности М. И. Сухомлинова.

М. Е. Халанскій. Пушкинъ и г-жа Ризничъ.

А. С. Лебедевъ. Синодскій указъ 1766 г. по поводу самовластія епископа. Бѣлгородскиго Порфирія.

Н. Ѳ. Сумцовъ. Заговоры. Библіографическій указатель.

П. П. Короленко. Черноморскіе заговоры.

М. Гавриловъ. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

И. А Семенцова. Заговоры изъ Черниговской губерніи (доставлены П. С. Ефименкомъ).

М. Д. Линда и И. Ѳ. Любицкій Нѣсколько заговоровъ.

А. Н. Деревицкій. Литература по вопросу о заговорахъ, заклинаніяхъ и т. п. древней Греціи. Цѣна 3 руб.

Сборникъ статей объ А. А. Потебнѣ въ отдѣльной продажѣ—1 руб.

5-й томъ. Отчетъ о дѣятельности Историко Филологическаго общества въ 1892—1893 акад. году, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ.

Отчетъ объ историческомъ архивѣ Общества, составленный Д. И. Багалѣемъ М. М. Плохинскимъ.

Два отчета о пожертвованіяхъ на премію имени А. А. Потебни.

М. М. Плохинскій. Поселеніе грузинъ въ Малороссіи въ XVIII в.

П. В. Ивановъ. Народные разсказы о домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалкахъ.

В. И. Савва. Къ исторіи духоборцевъ Харьковской губерніи.

С. А. Чернявская. Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки Херсонской губ.

Е. И. Багалѣй. О новыхъ матеріалахъ для исторіи Слободской украины.

Н. Ѳ. Сумцова. Дополненіе къ библіографіи заговоровъ.

Объ изданіяхъ Общества любителей древней писменности и Русскаго историческаго общества, поступившихъ въ библіотеку Историко-Филологическаго общества.

М. М. Плохинскій Опись дѣлъ Историческаго архива.

Объявленія отъ Харьковскаго Историко Филологическаго общества.

Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго отдѣла за первое полугодіе.

М. С. Дриновъ, Рѣчь при открытіи Отдѣла.

Н. Ѳ. Сумцовъ Рѣчь при открытіи Отдѣла.

М. Е. Халанскій. О методѣ обученія писанію сочиненій въ средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Н. С. Протопоповъ. Къ вопросу о сочиненіяхъ.

С А. Новицкій. Чтенія и языкъ сочиненій.

А Г. Левандовскій. Рѣчь въ засѣданіи 13 декабря.

А. Г. Левандовскій. О класномъ чтеніи древнихъ авторовъ.

А. В. Ветуховъ. Янъ Амосъ Каменскій.

Н И. Алякритскій. А. В. Кольцовъ.

И. М. Собѣстіанскій. Отчетъ г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа за 1891 годъ.

Г. Ѳ. Шульцъ. Julius Keller. Die Grenzen der Uebersetzungskuns 1892.

В. Н. Бузескулъ. По поводу новыхъ учебниковъ по всеобщей исторіи (проф. П. Виноградова и К. А. Иванова.

Н. И. Алякритскій. П. А. Висковатовъ. Сжатый обзоръ исторіи новой литературы 1892 г.

Н. Ѳ. Сумцовъ. М. Л. Песковскій: К. Д. Ушинскій 1892 г.

Н Ѳ. Сумцовъ. А. Д. Твердохлѣбовъ Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища 1893 л.

Б. А. Краевскій. Объяснительная замѣтка къ таблицамъ спряженія и склоненія въ нѣмецкомъ языкѣ. Цѣна 3 руб.

6-й томъ. Отчеты о дѣятельности И. Ф. Общества и Педагогич. отдѣла.

Свящ. В. Спѣсивцевъ. Случайныя археологическія находки.

Е. П. Трефильевъ. Изъ исторіи промышленности Слободской украины.

Я. П. Новицкій. Сборникъ малорус. нар. пѣсенъ, преимущ. историческихъ.

И. И. Манжура Малорус. народныя сказки.

Ф. Л. Германъ. Врачебное сословія древняго Рима..

А. С. Лебедевъ. Къ исторіи школъ въ Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.

Д. П. Миллеръ. и М. М. Плохинскій. Книга справъ поточныхъ Стародубскаго магистрата XVII в.

М. М. Плохинскій. Опись дѣлъ Историческаго архива.

Уставъ Педагогическаго Отдѣла И Ф. общества.

Д. И. Багалѣй. Объ элемантарной методикѣ исторіи.

Н. И. Алякритскій. О класномъ и внѣклассномъ чтеніи.

М. П. Знаменскій Греческій optativ (опытъ преподаванія въ IV классѣ).

В. И. Харціевъ. О преподаваніи грамматики русскаго языка въ низш. классахъ гимназіи.

М. И. Демковъ. О задачахъ серіозной педагогической литературы.

И. Н. Стефановскій. О грамотическ. разборѣ на урокахъ русск. языка.

С. А. Новицкій. Путь къ обновленію школьной грамматики.

И. М. Собѣстіанскій. «Объ отчетѣ Тифлиской 1 гимназіи 1893 г.».

А. В. Ветуховъ. О книгѣ Д. В. Аверкіева о драмѣ.

Н. Ѳ. Сумцовъ. О лекціяхъ А. А. Потебни о баснѣ. Цѣна 3 руб.

7-й томъ. Сочиненія Г. С. Сковороды, съ приложеніемъ портрета, вида могилы, снимковъ съ почерка, біографіи, состав. его другомъ Ковалинскимъ, и критико-библіографической статьи проф. Д. И. Багалѣя Цѣна 4 руб.

27. Туръ, въ народной словесности, 1887 г. . . . . 40 к.
28. Мышь въ народной словесности, 1892 г. . . . . 40 к.
29. Воронъ въ народной словесности, 1891 г. . . . . 25 к.
30. Заяцъ въ народной словесности, 1892 г. . . . . 30 к.
31. Этнографическія замѣтки, 1889 г. . . . . 25 к.
32. Сказанія объ искусномъ стрѣлкѣ, 1890 г. . . . . . . 25 к.
33. Отголоски христіанскихъ преданій въ монгольскихъ сказкахъ, 1890 г. . . . . 25 к.
34. Писанки, 1891 г. . . . . 40 к.
35. Сказанія о займѣ дней, 1891 г. . . . . 10 к.
36. Библіографія колдовства, 1891 г. . . . . 50 к.
37. Библіографія заговоровъ, 1892 г. . . . . 20 к.
38. Boginki—Mamuny, 1891 г. . . . . 30 к.
39. Новѣйшая поэзія, какъ образовательное средство для крестьянъ, 1895 г. . . . . 25 к.
40. Пѣсни-повѣсти о гостѣ Терентіи, 1892 г. . . . . . . 20 к.
41 Легенда о грѣшной матери, 1893 г. . . . . 25 к.
42. Г. Ѳ. Квитка, какъ этнографъ, 1893 г. . . . . 30 к.

Исидора, біографіи И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Полимпсестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ѳ. Змѣева, проф. И. В. Помяловскаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ѳ. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

***

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русскій Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкую—*девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется пріобрѣтать по уменьшенной цѣнѣ первые 26 томовъ „Архива Князя Воронцова“, содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска „Русскаго Архива“ 1894 г.

Петръ Бартеневъ. *Юрій Бартеневъ.*

2—3

писалемъ до п. Несторовича о Демяну и до Якова Дуброви о его пріездѣ сюда, и о присилцѣ сюда 50 овецъ да 10 воловъ для роботи.

Четвер. 4. Сей день былъ похмурний, холодний, вѣтряний, а къ вечору дожчеватъ, а ночъ вся дожчевата. Сегодня рано зъ п. Михайломъ ездилемъ въ Есмань стрѣчать ясневельможного, которого тамъ и стрѣтили, а поехавши оттуду къ Глухову не обѣдаючи, пріехали въ Глуховъ о 3-мъ часу съ полъдня, при пушечномъ стреляннию. Писали въ Москву родитель до Шах. и до Кур., до егожъ и я писалъ и до Камѣнского, о куплѣ сапоговъ паръ 2-хъ и туфлей парѣ.

Пятокъ. 5. Сей день весь былъ холодний, а чрезъ увесь день и ночъ дожчъ силний ишолъ. Фурмане сегодня вийшли въ Царицинскую дорогу зъ гор. нашею и съ табакомъ, а индуктарчикъ, поневажъ съ оних ъ претендовалъ индукти, чому указъ въ 1725 году виданний отрицаетъ, того ради далъ я ему карту, что въ то время отдается индукта, когда показанъ будетъ указъ другій, сей прежній указъ отставляючій.

Субота. 5. Сей день былъ зъ ранку мокрий, а потомъ мало випогодился, тако жъ и ночъ випогодилась. Архипъ Карповъ Сварковскій, Трохимъ Прокопіевъ Крисковскій и Андрушка Сухоносовскій, а съ нимъ отправилисмо запасъ нашъ гор. оковитой 11 куеъ, а простой 19 куеъ, тютюну 400 папушъ, грошей 200 р., на заплату фурманамъ—100 р., а 100 р.—для провозу, да особливе 25 р. на соль, о чомъ особливий данъ имъ во всемъ приказъ. Да черезъ ихъ же писали писма до Левашова, а чолобитніе послани о суднѣ и Уласовѣ, которій по сказкамъ Михайла Гавриленка, забравши виданного себѣ гор. 5 куеъ, муки 70 кулей, снастей отъ судна и спродавши оніе, толко отдалъ 68 р., а остатокъ грошей у себе удержалъ. Да особливо жъ писалъ писма до Колцова, коменданта Царицинского, и до Тихона Демидова, а Левашову ꙃданскихъ водокъ пуздерко послалъ; съ ними возокъ отправленъ и въ возку пара коней.

Неделя. 7. Сей день былъ зъ ранку дожчеватъ мало, а потомъ випогодился, также и ночъ випогодилась, однако жъ студена.

Сегодня были у пана гетмана и обѣдали, гдѣ читана грамота ея величества за подписаніемъ собственной руки, потвердителная на урядъ гетманскій, противъ данной во всемъ грамоти въ 1729-мъ году, отъ блаженной памяти его величества Петра Второго.

Понеделокъ. 8. Сей день былъ зъ ранку погодній, однако жъ похмурний, а болшъ къ вечеру дожчъ ишолъ зъ громомъ и черезъ ночъ мокротно было. Вѣжевскому на росходъ далемъ 20 р. На драњ 6 р. далемъ господареви, а онъ послалъ тіе гроши въ Криски. Швакгеръ мой п. Яковъ Полуботокъ пріехалъ и былъ у мене, тако жъ подканцел. Уріилъ, который взявши бочонокъ водки простой, поехалъ въ Кіевъ молится.

Вовтор. 9. Сей день былъ зъ ранку мокрій и холодноватъ, ночъ погоднѣйшая. Черезъ завѣдовцу Полтавского въ монастири числомъ 4, якіе въ полку тамъ имѣются, два мужеских а 2 женскихъ, послалисмо 40 р. на сорокоусти. Отправилисмо писмо до сестри Толстой отвѣтное объ Лизогубу, черезъ его жъ машталѣра. Панъ гетманъ переехалъ на Бѣлополовку, въ мой садъ, и сталъ наметомъ.

Середа. 10. Сей день былъ отчасти погодний, не мокрий, однако жъ частими хмурами посупленний, ночъ такова жъ была. П. Яковъ Полуботокъ, швакгеръ мой, подписалъ писмо на Криски другимъ разомъ. Онъ же говорилъ, что бунчучному енералному Івану Борзнѣ за млинъ Загорскій далъ покойний гетманъ Скоропадскій село Семкувку и 200 р., а село Стаховичево.

Четвер. 11. Сей день былъ похмурний, а въ день билъ дожчъ, и къ вечеру ночъ випогодилась мало. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ ездилемъ въ Сварковъ, откуду къ вечеру повернулемся. Были у мене п. Михайло и Воліоватій (Костенецкій). Получилемъ писмо отъ брата п. Семена, что п. Павловая болна тіотка ихъ. Также получилемъ писмо отъ Несторовича о продажѣ слободки Галецкаго и ґрунта Тупичихи Русановской.

Пятокъ. 12. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, о полднѣ мокръ зъ ґвалтовнимъ дожчемъ, къ вечеру вияснилось, а потомъ знову похмурно было. Железо пріехалъ зъ Москви и привезлъ родителеви указъ объ опредѣленіи маетностей (на рангъ енер.

подскарбѣя) Сасиновки и Линовици. А мнѣ отъ Камѣнского привезлъ 2 картуза, черний бархатний въ 6 р., да суконний въ 2 р. Отправленъ козакъ въ Роменъ, оттуду вчера пріехавшій, черезъ которого писалемъ до Якова Дуброви о прибитіи его сюда и чтобъ зъехалъ въ Роменъ и футоръ Гамалѣевскій, для устроенія порадку о волахъ въ Gданскъ посилаючихся, о томъ же до Несторовича писалемъ, чтобъ онъ къ Демяну посилалъ Тараса за тимъ, къ нему жъ о слободѣ Gалецкого и Тупичишиномъ ґрунтѣ и о пріездѣ сюда Тарасовомъ. Получили вѣсть, что родителка брату Марку висватала дочъ Березовской, асаулки Стар(одубовской).

Субота. 13. Сей день былъ зъ ранку свѣтлій и теплій, посля полудня дожчеватъ зъ громомъ, а ночъ випогадилася, а особливо къ свѣту недалному. Брати мои, Лука и Іоанъ, пріехали съ Кіева. Ездилемъ у вечеру до п. Михайла, где съ п. Петромъ видѣлся.

Неделя. 14. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, о полднѣ и до вечера дожчъ силний, къ вечеру випогодилось и въ ночѣ такъ же. Обѣдалисмо у себе и съ нами Федоръ Чуйкевичъ; по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, и п. Михайло, и съ ними въ сенкилѣю игралемъ. П. Петру говорилемъ о томъ, что ясневел. гнѣвенъ на род. и мене за тое, же указъ присланъ объ опредѣленіи маетностей на рангъ род. Сасиновки и Линовицѣ. Вѣжевскому далемъ 10 р. и въ реестрѣ записалемъ пріемномъ.

Понеделокъ. 15. Сей день былъ свѣтелъ и тепелъ, по полуднѣ мокръ зъ силнимъ дожчемъ, ночъ похмурна и холодновата. Обѣдалисмо сами у себе. По обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ и тамъ зъ Гапкою Кондзеровскою и Александрихою посидя, повернулемся. Вѣжевскому далемъ 10 р. и въ реестрѣ его записалемъ. Вѣжевскій купилъ жита четвериковъ полъ 8 за 13 р., зъ данихъ на росходъ грошей.

Вовтор. 16. Сей день былъ зъ ранку мокрий, холодний и похмурний, до вечора и черезъ ночъ. Родителка и жена повернулись зъ Овдоколля, такъ же и братъ Марко. Да онъ же братъ пошлю-

билъ себѣ въ невѣсту дочерь п. Березовской Марфу подъ часъ сеей своей въ Стародубѣ гостини[1]).

Середа. 17. Сей день и ночъ были холодніе и вѣтряніе, и похмурніе. Рано ездилемъ до п. Михайла и по обѣдѣ, гдѣ играли у ліомбаръ, а обѣдалисмо у себе.

Четвер. 18. Сей день былъ зъ ранку мокрий и холодній, после полдня теплѣйшій и випогодился, такъ же и ночъ свѣтла. Посланъ подданний Крисковскій въ Криски и дано ему 20 р. раздавать до новиии на жито. Былемъ у бригадира, которому сестра Толстая прислала кобилъ и коровъ 8 и дани (?). Отецъ Павелъ Свѣтъ пріехалъ сватать сестри за Троцкого меншого.

Пятокъ. 19. Сей день былъ вѣтряний, холодний, однако жъ випогодилася, ночъ тепла и свѣтла. Вѣжевскому далемъ на росходъ 10 р., що и записалемъ. Посланъ Циганокъ Сварковскій за плитами, щобъ повитягать и дать тертичникамъ рѣзать, которому далемъ 5 р. зъ тихъ же грошей.

Субота. 20. Сей день былъ зъ ранку похмурний, потомъ теплій и свѣтлій, и ночъ тепла и свѣтла. Посланъ Юско въ Роменъ Сухоносовку и Перервинцѣ. Черезъ его писалъ до Якова Дуброви о пріездѣ его сюда. До Несторовича—объ немъ же. До Тараса—о виправѣ жъ Gданской и 12 р. ему теперъ посланнихъ на заплату казановъ и на проч. До Алексѣя—о присилкѣ сюда 50 овець да 10 воловъ, да корови съ телямъ, и мужика Маценка и проч., а ему Юску данъ приказъ въ 11 пунктахъ, якій велено возвратить за поворотомъ. Билемъ рано у п. Петра Апостола, обѣдали у себе.

Неделя. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ. Александра Левицкого сынъ крещенъ былъ, а воспріемники были п. Петро Апостолъ да матка моя. Мы тамъ на пастовнику обѣдали. Читана грамота у п. гетмана о п. Петру, чтобъ ему бить полковникомъ Лубенскимъ и тогда жъ ему пѣрначъ врученъ. По обѣдѣ была у насъ п. Петровая, п. Михайловая и братъ п. Михайло, зъ которимъ въ городъ до п. Петра ездилисмо.

---

[1]) Дочь Стародубск. полк. есаула Семена Березовскаго. Опис. Стар. Малорос., I, 101.

Понеделокъ. 22. Сей день былъ зъ ранку похмурний, а по обѣдѣ дожчеватъ зъ громомъ, по заходѣ слонца ночъ випогодилась. Якову експедицѣя вручена и на воли мои 22, а род. 60 далъ, да 200 таляр. бит., да 20 р. да 10 камѣнчиковъ, да кубокъ у 14 лот. и проч. Родитель говорилъ мнѣ, чтобъ мнѣ несумнитись о семъ, что всѣ ґрунта въ Глуховской сотнѣ имѣющіяся, мнѣ отдани суть.

Вовтор. 23. Сей день былъ зранку похмурний, передъ полуднемъ свѣтлий, после полдня мокрий зъ силнимъ дожчемъ и громомъ; при вечеру и чрезъ ночъ похмурно. Яковъ Дуброва сегодня въ путь свой поехалъ, черезъ которого писалемъ до „ “. Сегодня обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ били у мене п. Петръ Апостолъ съ панею, п. Михайло съ панею, и игралисмо въ кадрилѣю.

Середа. 24. Сей день былъ свѣтлий и теплій и ночъ такова жъ. Хрущовъ, Нѣжинскій полковникъ, вчора пріехавшій, видѣлся съ нами.

Четвер. 25. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ, а зъ вечера хмарно. Пускалемъ кровъ зъ медіяни цилюрикомъ Максимомъ Ходецкимъ. Сестра Уляна Івановна пріехала зъ степу [1]).

Пятокъ. 26. Сей день былъ свѣтлій и теплій. Родителка и брати Лука и Іоанъ поехали въ Шабалиновъ, а былисмо у сестри. Грицку Дядѣ, Сухоносовскому подданному моему, на покупку воловъ далемъ 100 р. да черезъ его жъ пославемъ до Алексѣя 15 р., родителцѣ 15 р.

Суббота. 27. Сей день былъ свѣтлий и велми жаркій и ночъ такова жъ, и по сторонамъ хмари. Былисмо на молебствіи о полученіи вѣкторіи подъ Полтавою, а потомъ у ясневел. на водцѣ и у Мякинина, а обѣдали сами у себе. Забара въ Сварковѣ войтомъ устроенъ и явился сюда.

Неделя. 28. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и жарокъ велми, о полднѣ дожчъ, вечоръ и ночъ свѣтли. Обѣдалисмо у сестри, которая на очи захоровала была; потомъ былъ я у п. Михайла,

---

[1]) Т. е. изъ южныхъ полковъ.

где играли у кадрилѣю. Наняли сѣножать за Клевенею до Петропав. за 9 копъ, а Забарѣ далъ 6 р. на косарѣ туда и за сѣножать.

Понеделокъ. 29. Сей день былъ рано свѣтлий, а за полдень дожчъ зъ громомъ, вечеръ и ночъ свѣтли. Сегодня рано былисмо у п. гетмана на Бѣлополовцѣ, а незаставши его ездили до Тройци, откуду домой, где и обѣдали. По обѣдѣ была сестра у насъ, а потомъ п. Петро Апостолъ, зъ которимъ знову повернулись туда жъ, а оттуду зъ сестрою повернулися. П. Якову (Полуботку) 10 р. позичилъ, швакгру своему.

Вовтор. 30. Сей день рано свѣтелъ былъ. По полуднѣ дожчъ къ вечеру и ночъ свѣтла и тепла. Панъ Петръ Апостолъ, пол. луб., отездъ свой имѣлъ въ полкъ, которого опровважалисмо до футора моего Калюжновского, где и вечералисмо обще. Ночовалисмо у футорѣ своемъ; а обѣдали у сестри, где и полугодовое покойной тіотки моей было поминаніе. Сестра подарила мнѣ хлѣбъ, жито зъ Кучеровки вивезенное, 30 четвер.

Середа. Іюль м-ць. 1. Сей день былъ свѣтлий и теплій и погодний, и ночъ такова жъ. Сегодня рано поехалемъ съ футора своего Калюжновского до обозу, где стояла панѣ гетманова, опровожавшая п. Петра, съ которимъ простившись, поехалемъ съ п. Михайломъ до Дунайця и двора его осмотрѣвши, повернулемся назадъ въ домъ свой, въ Глуховъ, на обѣдъ. По обѣдѣ пріездила сестра и п. Михайло съ панею, и играли у карти, въ кадрилѣю, зъ проиграшомъ моихъ 2-хъ гривенъ.

Четвер. 2. Сей день былъ теплій, свѣтлий и ночъ такова жъ. Яковъ Жураховскій, Нѣжинскій, пріехалъ съ Москви и сказивалъ о скоромъ пріездѣ князя Шаховского и что ему грамоти на села не дано. Сегодня имѣли мы зъ сестрою разговоръ о содержаніи любве сродственной навсегда. Поехала сестра въ монастиръ Гамалѣевскій для поминанія покойной тіотки и дядѣ. А мы повернулись зъ п. Михайломъ и панею его, а вечерали у швакгра п. Якова.

Пятокъ. 3. Сей день былъ теплій и свѣтлий и ночъ такова жъ. Ездилисмо зъ женою до пасѣки Уздицкой, где опрочъ старой

пчоли 264, показалось роевъ до сего числа 40, а оттуду повернувшись, были у футорѣ и въ Сварковѣ, где и заночовалисмо.

Субота. 4. Сей день былъ свѣтелъ и тепелъ, и ночъ такова жъ, Рано, объ 6-мъ часу, слонце мѣнилось. Сегодня рано поехавши зъ Сваркова, пріехали въ Глуховъ на обѣдъ и обѣдали зъ род., а напередъ обѣдомъ посѣщали родителя: брегадиръ, Количовъ, Новоторжцовъ, обоз. енер., судця енер. и бунчучний. По обѣдѣ былъ Худолѣй и п. Михайло. Рубля до 6 р. придали еще на траву, что косятъ нанятую за Клевенею.

Неделя. 5. Сей день противъ прежнихъ былъ свѣтелъ и тепелъ и такова жъ ночъ. Былъ я рано у п. гетмана, а обѣдалисмо у себе зъ родителемъ и п. Яковомъ. Родитель вручилъ мнѣ крѣпости на ґрунта около Глухова имѣючіеся.

Понеделокъ. 6. Сей день былъ свѣтлій и теплій и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ. Сестри обѣ зъ Гамалѣевки пріехали. Ездилемъ вечоромъ до п. Михайла, отколь поворнувшись засталемъ сестру п. судіину. Составилемъ дѣло до Курѣнского степу надлежащее.

Вовтор. 7. Сей день свѣтлий былъ теплій и ночъ такова жъ. Сегодня въ сестрою о сродственной любвѣ утвержденіе по совѣсти чистой. Обѣдалемъ у сестри зъ другою сестрою.

Середа. 8. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, по полуднѣ вѣхоръ, громъ и дожчъ. Вечеръ и ночъ холодна, однакожъ ясна. Писма отправлени черезъ Уріила въ Москву отъ сестри Уляни до князя Шаховского, до Курбатова и до Бориса Толстого, отъ мене до Камѣнского, зъ приложеннимъ реестрикомъ покупокъ, и до Курбатова привѣтъ и отъ Ели...(?) Швакгеръ мой п. Андрей Полуботокъ пріехалъ въ Глуховъ. Сестри были у насъ и п. Михайло, и игралисмо въ карти.

Четвер. 9. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Полковники—Полтавскій Василь Кочубей, Гадяцкій Грабянка были у присяги по рангамъ своимъ, на вѣрность ея величеству. Обѣдалисмо въ дому и въ насъ Березовская вдова, а сваття наша по брату Марку. Ездилисмо зъ п. Михайломъ и панею его, до швакгра

п. Андрѣя, оттоль до сестри, где и въ карти гралисмо; оттоль въ его швактра вечералемъ зъ женою.

Пятокъ. 10. Сей день былъ свѣтлий и ночъ такова жъ. Сестра п. судіина дала мнѣ ģліобуси меншіе.

Субота. 11. Сей день былъ сперва свѣтлій, а после обѣда мокръ и дожчеватъ, къ вечеру випогодилось, ночъ свѣтла и тепла. Родитель поехалъ въ Шабалиновъ, рано, по службѣ Божой. Обѣдалисмо у себе и съ нами п. Яковъ швакгеръ. По обѣдѣ ездилемъ до брегадира и Количова, у лазнѣ милемся. Волоси зъ голови падаючіе лѣчилъ я, борщемъ змивши голову, въ якомъ жито оттоплено было толко одно зъ шалвѣемъ.

Неделя 12. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночъ такова. Былемъ у п. гетмана, а обѣдалисмо у себе и съ нами швакгровая п. Андрѣевая. По обѣдѣ была сестра у насъ, зъ которою ездилемъ до п. гетмановой.

Понеделокъ. 13. Сей день былъ свѣтлій и теплій. Тертичникамъ Пироговскимъ далемъ 8 р. и 20 а. за 200 шнуровъ, шнуръ по 4 р. и 10 а. Господареви далемъ 8 р. на росходи Крисковскіе, куда онъ и посланъ, и черезъ его посланъ пакетъ и пункта до Свѣдерского, старости Оболонского, розискать о попу, господару и подданнихъ. Швакгри мои обѣдали у мене. Тертичники Пироговскіе Андрѣй Крошенокъ да Остапъ Таранъ.

Вовтор. 14. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночъ такова жъ. Вчора преставлшегося попа ст. Михайловского, здешного Глуховского, отца Александра Волковѣцкого, погребено въ той же церквѣ. Досипалемъ антала венģерского ляģернимъ виномъ. Обѣдалемъ у сестри, заехалемъ до швакгровъ моихъ, где была п. гетманова, да тамъ же мы и вечерали. За сестрою п. судіиною ездилемъ оо брегадира и просилемъ его принять чолобитную ея о раздѣлки зъ пасинками и объ отсрочки чолобитческихъ дѣлъ на ея. Господаръ отправленъ теперъ, а не вчера, въ Криски.

Середа. 15. Сей день былъ свѣтлій и теплій, а ночъ зъ дожчемъ и громомъ, толко тмянъ (sic) день былъ. Обѣдалисмо у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ, и по обѣдѣ били оба швакгри у насъ, отъ которихъ я поехалъ въ Уздицю и билъ въ пасѣцѣ, где било

уже роевъ около 100, оттоль возвратясь, пріехалъ домой. Швакгри написали карту до Свѣдерского, старости Оболонского, чтобъ молоть мнѣ въ ихъ млинѣ Крисковскомъ безъ мѣрки. Швакграмъ п. Андрѣю даровалемъ табакерку сребраную, а п. Якову кортикъ. Панъ гетманъ захоровалъ противъ середи на конституцѣю.

Четвер. 16. Сей день свѣтлій былъ, толко къ вечеру хмари великіе надійшли, и смеркомъ былъ громъ и блискавици жестокіе, зъ великимъ дожчемъ. Швакгеръ п. Андрѣй Полуботокъ отехалъ въ Чернѣговъ, котораго опровожать до Тулиголовъ жена моя поехала. Родитель п. братъ Марко пріехали сюда въ Глуховъ. Вечералемъ у сестри и позно повернулемся въ домъ свой. Гетманъ боленъ билъ зѣло, але помалу началъ ощущать отраду въ болезни своей.

Пятокъ. 17. Сей день былъ свѣтлій и жаркій, по сторонамъ хмари, ночъ свѣтла жъ и тепла. Панъ гетманъ лѣкарствомъ доктора Бока отмылся мало, але лихорадка прійшла.

Субота. 18. Сей день былъ жаркій и свѣтлий, и ночъ такова жъ. Юско послалъ въ Луб. полкъ и съ нимъ къ Несторовичу писмо и 40 р. на покупку мѣди, на казанъ пивоварний, а 10 р. Алексѣеви на сѣнокосъ да къ немужъ листъ, а Юску приказъ въ 12 пунктахъ. Братъ Марко и швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ поехали въ Чернѣговъ. Брату далемъ 20 таляр. бит. и листъ до архирея Чер. о сватанню его и обрученіи Якубовича зъ свойственною Марковой невѣстѣ. Сестра была у насъ и другая. Войтъ Кіевскій Полоцкій, пріехавшій зъ Кіева, былъ у гетмана. Даровaнихъ отъ сестри жита 30 четверииовъ отобралемъ. Принялъ я отъ Вѣжевского денегъ шинковихъ 15 зъ полтиною.

Неделя. 19, Сей день былъ теплій чили жаркій и свѣтлій и ночъ такова жъ. Рано былъ я на Бѣлополовцѣ, где видѣлъ п. Михайлову тожъ болную, и п. гетманъ въ однакомъ болезни своей состояніи. Обѣдалемъ у себе, по обѣдѣ ездилемъ до сестри, где зъ сестрою п. судіиною простился, отехавшою въ домъ свой. Зъ Якубовичемъ розговорувалъ о претенсѣи моей такой, что отдалъ Ѳуберна (?) 100 р., и Змеіову 50 р., безъ моего приказу, да въ

Демяна 400 р., давъ Гаврила 375 р., да позичить велѣлъ на 150 р., якихъ доправить на должникахъ нелзя за скудостію ихъ, через проездъ убитку на 15 р., итого 1090 р.; а что тютюнъ 10000 папушъ затонуло въ томъ убитку: папушу по 5 копѣекъ положивъ, на 500 р., итого всего 1590 р., Василій Жураковскій, бывшій асаулъ енералний, зъ чехотной болезни умре. Вѣжевскоиу далемъ 15 р. на росходъ.

Понеделокъ. 20. Сей день свѣтлій и теплій, и ночъ таковажъ, толко жъ отъ середи прошлой понинѣ, и въ день и въ ночѣ, будто туманъ якій, за кототорою мглою ни слонца, ни мѣсяца видать такъ ясно, якъ водится, невозможно. Гетманъ боленъ и пароксизмъ повседневной лихорадки дважди билъ. Жена 10 р. на ярмарковое покупки взяла. Вѣжевскому на росходи далемъ 8 р.

Вовтор. 21. Сей день таковийже былъ и ночъ. Жураковскій погребенъ зъ публѣчною церемонѣею изъ пушокъ и дробного ружжя стрелбою, при церквѣ святого Михаила, въ купѣ зъ синомъ своимъ Петромъ. Обѣдалемъ у сестри. Македонскій, служитель сестринъ, зъ 15 возами воловими ея багажу, отправленъ въ Москву, черезъ которого писалемъ до архиерея Ѳурки о заплаченнихъ мною по его легацѣи денгахъ на Печерскій монастирь 140 р., а на протчіе Кіевскіе монастири 790 р , и чтобъ респектовалъ о мнѣ, для того, что такіе его денги зъ моимъ судномъ пропали и сіе я отъ своего имѣнія. Писалъ же я объ отсилцѣ сего писма до Каратаева, а до Камѣнского писалъ о дѣлѣ ему порученномъ.

Середа. 22. Сей день таковъ же былъ, якъ и другіе прежніе, и ночъ. Обѣдалисмо у себе зъ род., а передъ обѣдомъ навѣщали насъ старшина пол. Прилуцкая. По обѣдѣ сестра была у насъ. Пріехалъ Павелъ Апостолъ, Мир. пол.

Четвер. 23. Сей день былъ теплій и свѣтлій противъ прежнихъ, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами старшина пол. Прилуцкая. Билемъ у гетманскомъ дворѣ на Бѣлополовки, и видѣлся зъ н. п. Павломъ и Петромъ, пріехавшими сюда ради болезни ихъ родителю. По обѣдѣ ездилемъ до сестри и тамъ вечералемъ. Престалемъ декоктъ пить.

Пятокъ. 24. Сей день былъ теплій и свѣтлій, зъ малимъ вѣтромъ. Черезъ Григорія Шаргородского писалемъ писмо до Несторовича и 10 р. на косовицю послалемъ, а относимъ Забара войтъ. Имѣлемъ поноссъ, якъ разсуждаю, отъ декокту вчорайшого, зъ 15 столцовъ.

Субота. 25. Сей день былъ свѣтлий и теплий, и ночъ такова жъ. Увѣдомилемся о приключившейся брату Семену болезни горячцѣ, которому послалемъ лѣкарства черезъ Василя служителя, да ему жъ далемъ 20 р. на покупку коней робочихъ въ ярмарку Лубенскомъ. У лазнѣ милемся и кровъ банками пускалемъ.

Неделя. 26. Сей день былъ таковъ, якъ и вчорайший, толко у вечеру туманъ, ночъ тепла жъ. Обѣдалемъ у сестри, а дновалемъ у п. Михайла, п. Петра и п. Павла.

Понеделокъ. 27. Сей день былъ таковъ, якъ и прежніе, ночъ холодновата. Обѣдалемъ у себе, а передъ обѣдомъ билъ Люка, Ѳротъ и Кочубей молод. По обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и съ нимъ до Кочубея, а съ Кочубеемъ и Казѣмѣровимъ ездилисмо до Мякинина, которого зъ Новоторжцовимъ избралъ Казѣмировъ отъ своей стороны въ медіяторѣ межи имъ и Кучубеемъ, избравшимъ насъ двохъ, въ претенсѣи интерессу отъ Кочубея надъ 3081 р. за брата его, небожчика и поговоря розехались, отложивши на завтрее.

Вовтор. 28. Сей день былъ таковъ же, якъ и прежніе, и ночъ. Обѣдалемъ у сестри, а по обѣдѣ ездилемъ до Мякинина, гдѣ съ нимъ, также зъ п. Михайломъ посидѣвши и нѣчого нездѣлавши, розехались. Повернулись Сухоносовскіе люди зъ Багмуту и за 12 р. привезли соли 115 пуд.

Середа. 29 Сей день былъ противъ прежнихъ теплій и сухій, и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами Люка, а по обѣдѣ пріехала сестра зъ братомъ п. Михайломъ и женою его, и игралисмо въ карти, а потомъ сестра у насъ и ужинала. Зъ Москви отъ Камѣнского прислани туфлѣ ко мнѣ.

Четвер. 30. Сей день былъ похмурний, после полдня вѣтеръ и дожчъ, ночъ хмурна жъ. Радиону Кролевецкому, жителеви тутейшому Глуховскому, визичилемъ 100 р. а онъ вмѣсто провизѣи,

уступилъ вѣчно двора Бѣлополовского, а въ заставу положилъ дворъ мѣскій, комору крамовую, да поле Оробеевское, на что и крѣпостей 3, на поле одна, а на двори двѣ вручилъ мнѣ черезъ подписка родителского Якова, а срокъ отдать ему тіе денги 1731-го году, октовр. 1-го числа, когда крѣпости на заставніе дворъ и поле отберетъ къ себѣ. Обѣдалисмо у сестри и тамъ вечерали. Писалъ я черезъ Мехедзѣна (?) до род. о своемъ виездѣ въ Черниговъ, до Несторовича—о козаку броварномъ, о Игнату, въ футоръ Гамалѣевскій о Тарасу и его изслѣдованіи поступковъ, до Кучарского—объ Омеляну, въ Сухоносовму. П. Павелъ и п. Петро поехали въ доми свои по полкамъ.

Пятокъ. 31. Сей день былъ мокрий, дожчеватий и мало прохладний и ночъ таковажъ. Гапка была унасъ, которой далемъ въ Кіевъ едучой, 3 р. П. Михайло былъ у насъ и простясь со мною, отехалъ.

М-цъ августъ. Субота. 1. Сей день былъ свѣтлій до полдня, а потомъ дожчеватъ мало, а болше хмаренъ, въ ночъ силний дожчъ зъ громомъ и блискавицею ишолъ. Ездилъ я зъ п. Михайломъ и панею его до сестри и играли въ карти. Родитель пріехалъ въ Глуховъ зъ Ромна и обявилъ о поправѣ брата Семена.

Неделя. 2. Сей день сперва былъ холодний и похмурний, а потомъ свѣтелъ и мало тепелъ, ночъ сперва свѣтла, а потомъ похмурна. Обѣдалисмо у себе, и въ насъ отецъ Якимъ, попъ княжой церкви. Далъ приказъ Якову Карабуту до Сивалку Семену ехать въ Кіевъ для куплѣ мажи соли и воловъ волоскихъ, и вина 80 р. Далъ приказъ зятю стар. Тулиг., въ Москву едучому, зъ вовною и тютюномъ, и на покупки въ запасъ 35 р., а имъ на дорогу на вози два 3 р. Далъ же прикалъ Забарѣ и другій Вѣжевекому о правленіи дому. Виехалемъ зъ Глухова, простившись зъ родителемъ, заехалемъ до сестри и оттоль простившись, поехалемъ и прибылъ въ Тулиголови.

Понеделокъ. 3. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ, о полднѣ дожчъ зъ громомъ силний, вечеръ и ночъ погодни. Братъ Марко пріехалъ въ Тулиголови и подалъ мнѣ писмо отъ швакгра п. Якова

Зъ отцемъ Петромъ сторговался: онъ мѣетъ, по Семенѣ, поставить мнѣ цегли паленой 5000, тисяча по 7 зол., а всего приходитъ за цеглу 35 зол., таесть 7 р. Въ Тулиголовахъ пчоли всеей 35, подкопнихъ[1]) въ томъ числѣ 7. Старостѣ Тулиг. далемъ 10 р. на потребы тамошніе и на заплату будинку за 11 копъ купленного у Быстрику, а особливо рубль на вишнѣ. Поехалемъ зъ Тулиголовъ въ путь мой, а уехавши милю, пріехалъ до Дубовичъ села, а отголь до Обтова, въ трохъ миляхъ отстоящого, где зъ Іваномъ Забѣлою повидавшись, поехалемъ до Погорѣловки селця его, въ 5 верстахъ отстоящого, где въ дворѣ его и заночовалемъ. Лѣкарство на товаръ хоруючій: достать отъ суки первихъ щенятъ и оніе побивши посѣкти на шматки и вложивъ въ горщокъ, налить водою чистою и накривши покришкою чили мискою, обмазать тѣстомъ и поставить у волномъ духу, чтобъ такъ прѣло двое сутокъ, потомъ отставивши и простудивши заливать товаринѣ по полкварти мѣрою.

Вовтор. 4. Сей день былъ свѣтлій и погодній, такова жъ и ночъ. Поехавши зъ ночлѣгу отъ Погорѣловки и уехавши верстъ зъ двѣ, пріехалемъ до перевоза, где переехавши черезъ Десну, уехалемъ лугомъ верстъ зъ двѣ и пріехалъ до села именуемого „ “, монастира Печерского, а оттоль зъ полтори милѣ до села Иванкова, монастира Печерского, а оттуду верстъ у 3 до Крисіокъ. У Крискахъ часовъ слухалемъ и обѣдалемъ. Передъ вечоромъ поехалемъ къ монастиру Рихловскому, отъ Крисіокъ въ 6 верстахъ отстоящему, где пріехавши, переночовалъ. У Крискахъ горѣлки болшихъ куеъ, а едная малая. Черезъ Вувдю, отпускаючуюся въ Глуховъ, писалемъ до жени о своемъ въ монастиръ отездѣ.

Середа. 5. Сей день зъ ранку былъ до полудня похмурний и мало мокръ, а после полдня къ вечеру силний дожчъ ишолъ, ночъ хмурна и холодна. Сей день пробавилемъ зде въ монастирѣ Рихловскомъ.

Четвер. 6. Сей день былъ похмуренъ и многократно дожчеватъ, а особливе подчасъ полдня. Ночъ была похмурна и холод-

---

[1]) Подкопные ульи, вслѣдствіе переполненія медомъ, ставятъ надъ *выкопаными* подъ ними ямками, чтобы дать мѣсто сотамъ.

новата. Отъ духовного воспомянено правило; постъ пятничний и параклисъ. Сегодня приобщалется Тайнамъ Святимъ и тутъ въ монастирѣ пробавилемъ. Получилемъ писмо отъ жени о приключившойся брату п. Семену рецѣдивѣ и Мануйловичу асаулѣ енер. паралѣжу.

Пятокъ. 7. Сей день былъ сперва похмуренъ, а потомъ теплъ и свѣтлий, ночъ сперва дожчевата и потомъ похмурна. Сегодня въ монастирѣ службы божой вислухавши, поехалемъ и ездилемъ до Псаровки, а оттоль повернулся въ Криски, зъ Крисокъ до монастира 6 верстъ и до Псаровки такъ же.

Субота. 8. Сей день былъ свѣтлий и теплій велми, ночъ погодна, свѣтла и ядерна. Сегодня рано зде въ Крискахъ службы божой слухалемъ, а по службѣ былъ у мене прапорщикъ Мекленбурского корпуса, зъ вахмистромъ, такъ же Ерофѣй зъ попомъ, который ожесточившись не прийшолъ зъ людми въ примиреніе. Щиталъ я реестръ господара Крисковскій, по якомъ оказалось: 1) пріему денежного всего по мой отездъ 158 р. и копѣекъ 74, а въ росходѣ 114 р. и копѣекъ 30, 2) жита въ пріемѣ Глух. 75 и пол. Понорницк. 78 и пол., итого 150 четвер. мѣри Понорницкой; 3) гор. виробилось по сіе число носатокъ 154, въ росходѣ носат. 95, а налице 59 нос.; 4) отъ шинкара Крис. доводится за 13 нос и квартъ 55, 21 р. и копѣекъ 5. Господареви далемъ 20 р. и сіе зачислилъ межи вишепрописанний пріемъ. Далемъ ему жъ господареви приказъ въ 15 пунктахъ, которого копія при семъ. Получилемъ писмо отъ швакгра п. Якова Полуботка объ учинившомся несогласіи у его зъ п. Андрѣемъ, на которое отписалемъ, совѣтуя терпеливно зносить, да приложилемъ о Грембецкого деревняхъ и форму купчой приложилъ, да и о попу Крисковскому писалемъ же. Черезъ того жъ служителя п. Якова писалемъ до жени о себѣ, прилагая и то, чтобъ Вѣжевскій да Забара не отпускали Крисковскихъ подводъ въ порожнѣ назадъ, але давали бы жито. Поехалемъ зъ Крисіокъ по службѣ и пріехалемъ до Оболоння на обѣдъ, а ехалемъ милю до монастира Рихловского, а отъ монастира милю до Оболоння. Пообѣдавши, переехалемъ тутъ черезъ Десну, пріехалемъ

до Коропа, въ 4-хъ верстахъ отъ Оболоння отстоящого, где въ дворѣ покойной тіотки моей, гетманши Скоропадской, заночовалемъ.

Неделя. 8. Сей день былъ свѣтлій и теплій, ночъ свѣтла и холодновата. Рано отъ ночлѣга вставши, поехалемъ и уехавши 3 милѣ, пріехалемъ до Шабалинова, въ 3-хъ миляхъ отъ Коропа отстоящого, где и обѣдалемъ. Писалемъ отсюду писма: въ Глуховъ, до родителя, о себѣ и о Якубовичу, въ Чернѣговъ появившемся обявляючи. До Вѣжевского и Забари о придатку денегъ зъ шинковного збору на приказанніе имъ нужди до исправлення; о посилки жита черезъ Крисковцовъ въ Криски и объ неотпуску ихъ въ порошнѣ, о лѣкарствѣ на товаръ, чтобъ завременно предварали. До Люки комплементъ. До господара въ Криски, о намету и денгахъ сестриниxъ отъ Іваницѣ доводящихся взять, о устроеніи 9 казановъ, о сооруженіи ями дубовой, и чтобъ зъ зборнихъ денегъ употребилъ часть на исправленіе повеленнихъ ему рѣчій, когда даннихъ денегъ не станетъ. Поехавши отъ Шабалинова, по обѣдѣ, пріехалемъ къ Новимъ Млинамъ, где зъ Иваницею видѣлся, и въ томъ что къ господару писалемъ розговорувалъ, а зъ Шабалинова до Новихъ Млиновъ около 7 верстъ; зъ Новихъ Млиновъ уехавши милю, приехалъ до села Головенки, писара енер., отъ Головенки уехавши верстъ зъ 2, сталемъ на ночлѣгъ.

Понеделокъ. 10. Сей день былъ свѣтлий и теплій, ночъ свѣтла жъ и ядрана. Отъ ночлѣга вставши, уехалемъ около 2-хъ миль и пріехалъ до Бахмача, отъ Бахмача верстъ зъ 2 уехавши, пріехалъ до Куренѣ, где и обѣдалемъ. А по обѣдѣ уехалъ 2 милѣ до Гайворона, отъ Гайворона милю до Дмитровки, тутъ и ночовалемъ. Въ Куренѣ далемъ приказъ Радкевичу и старостенку Шабалиновскому инструкцѣю тоесть протестъ и листъ до Якима Горленка, хоружого енер., до комисѣи ихъ объ разездѣ степу Курѣнского стягаючіеся [1]).

Вовтор. 11. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Отъ Дмитровки уехалъ 3 милѣ, тоесть верстъ 22, до Бубновъ, где у отца Свѣта и обѣдалемъ съ нимъ и зъ Федоромъ

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., II, 179.

Заборовскимъ и панею его. По обѣдѣ, 17 верстъ уехалъ до Ромна, а пріехавши, засталемъ родителку, брата Семена и другихъ при добромъ, слава Богу, здоровью.

Середа. 12. Сой день былъ свѣтлий и теплій, въ день маленкій дожчикъ, вечеръ и ночъ свѣтліе и тепліе. Купилемъ у Петра Воротеляка гнѣдого коня 7-ми лѣтъ, за 13 р. Пріехала жена зъ дѣтми, передъ вечернею.

Четвер. 13. Сей день былъ зранку свѣтлій, зъ полдня дожчаватъ, передъ вечеромъ випогодилось, а по заходѣ солнца знову дожчъ, ночъ похмурна, передъ свѣтомъ випогодилась. Сегодня обѣдалисмо совокупно, по обѣдѣ поехавши, уехалемъ миль 3 до Андрѣевки, а оттоль въ свой Гамалѣевскій футоръ, где и ночовалемъ. Тамъ же осмотрувалемъ пчоли своей, якой всей будетъ 80, въ томъ числѣ подлой (плохой) зъ 20. Родителцѣ 15 р. Сѣна уробленного всего скиртъ 18 тутъ въ футорѣ моемъ, а еще на 7 скиртъ покошеного сѣна будетъ.

Пьтокъ. 14. Сей день зранку холоденъ и похмуренъ, потомъ потеплѣлъ, а вѣтрянъ, ночъ свѣтла, а холодна. Сегодни тутъ у футорѣ Тараса, за показаніе отъ его безчиніе, покаралемъ, и отехавши оттуду, пріехалемъ въ Роменъ передъ вечеромъ. Ярема отвюзъ 4 пуда мѣди на казанъ броварний въ Глинскъ и знову отобралъ.

Успеніе Пр. Б. Субота. 15. Сей день былъ зранку холодноватъ, а потомъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ свѣтла и погодна. Обѣдалисмо у протопопи Савѣцкого и подпіяхомъ. Отправленъ Пиндюренко зъ Сварковцями въ Глуховъ, черезъ которого писалемъ: 1) до род., о моемъ и жени моей пріездѣ сюда въ Роменъ; 2) до Вѣжевского и Забари 10 пунктовъ. Отъ Несторовича отобралемъ назадъ 40 р., которіе были ему данни на покупку мѣди.

Неделя. 16. Сей день былъ сперва свѣтлий, потомъ дожчеватъ, къ вечеру випогодилось, ночъ свѣтла и погодна. Демянъ и Василь, служители, пріехали зъ Глухова въ Роменъ; послѣдний сказалъ, что за 20 р. даннихъ ему купилъ онъ 6 коней возовихъ робочихъ, а первий подалъ листъ отъ родителя и за свое безчиніе

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровозрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.